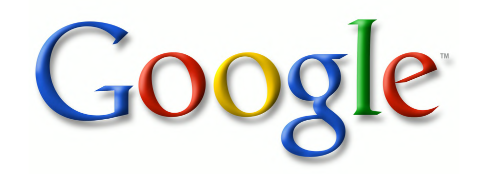

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

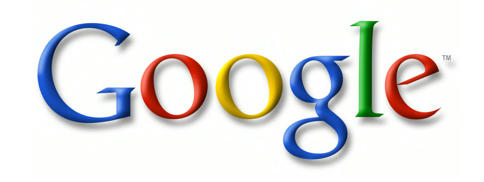
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

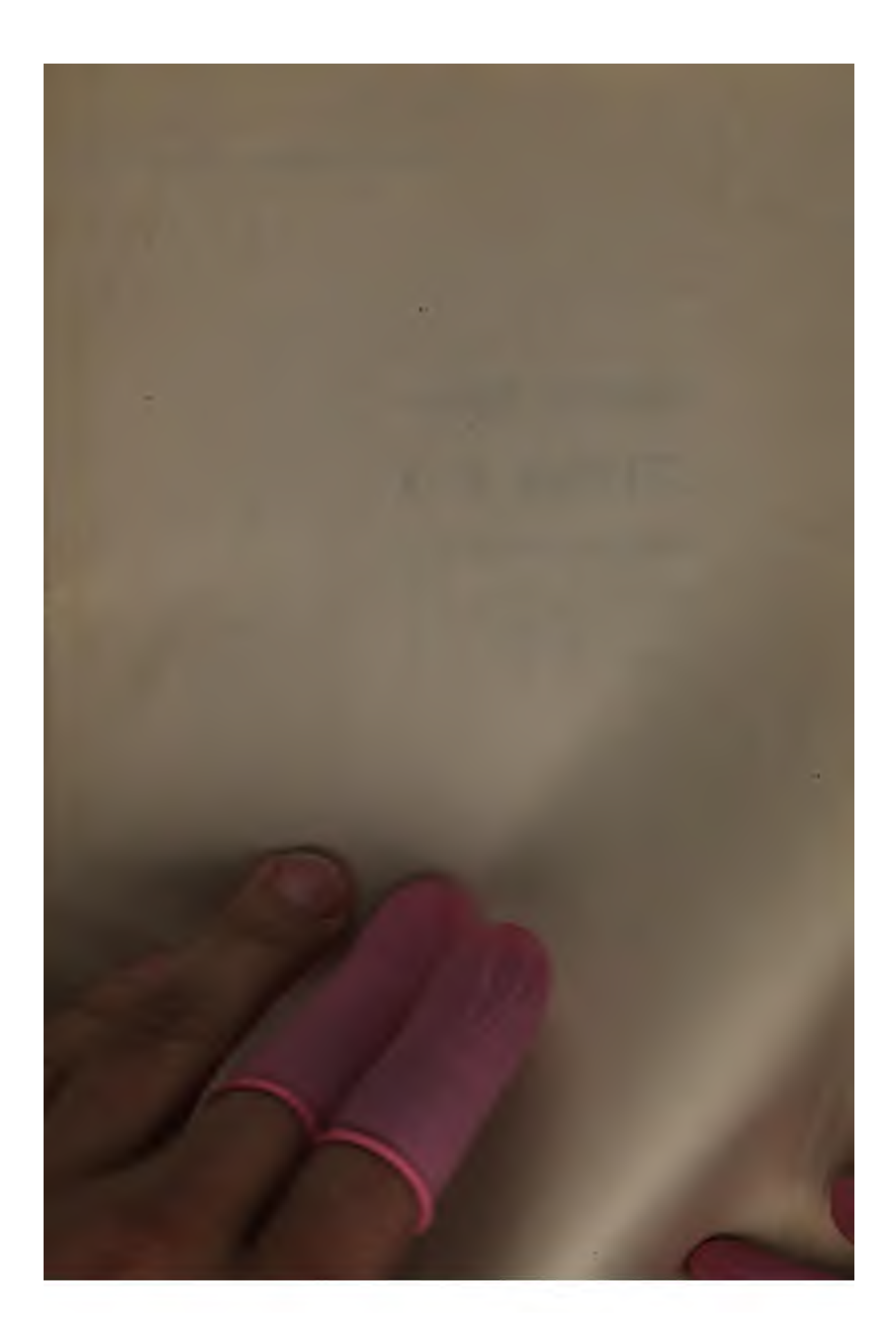
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ КОНДРАТІЯ ѲЕДОРОВИЧА РЫЛѢЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. ПОРТРЕТЪ И СТАТЬИ.

Библіотека Декабристовъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. 1906 ГОДЪ.

Rylееv, K. F.

ИЗДАНІЕ
«БИБЛІОТЕКИ ДЕКАБРИСТОВЪ»

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

ЕГО ПОРТРЕТЪ и СТАТЬИ:

× × × А. И. ГЕРЦЕНА,
Н. А. БЕСТУЖЕВА, × ×
× × × Г. БАЛИЦКАГО.

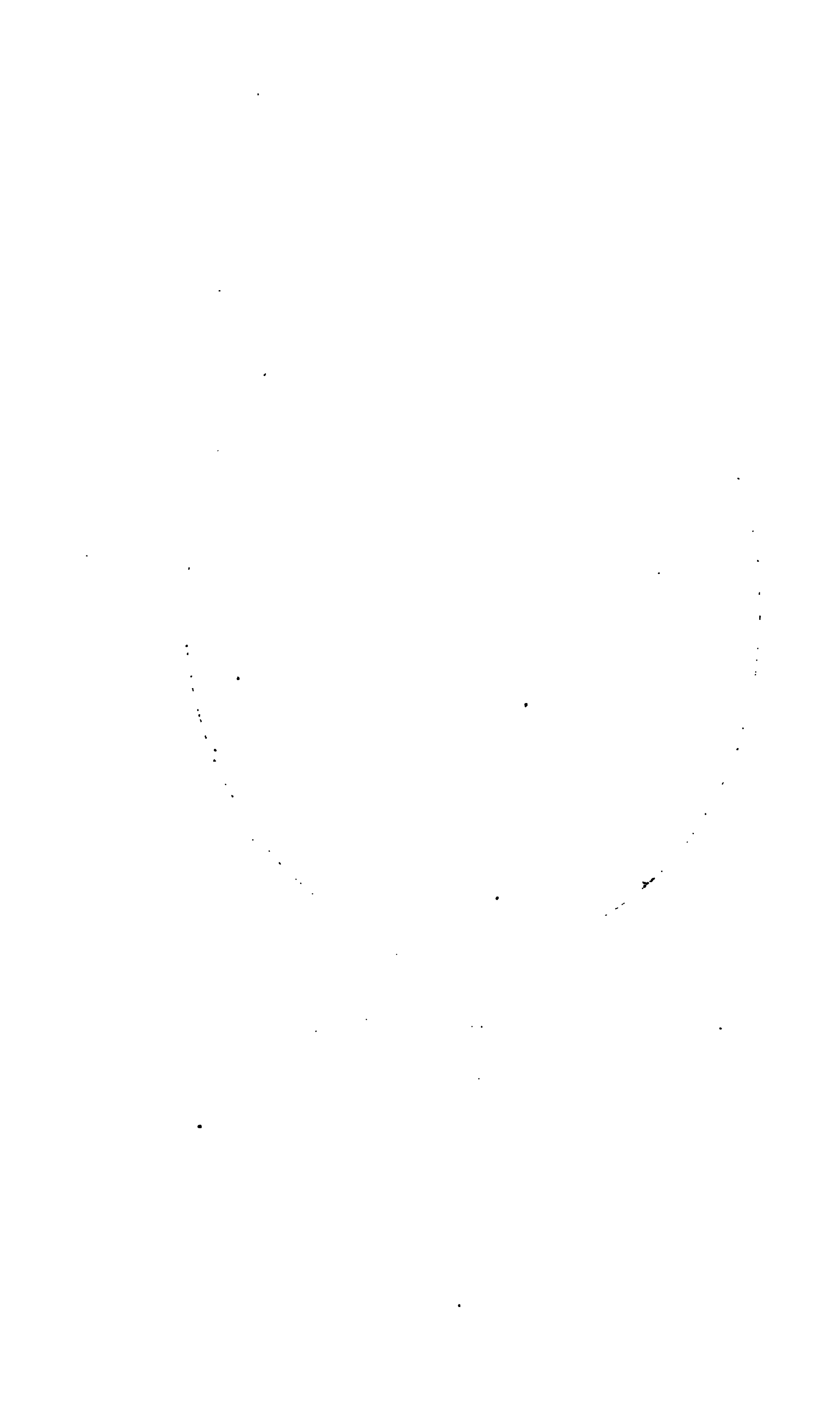
МОСКВА. 1906 года.
Типографія „СОКОЛЪ".

891.71
R991
v.1

К. Ѳ. Рылѣевъ.

(Изъ коллекціи портретовъ Сомова).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Изученіе общественнаго движенія въ царствованіе Александра I и даже простое ознакомленіе съ нимъ, еще такъ недавно запретное для русскихъ ученыхъ и читателей, за послѣднее время разлилось широкой волной. Мы уже имѣемъ не мало цѣнныхъ работъ, посвященныхъ декабристамъ, и массу брошюръ объ нихъ же. Уже это показываетъ, насколько назрѣла потребность въ обществѣ возможно больше знать о декабристахъ—нашихъ первыхъ революціонерахъ и насколько интересно само событіе, подлежащее изученію.

Декабристы оставили по себѣ богатое наслѣдіе, но благодаря тому, что оно разбросано въ малодоступныхъ уже теперь журналахъ, заграничныхъ изданіяхъ, частныхъ рукописяхъ и архивныхъ документахъ, оно подчасъ мало извѣстно читателю; поэтому прямою задачею момента является собрать весь этотъ матеріалъ воедино, представить его въ возможно полномъ видѣ и сдѣлать его доступнымъ всѣмъ и каждому.

Вотъ задача, поставленная настоящему изданію. Насколько мы успѣемъ въ ней—это покажетъ ближайшее будущее, и съ этой стороны прежде всего мы ждемъ оцѣнки отъ нашихъ читателей. При этомъ всякій знаетъ, съ какими трудностями приходится сталкиваться, какія препятствія приходится преодолѣвать—тутъ и проклятыя «независящія обстоятельства» висятъ дамокловымъ мечемъ, тутъ и недоступность изданій и матеріаловъ, тутъ и недостатокъ свѣдѣній и пр. и пр. При всемъ разнообразіи и пестротѣ матеріаловъ, предполагаемыхъ къ печатанію въ первую очередь, мы думаемъ, что при внимательномъ ознакомленіи съ нимъ, можно найти общую свя-

зующую черту. Въ однихъ произведеніяхъ читатель найдетъ отраженіе тѣхъ идеаловъ, которыми жили и руководились декабристы до и послѣ событія 14-го декабря 1825 г.; въ другихъ разработаны тѣ положенія, которыя должны были лечь въ основу государственнаго переустройства въ случаѣ удачи заговора; въ третьихъ изображается историческій ходъ общественнаго движенія въ царствованіе Александра I, самое событіе 14-го декабря и участіе въ немъ извѣстныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ; въ четвертыхъ—представлены характеристики руководителей и участниковъ возстанія и т. д.

Что касается до перваго выпуска, гдѣ мы помѣщаемъ сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, то мы должны сказать, что въ распоряженіи редакціи не было подлинныхъ рукописей автора и въ силу этого она пользовалась лишь печатнымъ матеріаломъ; мы нашли возможнымъ ограничиться этимъ потому, что въ печати уже использовано все сколько-нибудь цѣнное изъ написаннаго Рылѣевымъ. Въ нашемъ распоряженіи были изданія: Собр. соч. Рылѣева, редактированное П. Ефремовымъ, 2-ое изд,; Собр. соч. Рылѣева, редактированное М. Мазаевымъ 1895 г.; Собр. соч. Рылѣева, изданное въ Лейпцигѣ 61 года, кромѣ того статьи В. Якушкина—Вѣстникъ Европы 1888 г. № 11 и 12, П. Ефремова—Рус. Стар. 71 г. №№ 1—6; и журналъ Полярная Звѣзда, издававшійся Герценомъ за 56—62 г. и другія *). Біографію Рылѣева мы почли лучшимъ дать въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, посвященныхъ К. Ѳ. Рылѣеву какъ общественному дѣятелю, какъ главѣ Сѣвернаго Общества; тамъ же мы помѣстимъ его письма къ друзьямъ и къ женѣ изъ Петропавловской крѣпости и его показанія; такимъ образомъ біографія будетъ прямымъ результатомъ интереснѣйшихъ документальныхъ данныхъ. Здѣсь же мы помѣщаемъ, кромѣ произведеній К. Ѳ. Рылѣева, «Воспоминанія» близкаго къ нему декабриста Н. Бестужева, и статью Герцена «Заговоръ 1825 года». Кромѣ громаднаго интереса, который представляютъ собой эти статьи, онѣ предназначаются для читателя, мало знакомаго съ событіемъ 14-го декабря, чтобы ввести его прямо «in medias res».

*) Подробная библіографія будетъ помѣщена въ слѣдующемъ выпускѣ, посвященномъ К. Ѳ. Рылѣеву.

Заговоръ 1825 года.

(Изъ статьи А. И. Герцена «La Conspiration Russe de 1825». *).

Въ 1815 году въ главной квартирѣ второй арміи, которой командовалъ фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, два офицера, братья Муравьевы, положили основаніе тайному политическому обществу. Они завязали сношенія съ нѣкоторыми другими офицерами и, когда увидѣли, что дѣло у нихъ налаживается, отправились въ Петербургъ пощупать тамъ почву среди офицеровъ императорской гвардіи.

Здѣсь они встрѣтили болѣе, чѣмъ простое сочувствіе.

Широкое политическое броженіе успѣло уже начаться въ Петербургѣ, и значительныя группы офицеровъ, одушевленныхъ идеями свободы, были соединены въ тайныя общества. Время для попытки политическаго движенія въ Россіи, очевидно, наступило.

Вскорѣ послѣ основанія муравьевскаго общества, заговорщики познакомились съ полковникомъ П. Пестелемъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна. Пестель немедленно присталъ къ нимъ и сразу-же сдѣлался центромъ и душою общества. Благодаря ему, неопредѣленныя либеральныя стремленія заговорщиковъ получаютъ практическій характеръ и направляются къ вполнѣ опредѣленной цѣли. Его могучая личность пріобрѣтаетъ господствующее значеніе и рисуется передъ нами грандіозной, даже въ злобныхъ и пристрастныхъ донесеніяхъ слѣдственной комиссіи.

*) Статья эта въ Россіи еще не появлялась; здѣсь она дается съ нѣкоторыми сокращеніями и незначительными измѣненіями.

Пестель былъ горячимъ республиканцемъ и ярымъ революціонеромъ. Дѣйствовалъ онъ очень осмотрительно. Прежде всего онъ началъ заботиться о томъ, какъ бы лучше сорганизовать тайное общество. Для него Пестель создалъ новый уставъ и заводитъ централизацію. Отрывки изъ его разговоровъ, приведенные слѣдственной комиссіей, даютъ понятіе о его организаторской тактикѣ.

Онъ очень хорошо понималъ, насколько еще не тверды были въ то время убѣжденія въ этихъ благородныхъ и преданныхъ молодыхъ людяхъ, недавно лишь познакомившихся вообще съ политическими вопросами, а потому онъ не возражалъ и, повидимому, соглашался съ ихъ мыслію, что главной задачей заговора будетъ лишь ограниченіе царскаго произвола. Онъ соглашался съ одними, что было бы очень недурно добиться англійской конституціи; но когда онъ замѣчалъ, что его собесѣдникъ не вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе, онъ тутъ же прибавлялъ, что и самъ предпочелъ бы американскую конституцію, которая, по его словамъ, охраняетъ интересы всѣхъ, а не однихъ только «лордовъ и купцовъ»; но, что вообще, по его мнѣнію, если бы можно было заставить императора подписать конституцію, то уже и это одно было бы большимъ шагомъ впередъ. Далѣе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ намекалъ собесѣднику на то, что смерть императора не принадлежитъ къ числу невозможныхъ событій. Онъ выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы возможно было однимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія заставить самодержца уступить часть своей власти; доказывалъ, что только силой можно достигнуть этого, и что для ограниченія власти потребуются силы не меньше, чѣмъ для ея уничтоженія. Но несмотря на всю такого рода осторожность Пестеля (комиссія называетъ ее хитростью), многіе догадывались, въ какую сторону онъ гнулъ—и испугались.

Александръ Муравьевъ удаляется изъ общества. Члены «Союза благоденствія» ропщутъ. Сѣверное общество начинаетъ опасаться честолюбія Пестеля. Кажется, что Никита Муравьевъ, бывшій главою сѣвернаго общества, а за нимъ Рылѣевъ, раздѣляли подобное опасеніе. Все это заставило Пестеля созвать въ Москвѣ общій съѣздъ членовъ обоихъ обществъ—сѣвернаго и южнаго.

Съѣздъ состоялся, но не могъ придти къ соглашенію. На немъ выяснилось, что между многими изъ его членовъ суще-

ствуетъ полнѣйшее разногласіе по всѣмъ вопросамъ. Одни возставали противъ диктатуры Пестеля въ южномъ обществѣ, говоря, что онъ удаляется отъ разъ поставленной цѣли. Другіе сами письменно потребовали своего увольненія.

Друзья Пестеля, съ согласія нѣкоторыхъ болѣе энергическихъ членовъ, предложили тогда закрыть общество «Союзъ благоденствія». Такое предложеніе было принято. Н. Тургеневъ, который предсѣдательствовалъ въ этотъ день, заявилъ о распущеніи общества. Это случилось въ Москвѣ, въ февралѣ 1821 года.

Одинъ только полковникъ Абрамовъ былъ этимъ возмущенъ и протестовалъ противъ распущенія «Союза».

Но Абрамовъ сильно ошибался. Люди, подобные Пестелю, Юшневскому, фонъ-Визину, Н. Муравьеву, Бестужеву-Рюмину, никогда и не имѣли въ виду на самомъ дѣлѣ уничтожить общество. Для Пестеля это было лишь средствомъ избавиться отъ слабыхъ и сорганизовать новое общество, въ которомъ нѣкоторые изъ его прежнихъ членовъ не только не должны были принимать участія, но даже и не должны были знать объ его существованіи.

Новое общество, организованное на иныхъ принципахъ. выбрало директорами Пестеля, Юшневскаго и Н. Муравьева, Съ самаго начала оно приняло ярко-революціонный характеръ и за двухлѣтнее существованіе такъ окрѣпло и расширилось, что въ 1823 году мы уже видимъ четыре новыхъ общества подъ управленіемъ первоначальнаго, которое находилось въ Тульчинѣ, гдѣ расположена была квартира главнаго штаба 2-ой арміи.

Въ это время Пестель пользовался огромнымъ вліяніемъ, и ему уже не приходилось больше прибѣгать къ хитрости. Онъ идетъ прямо къ своей цѣли — полному и радикальному измѣненію государственнаго правленія на основаніяхъ не только республиканскихъ, но и соціалистическихъ *). Тутъ ужъ не о критикѣ англійской конституціи шла рѣчь.

Пестель ребромъ поставилъ передъ членами общества такой вопросъ: «что дѣлать, въ случаѣ успѣха, съ членами императорской фамиліи»? Одни предлагали ссылку, другіе — тюрьму, третьи — изгнаніе. Пестель шелъ дальше и не соглашался ни съ однимъ изъ этихъ предложеній.

---

*) Смотри книгу Тургенева о Россіи: „Россія и Русскіе".

«Какъ!» воскликнули нѣкоторые изъ присутствовавших «вѣдь это ужасно»! - «Это я знаю», замѣтилъ Пестель. Е[illegible] друзья стали колебаться. Приступили къ голосованію. [illegible] Пестеля высказалось большинство, хотя довольно незначите[illegible] ное, всего шесть голосовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Пестель собралъ всѣхъ, ст[illegible] вшихъ во главѣ заговора, и вновь задалъ имъ тотъ [illegible] вопросъ. На этотъ разъ всѣ были согласны съ нимъ. Всл[illegible] этой-же резолюціи Бестужевъ и требовалъ отъ польски[illegible] обществъ въ 1824 году, чтобы они, если этого потребуе[illegible] ходъ событій, покончили съ Константиномъ Павловичемъ.

[illegible]

надо рѣшить вопросъ поземельной собственности. Необходимо отдать землю крестьянамъ,—только тогда цѣль революціи будетъ достигнута».

На основаніи своего устава, южане вошли въ сношенія съ варшавскими политическими обществами. Бестужеву - Рюмину, который первый открылъ ихъ и сообщилъ о нихъ директоріи, немедленно даны были всѣ полномочія для того, чтобы сговориться съ ними. Поляки, съ своей стороны, послали Крыжановскаго. Они требовали отъ русскаго общества признанія независимости Польши и губерній, которыя еще не окончательно обрусѣли, включая сюда Бѣлостокскую губернію и часть Гродненской, Виленскую, Минскую и Подольскую. Польское общество обязывалось, съ своей стороны, начать возстаніе одновременно съ возстаніемъ во второй арміи и захватить въ свои руки великаго князя. Русское общество поставило еще и другое условіе, и едва ли нужно говорить, что его предложилъ Пестель,—это условіе состояло въ томъ, чтобы въ Польшѣ была провозглашена республика.

Полякамъ не хотѣлось напередъ высказаться насчетъ формы правленія, а также взять на себя обязательство относитеиьно великаго князя. Наконецъ, послѣ долгихъ дебатовъ съ двумя депутатами, присланными изъ Варшавы, Бестужевъ - Рюминъ и С. Муравьевъ согласились на томъ, что поляки поступятъ съ членами императорской фамиліи, находящимися въ Польшѣ, такъ же, какъ русское общество поступитъ съ тѣми, которые находятся въ самой Россіи.

На второе свиданіе съ польскими депутатами Гродецкимъ и Янковскимъ, Пестель съѣздилъ уже лично, въ сопровожденіи князя Волконскаго.

Около этого же времени одно изъ отдѣленій южнаго общества, называвшееся Васильковскимъ, по мѣсту, гдѣ оно имѣло главнымъ образомъ свои собранія, открыло новое общество, основанное артиллерійскимъ офицеромъ Борисовымъ.

Это общество, составленное изъ русскихъ и поляковъ и называвшееся «Союзомъ Соединенныхъ Славянъ» поставило себѣ главной цѣлью объединеніе всего славянскаго міра и образованіе федеративной республики,—при полной автономіи каждаго народа сохранялась бы лишь одна федеративная связь между ними.

Бестужевъ предложилъ этому обществу присоединиться къ главной организаціи,—что имъ и было принято. «Соединен-

ные славяне» согласились въ то же время съ мыслью о необходимости убить Александра, а, спустя короткое время, С. Муравьеву удалось окончательно перетянуть ихъ на свою сторону...

...Приближалось время, когда надо было начать дѣйствовать. Южное общество уже имѣло своихъ людей по всей второй арміи, и петербургское пріобрѣло не мало членовъ среди лицъ, близко стоявшихъ у трона и среди высшей аристократіи. Обстоятельства складывались благопріятнымъ образомъ. Пестель, который прекрасно понималъ необходимость поднятія возстанія возможно скорѣе, былъ недоволенъ петербургскимъ доктринерствомъ и недостаткомъ единства между южнымъ и сѣвернымъ обществами. —Въ 1824 г. онъ съѣздилъ лично въ Петербургъ и тамъ потребовалъ соединенія обоихъ обществъ подъ однимъ управленіемъ. Послѣ долгихъ дебатовъ, вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предложенныя Пестелемъ насильственныя революціонныя мѣры встрѣтили однако сильную оппозицію. Нѣкоторые изъ членовъ еще крѣпко держались за мысль о необходимости конституціоннаго правленія въ Россіи и соглашались на провозглашеніе республики только въ томъ случаѣ, если императоръ откажется подписать конституцію, и даже тогда они имѣли въ виду ограничиться ссылкой императорской фамиліи.

Пестель однако настаивалъ на своемъ. «Полумѣры тутъ не годятся», говорилъ онъ. По его мнѣнію, слѣдовало прежде всего покончить съ членами императорской фамиліи, а потомъ, завладѣвъ сенатомъ и синодомъ, заставить членовъ обоихъ этихъ учрежденій провозгласить новое правленіе и, какъ только это будетъ сдѣлано, объявить всѣхъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ уволенными, и замѣстить ихъ членами революціоннаго общества.

Однако, Пестелю пришлось уѣхать изъ Петербурга прежде, чѣмъ ему удалось переубѣдить всѣхъ своихъ товарищей. Поэтому онъ предложилъ устроить общій съѣздъ, который долженъ состояться въ началѣ 1826 г.; но Пестель требовалъ, чтобы послѣ этого съѣзда, въ случаѣ полнаго соглашенія, тотчасъ же было приступлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Положеніе было трудное. Горячая, экзальтированная молодежь южной и особенно васильковской организаціи едва ...сь авторитету Пестеля, и когда правительство, не ...ъ объясненій, вдругъ отняло у полковника Швей-

ковскаго—дѣятельнаго заговорщика—саратовскій полкъ, возмущеніе готово было вспыхнуть. Съ другой стороны, общество слишкомъ разрослось, чтобы долго оставаться тайнымъ, и Пестель былъ правъ, настаивая на необходимости поскорѣе перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ...

...При Александрѣ I страшная полиція, созданная Николаемъ, не существовала. Ни о какомъ нападеніи никому не приходило и въ голову. Дворцы и крѣпости охранялись скорѣе изъ соблюденія военныхъ обычаевъ, чѣмъ изъ-за какого нибудь страха,—а, между тѣмъ, силы заговора были весьма значительны...

...Самъ Пестель былъ при главной квартирѣ Витгенштейна, съ которымъ, какъ его адъютантъ, онъ находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Въ то же время Пестель командовалъ полкомъ, на преданность котораго онъ могъ вполнѣ положиться. Среди его друзей, которые раздѣляли всѣ его взгляды, были—генералъ-интендантъ 2-й арміи Юшневскій и два генерала дѣйствующей арміи, фонъ-Визинъ и кн. Сергѣй Волконскій.

Въ томъ же южномъ обществѣ мы находимъ среди наиболѣе энергичныхъ его членовъ шесть слѣдующихъ полковниковъ: Артамона Муравьева, командовавшаго ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, Нарышкина—тарутинскимъ, Швейковскаго саратовскимъ, Абрамова—казанскимъ, Тизенгаузена—полтавскимъ, Враницкаго, бывшаго полковника, квартирмейстеромъ. Къ нимъ, кромѣ того, слѣдуетъ еще прибавить Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ,—оба они были въ чинѣ подполковниковъ. Каждый полковникъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не малое количество офицеровъ и полковую кассу. Они прекрасно знали всѣ секреты штаба, интендантства и канцеляріи фельдмаршала.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, для нихъ не представляло никакой трудности—въ тотъ день, когда вятскій полкъ былъ бы на караулѣ, арестовать князя Виттгенштейна, дождаться императора Александра на маневрахъ, арестовать его и высшіе военные чины; немедленно занять крѣпость Бобруйскъ для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи какой-нибудь укрѣпленный пунктъ и оттуда снестись съ Варшавой и Петербургомъ.

Таковъ именно и былъ планъ Пестеля.

Сѣверное общество, въ свою очередь, должно было попопытаться возбудить возстаніе среди гвардіи. Оно насчиты-

вало среди своихъ членовъ довольно вліятельныхъ лицъ, а именно: полковника, князя Трубецкаго, командовавшаго преображенскимъ полкомъ и служившаго въ то-же время въ генеральномъ штабѣ, Миткова, полковника финляндскаго полка, Николая Муравьева, капитана генеральнаго штаба, кн. Оболенскаго, Бестужева и также Лунина, Якубовича, Буланова и другихъ, большей частью командировъ отдѣльныхъ частей.

Но не одинъ военный элементъ входилъ въ составъ сѣвернаго общества, не въ немъ одномъ сосредоточилась вся его сила. Оно имѣло также многихъ преданныхъ ему членовъ и друзей среди высшей администраціи и аристократіи обѣихъ столицъ и даже среди придворныхъ. О каждомъ шагѣ правительства заговорщики узнавали немедленно. Этимъ, напр., объясняется то обстоятельство, что раннимъ утромъ 14-го декабря 1825 г. прокуроръ сената Краснокутскій, какъ это видно изъ донесенія слѣдственной комиссіи, бросился къ Рылѣеву съ извѣстіемъ, что сенаторы рѣшили собраться въ этотъ день въ 7 ч. утра для принятія присяги Николаю. Семеновъ, начальникъ канцеляріи кн. Голицына въ Москвѣ, былъ также членомъ общества. Членъ общества Якубовичъ былъ другомъ гр. Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора.

Въ то-же время заговорщики имѣли возможность слѣдить за каждымъ шагомъ членовъ императорскаго семейства. Молодой князь Одоевскій, служившій офицеромъ въ конногвардейскомъ полку, извѣщалъ ихъ не только обо всемъ, что дѣлалось, но и что говорилось во дворцѣ.

Они пользовались также большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Своимъ образованіемъ, энергіей и нравственной чистотой, что не часто можно было встрѣтить въ Россіи, они не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на извѣстную часть аристократіи, а посредствомъ литературы, которая почти вся была въ ихъ рукахъ, они дѣйствовали на все молодое поколѣніе. Полныя энергіи поэмы Рылѣева, разсказы Бестужева, Полярная Звѣзда*), ежегодное изданіе, которое они редактировали всѣ вмѣстѣ, Мнемозина—журналъ издававшійся Кюхельбекеромъ и кн. Одоевскимъ, — все это циркулировало среди университетской и лицейской молодежи и проникало даже въ военныя школы.

---

*) Для русскихъ мы присвоили это дорогое имя нашему журналу, издаваемому въ Лондонѣ.—Герценъ.

Рылѣевъ—это, можетъ быть, самый замѣчательный членъ сѣвернаго общества. Онъ являлся какъ-бы Шиллеромъ заговора и всей молодой Россіи. Его поэма «Войнаровскій» (изъ временъ Мазепы), его народныя легенды и пѣсни проникнуты меланхолическимъ чувствомъ человѣка, безповоротно рѣшившаго пожертвовать собой для отечества. Въ нихъ не видно большихъ надеждъ на ближайшее будущее, но ясно просвѣчиваетъ беззавѣтная преданность дѣлу. Герой поэмы Рылѣева знаетъ, что его ожидаетъ каторжная работа или смерть, но онъ готовъ на все и, между прочимъ спрашиваетъ:

....„Гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?“

Казакъ Наливайко въ томъ-же произведеніи Рылѣева говоритъ священнику, который его исповѣдуетъ:

„Погибну я за край родной
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!“

Въ этихъ стихахъ сказался весь Рылѣевъ.

Хотя диктаторомъ былъ выбранъ князь Трубецкой, но настоящимъ главой общества къ концу 1825 г. былъ Рылѣевъ.

Пестелю удалось убѣдить сѣверное общество, что не надо тратить времени, и сѣверяне уже готовы были послѣдовать за южанами, когда одна за другой посыпались новости: умеръ Александръ, южное общество предано, Константинъ отказывается отъ короны, Николай ея не принимаетъ... Въ высшихъ сферахъ наступило полное замѣшательство. Войско, самые высшіе сановники и даже члены царской фамиліи колебались, не зная на чью сторону пристать. Заговорщики не могли не воспользоваться этой сумятицей отреченій, этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами!

«Не одни бѣдные солдаты потеряли голову,» говорили мы въ своемъ письмѣ къ Александру II, по поводу книги Корфа,— «московскій генералъ губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ принимать присяги, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ соборѣ—свой секретъ.

«Къ тому же, попытка 14-го декабря вовсе не была такъ безумна, какъ ее представляютъ. Она не удалась — вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, если-бъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14-го, а въ полночь, и обложили бы Зимній Дворецъ, гдѣ ничего не было готово? Что было бы, если-бъ не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали бы на дворцовый караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда?

«Много ли силъ надо было имѣть Елизаветѣ I при воцареніи? Екатеринѣ II для того, чтобъ свергнуть Петра III?

«Нѣтъ правительства, въ которомъ бы легче смѣнялись главы, какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающемъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла, запрещающемъ всякую гласность. Кто первый овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуется машина, съ тою-же силой и съ тѣмъ-же вѣрноподданническимъ усердіемъ».

Подробности событій 14-го декабря достаточно извѣстны. Мы о нихъ скажемъ лишь нѣсколько словъ.

12-го декабря кн. Трубецкой не рѣшился еще предпринять ничего опредѣленнаго, когда, на одномъ собраніи, Рылѣевъ вынулъ изъ своего кармана письмо, адресованное къ Николаю однимъ молодымъ офицеромъ (Ростовцевымъ, — онъ былъ впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и начальникомъ военныхъ школъ), и, показывая это письмо заговорщикамъ, воскликнулъ: «мы погибли, но ужъ если погибать, такъ ужъ лучше съ оружіемъ въ рукахъ».

Онъ былъ совершенно правъ. Въ нравственномъ отношеніи вліяніе событія 14-го декабря было огромно. Пушки на Исакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе. До тѣхъ поръ не вѣрили въ возможность политическаго возстанія, цѣлью котораго было бы нападеніе, съ оружіемъ въ рукахъ на чудовище императорскаго царизма на улицахъ самаго Петербурга.

Ни для кого, конечно, не были тайной убійства во дворцѣ какого-нибудь Петра или Павла, съ цѣлью замѣстить ихъ другими, подобными имъ. Но между этими убійствами въ застѣнкѣ и громкимъ протестомъ противъ деспотизма на улицѣ, и при томъ запечатлѣннымъ кровью и страданіемъ героевъ, — нѣтъ ничего общаго. Впрочемъ, они и не слишкомъ-то расчитывали на успѣхъ; но за то они понимали все великое значеніе этого протеста. 13-го декабря со-

всѣмъ еще молодой человѣкъ, поэтъ Одоевскій, обнимая своихъ друзей, говорилъ съ энтузіазмомъ: «мы идемъ на смерть... .....но на какую славную смерть!»

Когда Рылѣевъ былъ приведенъ въ судъ, онъ заявилъ: «Я могъ все остановить, но я, наоборотъ, лишь побуждалъ дѣйствовать. Я—главный виновникъ событій 14-го декабря. Если кто-нибудь заслуживаетъ смерть за этотъ день, то это, конечно,—я». Этотъ геройскій отвѣтъ третируется въ донесеніи слѣдственной комиссіи, какъ простое признаніе въ виновности.

Раннимъ утромъ 14-го декабря былъ отданъ приказъ привести полки къ присягѣ въ вѣрности Николаю. Одна часть гвардейцевъ, именно, московскій полкъ, отказалась повиноваться и послѣдовала за княземъ Ростовскимъ и М. Бестужевымъ на Исакіевскую площадь. Нѣкоторые другіе полки (гренадеры, морской экипажъ и т. д.) присоединились къ московскому полку и также отказались принять присягу. Эти возставшіе полки построились въ каре. Диктаторъ, князь Трубецкой, куда-то исчезъ и цѣлый день его не могли доискаться. Рылѣевъ не рѣшился принять начальства, такъ какъ былъ въ штатскомъ платьѣ, а Бестужевъ, будучи морскимъ офицеромъ, не зналъ, какъ командовать пѣхотинцамъ. Такимъ образомъ, всѣ стояли и ждали. Ждали гибели, которая при бездѣйствіи была неминуемой.

Послѣ нѣкоторыхъ парламентарскихъ переговоровъ и разнаго рода безплодныхъ попытокъ со стороны стараго митрополита Серафима, котораго просили солдаты удалиться съ миромъ, бѣдный Милорадовичъ—храбрый солдатъ и, конечно, лучшій человѣкъ среди всѣхъ окружавшихъ Николая,—подъѣхалъ къ каре и палъ, смертельно раненый пулей, во время своихъ увѣщаній.

Императоръ приказалъ пустить въ атаку кавалерію. Орловъ три раза бросался въ атаку, но былъ отбитъ. Тогда Николай, уступая совѣтамъ герцога Вюртемберскаго и генераловъ Толя и Сухозанета, приказалъ выдвинуть впередъ артиллерію.

Здѣсь нужно упомянуть о двухъ эпизодахъ, отмѣченныхъ барономъ Корфомъ въ его книгѣ. Когда Николай отдалъ приказъ стрѣлять, и этотъ приказъ повторилъ Сухозанетъ, а за нимъ офицеръ—выстрѣла не послѣдовало. Офицеръ былъ внѣ себя и накинулся на пальщика: «Не слышалъ ты, что ли?» —

«Слышалъ... но это—свои, ваше благородіе!» — «Если бы даже я самъ стоялъ передъ дуломъ», закричалъ офицеръ, «и скомандовалъ пали,—тебѣ и тогда не слѣдовало-бы останавливаться». Раздался выстрѣлъ. Въ рядахъ каре повалились убитые... Жаль только, что Корфъ ничего не прибавляетъ на счетъ судьбы пальщика.

А вотъ другой фактъ. Когда солдаты-инсургенты увидѣли, что на нихъ направлены пушки, они просили толпу народа удалиться, говоря: «уходите... опасно,—мы не хотимъ чтобы изъ-за насъ васъ перебили».

Страшная сила картечи сдѣлала невозможнымъ какое бы то ни было сопротивленіе. Къ десяти часамъ вечера Николай былъ уже побѣдителемъ,—и съ этого часа наступаетъ для Россіи мрачная эпоха его царствованія.

Когда Рылѣевъ выходилъ со своими друзьями на площадь, Пестель былъ уже арестованъ. Александръ, получивши первые доносы въ Таганрогѣ, ничего не сдѣлалъ. Онъ былъ уже боленъ, когда получились дальнѣйшія подробности, посланныя Виттомъ, но генералы: Дибичъ, нѣмецъ-пруссакъ и Чернышевъ, извѣстный тѣмъ, что укралъ стратегическій планъ у Наполеона, рѣшили арестовать Пестеля и нѣкоторыхъ другихъ, стоявшихъ во главѣ заговора.

Офицеры, принадлежавшіе къ обществу «Соединенныхъ славянъ», услыхавъ эту страшную новость, возмутили нѣсколько ротъ и отправились съ оружіемъ въ рукахъ отбивать арестованныхъ. Имъ это дѣйствительно удалось,—оба брата Муравьевы съ нѣкоторыми другими были отбиты, но, къ несчастію, Пестеля вмѣстѣ съ ними уже не было.

Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ стали во главѣ этихъ солдатъ и рѣшились на отчаянную попытку. Съ помощью одной части черниговскаго полка, они завладѣли городомъ Васильковымъ и отправились подымать солдатъ дружественныхъ полковъ; но невдалекѣ отъ Бѣлой Церкви они натолкнулись на дивизію генерала Рота. Завязалась битва. Сергѣй Муравьевъ, стоявшій впереди, былъ скоро жестоко раненъ картечью. Онъ упалъ безъ сознанія,—когда же очнулся, онъ вмѣстѣ со своими друзьями былъ уже въ рукахъ правительства...

Этимъ эпизодомъ заканчивается исторія заговора и начинается печальный разсказъ, carmen horrendum слѣдствія.

...Есть что-то отвратительное, отталкивающее, въ мрачномъ зрѣлищѣ стариковъ, посѣдѣлыхъ въ раболѣпствѣ и интригахъ, взапуски угодничающихъ передъ молодымъ человѣкомъ, превосходящимъ ихъ всѣхъ холодной жестокостью, предавая ему чистыхъ и преданныхъ людей...

Чтобы не впасть въ ошибку, импровизованный верховный судъ присудилъ къ смерти всѣхъ и притомъ противузаконно, такъ какъ смертная казнь была отмѣнена въ Россіи со времень Елизаветы и никогда вновь не была возстановлена. Николай имѣлъ такимъ образомъ возможность проявить въ широкихъ размѣрахъ свое милосердіе и подтвердилъ смертный приговоръ лишь по отношенію къ пяти лицамъ: Пестелю, Рылѣеву, Бестужеву - Рюмину, Сергѣю Муравьеву и Каховскому. Чтобы прибавить къ смерти позоръ, онъ замѣнилъ топоръ веревкой. Онъ не понималъ, что этимъ висѣлица превратилась въ крестъ, передъ которымъ преклоняются поколѣнія.

Друзья этихъ людей— цвѣтъ всего, что было цивилизованнаго, истинно благороднаго въ Россіи, отправились въ цѣпяхъ въ каторжныя работы, въ почти необитаемый уголокъ Сибири...

Воспоминаніе о К. Ө. Рылѣевѣ

Н. Бестужева-декабриста.

„Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!“

Когда Рылѣевъ писалъ Исповѣдь Наливайки, у него жилъ больной братъ мой, Михаилъ Бестужевъ. Однажды онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ; Рылѣевъ работалъ въ кабинетѣ и оканчивалъ эти стихи. Дописавъ, онъ принесъ ихъ брату и прочелъ. Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила. «Знаешь ли, сказалъ онъ, какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою? Ты, какъ будто, хочешь указать на будущій свой жребій въ этихъ стихахъ» ? Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи, сказалъ Рылѣевъ.—Вѣрь мнѣ, что каждый

---

*) Воспоминаніе Н. Бестужева о Рылѣевѣ въ Россіи печатается цѣликомъ первый разъ. Отрывки изъ него были напечатаны въ „XIX вѣкѣ“ 1872 г., но туда не попала наиболѣе интересная часть воспоминанія. Здѣсь оно перепечатывается изъ лейпцигскаго изданія сочиненій К. Ө. Рылѣева. Правдивость передаваемаго Бестужевымъ едва ли можетъ быть заподозрѣна; можетъ быть нѣкоторыя слова и разговоръ передавались въ другой формѣ, но сущность ихъ несомнѣнно сохраняется цѣликомъ. Объ интересѣ воспоминанія предоставляемъ судить самому читателю. Б.

день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ Россіянъ.

Почти въ каждомъ сочиненіи Рылѣева выливается изъ его души подобное предвѣщаніе. Мысль быть орудіемъ или жертвою начатковъ свободы наполняла все его существованіе, составляла единственную цѣль его жизни. Освобожденіе отечества или мученичество за свободу для примѣра будущихъ поколѣній было ежеминутнымъ его помышленіемъ; это самоотверженіе не было вдохновеніемъ одной минуты, подобно рѣшимости древняго Курція или новѣйшаго Винкельрида, но постоянно возрастало вмѣстѣ съ любовью къ отечеству, которая, наконецъ, перешла въ страсть, въ высокое, восторженное чувствованіе.

Онъ не скрывалъ своихъ предчувствованій отъ друзей и родныхъ. Я былъ свидѣтелемъ его разговора съ матерью, нѣжно его любившею и отъѣзжавшею въ деревню. Она была очень грустна; ее тревожила мысль, что она не увидитъ болѣе сына, котораго, казалось ей, оставляетъ обреченнаго на какую-то гибельную судьбу. Со всею материнскою нѣжностью просила, она чтобы онъ далъ ей спокойно закрыть глаза; что она хочетъ видѣть его счастливымъ и желаетъ умереть съ тою мыслію, что онъ останется счастливъ и послѣ нея.

— Побереги себя, говорила она:—ты неостороженъ въ словахъ и поступкахъ; правительство подозрительно; шпіоны его вездѣ подслушиваютъ, а ты какъ будто поставляешь славою вызывать ихъ вниманіе.

— Вы напрасно думаете, любезная матушка, отвѣчалъ Рылѣевъ, что я вездѣ такой же, какъ передъ вами; моя цѣль выше того, чтобъ только дразнить правительство и доставлять работу его наемникамъ. Напротивъ, я скрытнѣе съ чужими; мнѣ надобно, чтобы меня оставили спокойно дѣйствовать. Если же я откровенно говорю съ друзьями, то мы работаемъ вмѣстѣ; ежели я не скрываюсь отъ васъ—это отъ того, что вы болѣе или менѣе раздѣляете мои чувствованія.

— Милый Кондратій, эта откровенность и убиваетъ меня; она показываетъ, что у тебя есть важные замыслы, которые ведутъ за собою важныя послѣдствія. Съ горестью предвижу, что ты вызываешься умереть не своею смертью. Зачѣмъ ты открываешь эту ужасную тайну матери?

Глаза ея были полны слезъ, когда она говорила послѣднія слова.—Онъ не любитъ меня, сказала она, обратясь ко мнѣ и взявъ меня за руку.—Вы—другъ его, пользуетесь его расположеніемъ: убѣдите его, можетъ быть онъ вамъ повѣритъ, что онъ убьетъ меня, ежели съ нимъ что - нибудь случится. Конечно Богъ воленъ взять его у меня каждую минуту... но накликать бѣду самому ... Она не могла продолжать.

Я говорилъ къ ея успокоенію, что могъ только придумать.

Она слушала и качала головою съ недовѣрчивостью. Рылѣевъ взялъ ее за другую руку и началъ:

—Матушка, до сихъ поръ я видѣлъ, что вы говорили только объ образѣ моихъ мыслей—и не таилъ ихъ отъ васъ; но не хотѣлъ тревожить, открываясь въ цѣли всей моей жизни, всѣхъ моихъ помышленій. Теперь, вижу, вы угадываете, чего я ищу, чего хочу... Мнѣ должно сказать вамъ, что я членъ тайнаго общества, которое хочетъ ниспроверженія деспотизма, счастья Россіи и свободы всѣхъ ея дѣтей.,.

Мать Рылѣева поблѣднѣла; рука ея охолодѣла въ моей; онъ продолжалъ:—Не пугайтесь, милая матушка, выслушайте—и вы успокоитесь. Намѣреніе наше страшно для того, кто смотритъ на него со стороны, не вникая въ него, не видя прекрасной его цѣли, примѣчаетъ одни только его ужасы, грозящіе каждому изъ насъ; но вы мнѣ мать, вы можете, вы должны ближе разсматривать своего сына. Ежели вы отдали меня въ военную службу, на жертву всѣмъ ея трудностямъ, опасностямъ, самой смерти, могшей постичь меня на каждомъ шагу, для чего вы жертвовали мною? Вы хотѣли, чтобы я служилъ отечеству, чтобы я исполнялъ долгъ мой, а между тѣмъ материнское сердце, раздѣляясь между страхомъ и надеждою, втайнѣ желало, чтобы я отличался, возвышался между другими. Могъ ли я искать того и другого, не встрѣчая безпрестанно смерти? Нѣтъ; но вы тогда столько не боялись, какъ теперь. Неужели отличія могли уменьшить страхъ вашей потери? Ежели нѣтъ, то я скажу вамъ, для чего вы можете достойнѣе пожертвовать мною. Я служилъ отечеству, пока оно нуждалось въ службѣ своихъ гражданъ, и не хотѣлъ продолжать ее, когда увидалъ, что буду служить только ...хотей самовластнаго деспота. Я желалъ лучше слу...честву, избралъ званіе судьи, и вы благословили

меня. Что меня ожидало въ военной службѣ? Можетъ быть военная слава, можетъ быть, безвѣстная смерть. Но въ наше время свѣтъ уже утомился отъ военныхъ подвиговъ и славы героевъ, пріобрѣтаемой не за благородное дѣло помощи страждущему человѣчеству, но для его угнетенія. Суворовъ былъ великій полководецъ, но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для искорененія расцвѣтавшей свободы Европы. Долженъ ли былъ я, получивъ эти понятія, оставаться въ военной службѣ? Нѣтъ матушка, наступилъ вѣкъ гражданскаго мужества; я чувствую, что мое призваніе выше, я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастіе соотчичей, для исторженія изъ рукъ самовластія желѣзнаго скипетра, для пріобрѣтенія законныхъ правъ угнетенному человѣчеству,—вотъ будутъ мои дѣла. Если я успѣю, вы не можете сомнѣваться въ наградѣ за нихъ: счастье Россіи будетъ лучшимъ для меня отличіемъ. Если же паду въ борьбѣ законнаго права со властью, ежели современники не будутъ умѣть понять и оцѣнить меня--вы будете знать чистоту и святость моихъ намѣреній. Можетъ быть, потомство отдастъ мнѣ справедливость, а исторія запишетъ имя мое вмѣстѣ съ именами великихъ людей, погибшихъ за человѣчество. Въ ней имя Брута стоитъ выше Цезарева,—и такъ благословите меня!

Я никогда не видѣлъ Рылѣева столь краснорѣчивымъ. Глаза его сверкали; лицо горѣло какимъ-то необыкновеннымъ румянцемъ. Мать его, которой онъ сообщилъ свой энтузіазмъ. улыбалась; но слезы ея не переставали катиться. Она наклонила его голову, благословила; горесть и чувство внутренняго удовольствія смѣшивались на лицѣ ея; наконецъ, первая взяла верхъ—она залилась слезами и сказала:

-- Все такъ, но я не переживу тебя!

Всѣ дѣйствія Рылѣева ознаменованы были печатью любви къ отечеству; она проявлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностію къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ и, наконецъ, развернулась совершенно въ желаніи ему свободы. Въ «Думахъ» его мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ эту же любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины; показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія; что сіи примѣры могутъ равнять ее съ великими образцами древности. Въ сатирѣ на «Временщика» от-

крывается все презрѣніе къ почестямъ и власти человѣка, который прихотямъ деспота жертвуетъ счастьемъ своихъ согражданъ. Въ томъ положеніи, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ, не имѣя другого опредѣленнаго званія, кромѣ принятаго имъ титула вѣрнаго царскаго слуги. Этотъ приближенный вельможа, подъ личиной скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета, вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Малые угнетались средними, средніе большими, сіи еще высшими; но надъ тѣми и другими притѣснителями, равно какъ и надъ притѣсненными, была одна гроза: временщикъ. Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ—и на вѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей.

Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызывалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпененія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно. Туча пронеслась мимо, оковы оцѣпененія мало по малу расторглись, и глухой шопотъ одобренія былъ наградою юнаго, правдиваго поэта.

Это былъ первый ударъ, нанесенный Рылѣевымъ самовластію. Многіе не видятъ нравственныхъ послѣдствій его сатиры: но она научила и показала, что можно говорить

истину, не опасаясь; можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный.

Съ этого стихотворенія началось политическое поприще Рылѣева. Пылкость юношеской души, порывъ благороднаго негодованія и мѣткіе удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сапернику, обратили общее вниманіе.

Уже въ Россіи начинали чувствовать тягость деспотизма, видѣть бѣдствія, угнетающія отечество, и помышлять о средствахъ для введенія новаго, лучшаго порядка вещей.

Тайное общество, составленное изъ нѣсколькихъ друзей человѣчества, существовало, и Рылѣевъ, взысканный общимъ уваженіемъ за свои заслуги передъ человѣчествомъ, увѣнчанный заслуженными похвалами за поэтическія дарованія, съ полной довѣренностію къ его характеру и мнѣніямъ, былъ принятъ въ то общество. Здѣсь порывы его души, болѣзнь сердца о несчастьяхъ родины и неясныя понятія о желаніи лучшаго получили надлежащее направленіе. Отсюда мы видимъ уже въ немъ новый порядокъ идей, другія дѣйствія, иные поступки. Пылкій юноша созрѣлъ постояннымъ и осторожнымъ мужемъ; раздраженный смѣльчакъ перемѣнился въ скрытнаго и предпріимчиваго заговорщика; дерзновенный поэтъ—въ обдуманнаго стихотворца, который гремѣлъ проклятіями на площадяхъ противу эфемерныхъ любимцевъ, но въ сочиненіяхъ своихъ желалъ направлять умы соотчичей къ единственной цѣли, къ благодарной свободѣ народовъ.

Служивъ въ артиллеріи, женясь и взявъ отставку, онъ жилъ въ своей деревнѣ. Его качества заставили сосѣдей избрать его засѣдателемъ въ уголовный судъ по Петербургской губерніи.

Сострâданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію, схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ; но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что

этотъ человѣкъ, отъ страха суда, скажетъ ему истину; но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими словами благодарилъ за милость.

— Какую же милость оказалъ я тебѣ?—спросилъ губернаторъ.

— Вы меня оттащили отъ суда,—отвѣчалъ мѣщанинъ,—и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и приказовъ; знаю, что буду оправданъ! Такъ есть Рылѣевъ: онъ не даетъ погибать невиннымъ!

Это происшествіе, болѣе всѣхъ похвалъ, даетъ понятіе о свойствахъ сего человѣка. Я не скажу ничего о извѣстномъ дѣлѣ Разумовскихъ крестьянъ: мнѣніе Рылѣева о семъ несчастныхъ было написано съ силою чувствованій, защищающихъ невинное дѣло. Императоръ, вельможи, власти, судьи, угрожающіе силѣ—все было противъ; одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ: и это его мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины, свидѣтелемъ, съ какою смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду.

Кромѣ высокихъ чувствованій любви къ отечеству и истинѣ, душа его и сердце были доступны всякому благородному впечатлѣнію. Любовь и дружба сопутствовали ему на всемъ поприщѣ жизни. Я былъ свидѣтелемъ его домашняго быта, много разъ слышалъ, какъ онъ повторялъ мнѣ о своемъ счастьѣ, пересчитывалъ качества своей супруги и описывалъ любовь свою къ ней. Здѣсь я считаю священнымъ долгомъ сказать то, что я знаю о его привязанности къ супругѣ и семейству, потому что были люди, которые сомнѣвались въ его къ ней вѣрности, подозрѣвали, что онъ оставляетъ ее для другихъ, потому что я нѣсколько разъ долженъ былъ защищать его публично: но тогда я не могъ сего сдѣлать такъ, какъ могу теперь. Онъ былъ живъ, съ меня взято было обѣщаніе не говорить ничего, могущаго служить въ его оправданіе. Поступки его въ отношеніи къ супругѣ могли [illegible] двусмысленными и не могли быть объяснены; но теперь смерть запечатлѣла его уста, мои должны говорить: [illegible] отношенія и связи теперь прерваны: я могу изъ-за предѣловъ гроба.

[illegible] случилось, что меня, какъ коротко зна[illegible] въ обществѣ, любитъ ли онъ [illegible] утвердительный отвѣтъ всегда [illegible] говорили, что онъ не живетъ дома,

что онъ часы своихъ досуговъ посвящаетъ не супругѣ, а другимъ. Въ другихъ мѣстахъ говорили яснѣе, называли по имени ту женщину, о которой предполагали, что она завладѣла его сердцемъ.

Такія обвиненія повторялись часто и доказывали, что клевета успѣла пустить свои отрасли. Я защищалъ его какъ умѣлъ, потому что не могъ тогда оправдать ни его частыхъ отсутствій изъ дома, ни его ложной невѣрности. Противъ перваго обвиненія теперь достаточно, ежели скажу, что въ послѣдніе два года своей жизни Рылѣевъ обязанъ былъ многихъ посѣщать, совѣщаться со многими членами. Часто ему нельзя было явно дѣлать своихъ посѣщеній: тайна оныхъ распространилась; но чужое любопытство не постигло ея, а клевета дала ей другое награвленіе.

Вотъ что я долженъ сказать о другомъ обвиненіи: при всей моей короткости, я не былъ другомъ Рылѣева (дружбою и довѣренностью его пользовался братъ мой Александръ); но когда съ нимъ случались обстоятельства, требовавшія холоднаго размышленія, онъ всегда прибѣгалъ ко мнѣ; въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ мнѣ честь предпочтенія, не довѣряя, какъ говорилъ онъ, ни собственной пылкости, ни Александровой опрометчивости. Я нѣсколько разъ говорилъ ему объ оскорбительныхъ подозрѣніяхъ, о слухахъ въ обществѣ, которые носились на его счетъ и нѣсколько разъ получалъ въ отвѣтъ просьбу: повременить объясненіемъ и не стараться защищать его, потому что онъ не признаетъ другихъ судей, кромѣ своей совѣсти, которая не упрекаетъ его ни въ чемъ. Итакъ я съ нимъ молчалъ, но не переставалъ защищать его, сколько было моихъ силъ и способностей.

Однажды я писалъ повѣсть, въ которой изобразилъ мученія влюбленнаго человѣка, томленіе страсти, отчаяніе нераздѣленной любви, и изобразилъ это довольно живо. На счетъ литературныхъ занятій, Рылѣевъ и мы съ братомъ составляли нѣчто цѣлое. Ни одинъ изъ насъ не дѣлалъ плана, не кончалъ сочиненія, не показавъ другому. При первомъ моемъ свиданіи съ Рылѣевымъ, онъ спросилъ меня, кончилъ ли я начатую мною повѣсть, и на утвердительный мой отвѣтъ просилъ ее прочесть. Я началъ съ описанія веселыхъ происшествій, перешелъ къ завязкѣ, принимая мало по малу выраженіе грусти, которую хотѣлъ изобразить; дошелъ до того мѣста, гдѣ любовь, гдѣ совѣсть, раздѣляя сердце героя по-

[illegible]

[illegible] въ пер- [illegible] разъ въ жизни [illegible]

[illegible] женщины. [illegible]

съ собою [illegible]

[illegible] помочь. [illegible]

[illegible]

осушились; но мѣсто ихъ заступила заманчивая томность, милая разсѣянность, которая перерывалась однимъ только вниманіемъ ко мнѣ. Это вниманіе перешло наконецъ въ угожденіе. Моимъ совѣтомъ она желала руководствоваться, мое мнѣніе было всегда самое справедливое, мой образъ мыслей—самый благородный. Довольно было упомянуть о какой-нибудь вещи или книгѣ, то и другое являлось у нея на столѣ, сообразно съ моимъ вкусомъ; она читала и восхищалась тѣмъ, что мнѣ нравилось; но все это дѣлалось съ такой деликатностію и осторожностію, съ такою ловкостію противопоставлялись иногда и противорѣчія, что самая бдительная щекотливость не могла тревожиться. Никогда не было прямаго намека въ глаза: все это я слышалъ отъ другихъ, и всѣ, какъ будто нарочно, старались наперерывъ передавать мнѣ ея слова и мнѣнія на мой счетъ. Я началъ находить удовольствіе въ ея обществѣ; дикость моя понемногу исчезла; я не замѣчалъ за собою, предавался вполнѣ и безъ опасенія тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя эта женщина на меня производила и, наконецъ, къ стыду моему, я долженъ тебѣ сказать, что сталъ къ ней неравнодушенъ. Вотъ моя повѣсть, вотъ что лежитъ у меня на совѣсти.

Онъ остановился. Я никакъ не ожидалъ этого признанія и съ внутреннимъ безпокойствомъ спросилъ его:

— Но все это, можетъ быть, съ ея стороны одно только желаніе быть любезною, желаніе, свойственное всѣмъ женщинамъ и въ особенности полькамъ? Можетъ быть, и ты слишкомъ строгъ къ себѣ и обманываешься въ своихъ чувствахъ, и желаніе пользоваться обществомъ пріятной женщины принимаешь за другое?

— Нѣтъ. Какъ я ни неопытенъ, но умѣю различать то и другое. Я вижу, какимъ огнемъ горятъ ея глаза, когда разговоръ нашъ касается чувствъ; мнѣ нельзя не видѣть, нельзя скрыть отъ самого себя того предпочтенія, которое она, зная мою застѣнчивость, самыми ловкими оборотами и такъ искусно умѣетъ дать мнѣ передъ другими. Если она одна только со мною, она задумчива, разсѣянна, разговоръ нашъ прерывается, я теряюсь, берусь за шляпу, хочу уйти, и одинъ взглядъ ея приковываетъ меня къ стулу. Однимъ словомъ она даетъ мнѣ знать о состояніи своего сердца и, конечно, давно, давно знаетъ, что происходитъ въ моемъ.

— Все это мнѣ слишкомъ странно и темно, потому что

случилось съ тобою. Ты ни хорошъ, ни любезенъ съ женщинами. Твоего поэтическаго дарованія недостаточно для женщины, чтобы влюбиться. Узнавъ тебя короче, вѣрю, что можно полюбить и любить очень; но такая быстрая побѣда надъ свѣтскою женщиной съ перваго раза—невѣроятна. Для этого надобно блестящія, очаровательныя качества. Стихи, добродѣтель, правдивость, прямодушіе любятъ, но не влюбляются въ нихъ—и, если это съ ея стороны кокетство, которымъ она старается закупить своего судью, то...

— Нѣтъ, она не кокетка, прервалъ онъ съ чувствомъ. Нѣтъ ничего естественнѣе словъ ея, движеній, дѣйствій. Все въ ней такъ просто и такъ мило!..

— И тѣмъ опаснѣе!

Восклицаніе Рылѣева, которымъ онъ прервалъ мои слова, дало мнѣ понятіе о степени его чувствованій. Чтобы вѣрнѣе испытать его, я принялъ обыкновенный веселый видъ и сказалъ ему, улыбаясь:

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, почему ты не воспользовался такими обстоятельствами, такимъ случаемъ, какого многіе или лучше сказать никто не поставилъ бы въ зазоръ совѣсти...

— Боже меня отъ этого сохрани! Оставя то, что я обожаю свою жену и не понимаю, какъ другое чувство могло закрасться въ мое сердце; оставя всѣ нравственныя приличія семейственнаго человѣка, я не сдѣлаю этого какъ честный человѣкъ, потому что не хочу воспользоваться ея слабостію и вовлечь ее въ преступленіе; сверхъ того, не сдѣлаю, какъ судья. — Ежели дѣло ея справедливо: на совѣсть мою ляжетъ, что я, пользуясь ея несчастнымъ положеніемъ, взялъ такую преступную взятку; ежели несправедливо: мнѣ или надобно будетъ рѣшить его противъ совѣсти или, рѣшивъ его прямодушно, обмануть ея надежды.

— Странный человѣкъ! Чего ты хочешь? Ты не желаешь пользоваться благосклоностію женщины, намѣренъ оставаться вѣрнымъ своимъ правиламъ и продолжаешь свои посѣщенія, тогда какъ еще одинъ шагъ на этой дорогѣ можетъ разрушить всѣ твои укрѣпленія чести и совѣсти. Ты думаешь, что можешь противиться влеченію склонности и позволяешь читать этой женщинѣ въ твоемъ сердцѣ; хочешь быть вѣренъ женѣ, подвергаясь безпрестанно искушенію. Видно, прибавилъ я, смягчая шутливымъ выраженіемъ суровость упрека, видно

ты за тѣмъ и не велишь пріѣзжать сюда женѣ своей, чтобы продолжить время твоего заблужденія?...

— Твой выговоръ жестокъ; но ты имѣешь право такъ думать. Нѣтъ, не для продолженія, не для свободы моихъ дурачествъ удерживаю въ деревнѣ жену мою, но для того, чтобы не дать ей видѣть моего положенія, не сдѣлать ея свидѣтельницею моихъ страданій, моей борьбы съ совѣстію. Это ее убьетъ. Ты не повѣришь, какіе мучительные часы провожу я иногда; не знаешь, до какой степени мучитъ меня безсоница; какъ часто говорю вслухъ съ самимъ собою, вскакиваю съ постели, какъ безумный, плачу и страдаю. Вотъ почему повѣсть твоя стрѣлою вошла въ мое сердце; вотъ почему я открылся предъ тобою.

Мы говорили долго объ этомъ предметѣ. Рылѣевъ сказалъ, что писалъ уже къ женѣ, чтобъ она пріѣхала, обѣщавъ мнѣ, что не скроетъ отъ меня ни малѣйшаго проступка, а я, съ своей стороны, далъ ему слово развѣдать со всѣмъ стараніемъ объ этой женщинѣ.

Съ этой минуты я зналъ всякій день ощущенія Рылѣева. Пріѣхала его жена. Сказалъ ли онъ о своей слабости, сказали-ль ей о томъ другіе — это мнѣ неизвѣстно. Знаю, что поведеніе его съ нею было примѣрно, и хотя онъ рѣшался оставить домъ К., но ему не удалось. Казалось, что всѣ были противъ него въ заговорѣ: ему не позволяли исполнить его намѣренія; если онъ не бывалъ тамъ нѣсколько дней, его брали и насильно увозили. Не менѣе того онъ сдѣлался осторожнѣе противъ себя и ни однимъ словомъ, ни однимъ вздохомъ не показывалъ состоянія души своей, которое было еще хуже прежняго, потому что принужденіе давало новую силу чувству.

Быть героемъ, не имѣть недостатковъ и слабостей, не сдѣлать ни одного неосторожнаго шага въ жизни — очень славно, но, по моему мнѣнію, человѣкъ съ недостатками и слабостями достоинъ большей похвалы, ежели онъ можетъ владѣть ими. Въ первомъ случаѣ—я вижу одзу только силу, которой нѣтъ препятствій; во второмъ—мнѣ представляются борьба и побѣда: и чѣмъ бой опаснѣе, тѣмъ побѣда славнѣе.

Какъ бы то ни было такое состояніе дѣлъ продолжалось: я видѣлъ страданіе и силу души достойнаго моего друга; но это не мѣшало ему работать въ пользу тайнаго общества со всею горячностью человѣка, обрекшаго себя на жертву для

счастья отечества. Эта обязанность, которую мы на себя возложили, заставляла насъ знакомиться съ такими людьми, собирать такія свѣдѣнія, о которыхъ прежде и не помышляли. Намъ нужно было слѣдить за намѣреніями правительства, открывать его тайны и однажды, при развѣдываніяхъ нашихъ, мы нечаянно узнали, что г-жа К. была шпіономъ правительства.

Для меня объяснилась вся загадка. Давно уже Рылѣева подозрѣвали, какъ вольнодумца. Его достоинство, вѣсъ между молодыми людьми давали поводъ думать, что мнѣнія его раздѣляются другими. Рылѣевъ не хотѣлъ знакомиться со властями, избѣгалъ всѣхъ большихъ обществъ: обыкновенныя средства не годились; онъ говорилъ публично то, что говорили немногіе тайно; образъ его мыслей былъ извѣстенъ, но надобно было проникнуть глубже въ его душу и сердце.

Можно представить всю силу негодованія пылкаго Рылѣева, когда вѣроломство женщины, которую онъ считалъ образцомъ своего пола, представилось ему въ настоящемъ видѣ. Онъ хотѣлъ въ ту же минуту ѣхать къ ней, высказать все презрѣніе къ той роли, которую она приняла съ нимъ, осыпать ее упреками, представить всю подлость ея положенія и оставить ее навсегда. Мы съ братомъ Александромъ успокоили его, и послѣ онъ согласился съ нами, что такой поступокъ всего скорѣе обнаружитъ то, что всего менѣе ему надобно было показывать. Такая ссора обнаружила бы слабость его сердца и негодованіе подозрѣваемаго человѣка. Мы положили, чтобъ онъ никакъ не показывалъ того, что ему было извѣстно и, напротивъ, старался дать болѣе свободы своему обращенію, чтобы робость, происходившая прежде отъ внутренней борьбы съ собою, не могла быть принята за боязнь человѣка, скрывающаго тайну.

Рылѣевъ сказалъ и сдѣлалъ, Данный урокъ излѣчилъ его отъ слабости и, когда возвращенное спокойствіе позволило ему хладнокровнѣе наблюдать за этой женщиной, онъ ясно увидѣлъ ея намѣренія. По мѣрѣ того какъ онъ дѣлался свободнѣе и показывалъ ей болѣе вниманія, она болѣе и болѣе устремлялась къ своей цѣли. Томность ея чувствованій замѣнилась выраженіемъ пламенной любви къ отечеству; всѣ ея разговоры клонились къ одному предмету: къ несчастіямъ Россіи, къ деспотизму правительства, къ злоупотребленіямъ довѣренныхъ лицъ, къ надеждамъ свободы народовъ и тому

подобнаго. Рылѣевъ могъ бы обмануться сими поступками: его открытое сердце и глубокая душа только и искали себѣ ощущеній. Но онъ былъ предостереженъ, и уже никакія обольщенія не выманили изъ груди тайны, сокровища, которое онъ ставилъ дороже всего на свѣтѣ,—и обманщица, въ въ свою очередь, осталась обманутою.

Въ дружбѣ Рылѣевъ былъ чрезвычайно пылокъ. При самомъ простомъ дѣтскомъ обращеніи съ друзьями, въ душѣ его заключались самыя высокія къ нимъ чувствованія. Жертва, даже самопожертвованіе для дружбы ему ничего не стоили; честь друга для него была выше всякихъ соображеній. Ни приличіе, ни разсудокъ не сильны были удержать его при первомъ порывѣ, ежели другъ его былъ обиженъ. Одинъ изъ друзей имѣлъ непріятную исторію, требовалъ удовлетворенія и не получилъ его, искалъ своего соперника и нигдѣ не могъ встрѣтить. Рылѣевъ былъ счастливѣе: онъ встрѣтилъ его дважды и въ первый разъ, при отказѣ на вызовъ, наплевалъ ему въ лицо; въ другой же разъ забылся до того, что, вырвавъ у своего противника хлыстъ, выстегалъ его публично; но ни тѣмъ, ни другимъ не могъ убѣдить его на удовлетвореніе, котораго тотъ хотѣлъ искать въ полиціи.

Всякая несправедливость, ложь, а тѣмъ болѣе клевета находили въ немъ жестокаго противника; въ сихъ случаяхъ никакія уваженія не могли остановить его негодованія. Часто раскаивался онъ, видя, что рѣзкою защитою невинности наносилъ болѣе вреда, нежели пользы; но при новомъ случаѣ тѣ же явленія, таже неукротимая, ненависть противъ несправедливости повторялись. Это была его слабость, которая огорчала его самого, друзей и приближенныхъ. Я называлъ его мученикомъ правды.

Къ сему присовокуплялся, другой еще важнѣйшій недостатокъ. Сердце его слишкомъ было открыто, слишкомъ довѣрчиво. Онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и обманутый не переставалъ вѣрить. Опытность ни къ чему для него не служила.

Онъ все видѣлъ въ радужные очки своей прекрасной души. Одна только скромность и застѣнчивость спасали его. Если человѣкъ былъ недоволенъ правительствомъ, или злословилъ власти, Рылѣевъ думалъ, что этотъ человѣкъ либералъ и хочетъ блага отечества. Это было причиною многихъ его ошибокъ на политическомъ поприщѣ.

Я упомянулъ о такихъ его слабостяхъ, которыя всякому другому человѣку сдѣлали бы честь; но въ Рылѣевѣ, какъ въ лицѣ политическомъ, онѣ были важнымъ недостаткомъ. Должно ли присовокупить и то, что онъ слишкомъ мало былъ къ себѣ довѣрчивъ, слишкомъ мало чувствовалъ силу своей души надъ другими?

Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою. Истина всегда краснорѣчива, и ея любимецъ, окруженный ея обаяніемъ и ею вдохновенный, часто убѣждалъ въ такихъ предположеніяхъ, которыхъ ни онъ дѣтскимъ лепетаніемъ своимъ не могъ еще объяснить, ни другихъ довольно вразумить; но онъ провидѣлъ ихъ и заставлялъ провидѣть другихъ.

Все, что я зналъ о характерѣ и свойствахъ Рылѣева — я сказалъ, обратимся къ его поэзіи. Многіе находятъ, что онъ не поэтъ, и что стихи его принадлежатъ болѣе къ области ума, нежели воображенія. У всякаго свой образъ воззрѣнія на предметы. Я согласенъ, что стихи Рылѣева съ механической стороны не могутъ назваться образцовыми; но чтобы согласиться съ послѣднимъ, должно напередъ сказать, что я почитаю поэзіею и потомъ дать свое мнѣніе о твореніяхъ этого человѣка.

По моему, всякій благородный поступокъ, каждая высокая мысль, каждое нѣжное ощущеніе и все, что выходитъ изъ обыкновенныхъ дѣйствій — есть поэзія. Все, что можетъ трогать сердце, наполнять и возвышать душу — есть поэзія.

Любовь, гнѣвъ, ненависть — суть страсти; но и религія, но и любовь къ отечеству также страсти, и ежели стихи заставляютъ трепетать ту струну нашего сердца, которую сочинитель намѣревался тронуть, въ такомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ наружный видъ стиховъ — они поэзія. Я пойду далѣе. Часто случается, что вещи простыя сами по себѣ, въ

примѣненіи къ случаю и обстоятельствамъ, дѣлаются поэтическими; такъ, напримѣръ, извѣстная швейцарская арія горныхъ пастуховъ, не заключающая въ себѣ ничего особенно музыкальнаго и слышимая ежедневно швейцарцами въ ихъ родинѣ, не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія; но если тотъ же швейцарецъ слышитъ ее вдалекѣ отъ своего отечества, тогда она становится для него совершенно поэтическою. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ восторга моихъ соотчичей, когда однажды посѣтивъ Гибралтаръ и осматривая исполинскіе подвиги англичанъ, пробившихъ эту поднебесную гору галлереями во всю ея высоту, мы подъ облаками, на отдаленнѣйшемъ краю Европы, вдали отъ родины, вдругъ услышали голосъ и слова русской пѣсни. Нельзя изъяснить этого чувствованія.

Теперь обратимся къ стихамъ Рылѣева. Единственная мысль, постоянная его идея была — пробудить въ душахъ своихъ соотечественниковъ чувствованіе любви къ отечеству. Такое намѣреніе уже само по себѣ носитъ отпечатокъ поэзіи, гдѣ бы оно ни было приведено въ исполненіе; но становится совершенно поэтическимъ, когда окруженные шпіонами деспотизма, посреди рабскихъ похвалъ, посреди боязливой лести и трусливаго подобострастія, посреди цѣлой имперіи, стенящей подъ игомъ тяжкаго самоуправства, мы вдругъ внимаемъ голосу поэта, возвѣщающаго намъ высокія истины, впервые нами слышимыя, но знакомыя нашему сердцу. Сама природа влагаетъ въ насъ понятіе о свободѣ, и это понятіе, этотъ слухъ сердца такъ вѣрны, что какъ бы ни заглушали ихъ, они отзовутся при первомъ возваніи.

Въ чемъ же другомъ заключается поэзія, какъ не въ пробужденіи отголоска на пѣсни ея въ нашемъ сердцѣ?

Я говорилъ о мысли, теперь скажу о исполненіи. Вообще Рылѣевъ тамъ вездѣ хорошъ, вездѣ высокъ, гдѣ онъ говоритъ отъ чувства; но вообще описанія его слабы, драматическая часть также. Доказательствомъ тому можетъ служить, что многія описанія суть подражанія, а драма часто взята цѣликомъ изъ другихъ авторовъ. Несмотря на это, поэма Войнаровскій, какъ важнѣйшее оконченное сочиненіе, по соображенію и ходу, стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина, оригинальнаго только въ Цыганахъ, хотя по стихосложенію никакъ не можетъ равняться ни съ самыми слабыми произведеніями сего поэта. Обаяніе Пушкина заключается въ его

стихахъ, которые, какъ сказалъ одинъ рецензентъ, катятся жемчугомъ по бархату. Достоинство Рылѣева состоитъ въ силѣ чувствованій, въ жарѣ душевномъ. Переведите сочиненія обоихъ поэтовъ на иностранный языкъ и увидите, что Пушкинъ станетъ ниже Рылѣева. Мыслей послѣдняго нельзя утратить въ переводѣ; прелесть слога и очаровательная гармонія стиховъ перваго потеряется. Мнѣ кажется, что Пушкинъ самъ не постигъ примѣненія своего таланта и употребляетъ его не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Онъ ищетъ вѣрныхъ, красивыхъ, разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи, ласкающей ухо, и проходитъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли. Даже въ другихъ ему болѣе нравится то же. Когда Рылѣевъ напечаталъ Войнаровскаго и послалъ Пушкину экземпляръ, прося сказать о немъ свое мнѣніе, Пушкинъ прислалъ ему назадъ со сдѣланными на поляхъ замѣчаніями и противу стиховъ истинно поэтическихъ, истинно прекрасныхъ, какъ напримѣръ, когда, послѣ разсказа плѣннаго казака,

Мазепа горько улыбнулся,
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся...

Или, когда Мазепа говоритъ племяннику:

„Но чувствъ твоихъ я не увижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью“.

Послѣ сихъ и многихъ другихъ прекрасныхъ мѣстъ, или вовсе не замѣченныхъ, или едва отмѣченныхъ, мнѣніе Пушкина выражено слабо, тогда какъ при изображеніи палача, гдѣ Рылѣевъ сказалъ:

Вотъ засучилъ онъ рукава...

Пушкинъ вымаралъ это мѣсто и написалъ на полѣ: продай мнѣ этотъ стихъ!

Новыя сочиненія, начатыя Рылѣевымъ, носили на себѣ печать болѣе зрѣлаго таланта. Можно было надѣяться, что опытность на литературномъ поприщѣ, очищенныя понятія и

большая разборчивость, подарили бы насъ произведеніями совершеннѣйшими. Жалѣю, что слабая моя память не можетъ представить ясного тому доказательства изъ пачатковъ Мазепы и Хмѣльницкаго. Изъ перваго нѣкоторые отрывки напечатаны; другой еще былъ, такъ сказать, въ пеленкахъ, но уже рожденіе его обѣщало впереди возмужалость таланта. Во всѣхъ публично изданныхъ сочиненіяхъ, какъ то: Думахъ, Войнаровскомъ, Гражданскомъ мужествѣ и другихъ—цѣль Рылѣева обнаруживается въ приноровленіи, которое можетъ сдѣлать самъ читатель; но его другія сочиненія, писанныя для ходу въ рукописи, слишкомъ ясны, и сколь ни бездѣльны кажутся въ литературномъ отношеніи съ перваго взгляда (особенно пѣсни, составленныя имъ съ Александромъ Бестужевымъ на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ), но намѣреніе, съ которымъ писаны, и вліяніе, ими произведенное въ короткое время, слишкомъ значительны. Хотя правительство всѣми мѣрами старалось истребить сіи пѣсни, гдѣ только могли находить ихъ, но они были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ его состоянію, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ. Съ другой стороны, одного преслѣдованія, безъ всякаго внутренняго убѣжденія, достаточно было для заманчивости сихъ легкихъ твореній, чтобы образованные люди пожелали сохранить ихъ. —Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь изображались въ нихъ простыми словами, но вѣрными красками.

Удаленнымъ отъ свѣта нельзя положительно сказать, что однажды пріобрѣтенныя ими понятія, подобно дереву, которому садовникъ, желая сообщить произвольную форму, какъ ни огибаетъ сучья, какъ ни обстригаетъ вѣтви, но они слѣдуютъ природному порядку и пускаютъ вверхъ свои отрасли—кажется трудно повѣрить, чтобъ этотъ катихизисъ простого народа не распространялся все болѣе. Въ самый тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизусть всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣтъ канонира, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева.

Мнѣ пришла теперь на память одна мало-извѣстная пьеса, написанная Рылѣевымъ въ послѣднее время для юношества высшаго сословія русскаго. Вотъ она;

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенье вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны,
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги.

Въ этихъ стихахъ лучше всего изображаются всѣ достоинства и недостатки поэзіи Рылѣева. Со всѣмъ тѣмъ кто не скажетъ, что это стихотвореніе можетъ стать на ряду съ лучшими Ирландскими Мелодіями Мура.

Приступимъ теперь къ важнѣйшей эпохѣ жизни Рылѣева. Раздѣляемый между литературой, занятіями по обществу и домашними попеченіями, онъ тихо проводилъ жизнь свою, уважаемый общественнымъ мнѣніемъ, любимый домашними и друзьями и подозрѣваемый правительствомъ, которое повидимому въ послѣднее время было очень слабо въ своемъ полицейскомъ надзорѣ. Мало по малу, тайныя дѣла при приготовленіи общества отвлекли его отъ другихъ занятій: онъ совершенно посвятилъ себя одной только заботѣ.

Не знаю, былъ ли онъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежавшихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключали, что общество наше многочисленно и что значащіе люди участвуютъ въономъ. Въ семъ положеніи дѣла застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать

отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начатія дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ нрестола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и, вмѣсто начатія дѣйствій, я увидѣлъ, что Рылѣевъ не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

— Гдѣ же общество, говорилъ я, о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе ихъ планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетени объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія намѣренія, скажи ихъ намъ—и мы приступимъ къ исполненію. Говори!

Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

Онъ былъ пораженъ нечаянностью случая и сказалъ:

— Это обстоятельство явно даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи, я обманулся самъ: мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ не велико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня къ вечеру. Между тѣмъ я поѣду собирать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и войскѣ.

Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ.

Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душой оныхъ. Ввечеру мы сообщили друга другу собранныя свѣдѣнія: онѣ были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія. Въ городѣ еще не знали отречется ли Константинъ: тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву по-

скакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

Когда мы остались трое, Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ многихъ намѣреній, положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба.

Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету.

Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты, нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

Два дня сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало по малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

Мнѣ прискорбно теперь припоминать предсказаніе, сдѣланное мною больному: тогда было оно шуткой, но вскорѣ исполнилось ужасною истиною. Ему поставили на шею мушку и когда она подѣйствовала, надобно было сдѣлать перевязку. Очищая больное мѣсто и прикладывая новый пластырь, я зацѣпилъ неосторожно за рану. Рылѣевъ вскрикнулъ.

— Какъ не стыдно тебѣ быть такъ малодушнымъ, сказалъ я шутя: - и кричать отъ одного прикосновенія, когда ты знаешь свою участь, знаешь, къ чему тебѣ должно прі-[illegible]ять свою шею.

[illegible] сомнѣнія на счетъ наслѣдства престола возра-[illegible] открывался новый случай воспользоваться но-

вою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества.

Но, не, смотря на успѣхи наши, не взирая на то, что новые члены прибывали, что за многіе полки сдѣланы были обѣщанія, мы мало увѣрены были въ нашихъ силахъ: никто не могъ ручаться за полный полкъ; ротные командиры, участвовавшіе въ заговорѣ, могли отвѣчать только за свои роты и то при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе на счетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимостх дѣйствовать; чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ:

— Предвижу, что не будетъ успѣха; но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: «дерзай», и ежели это будетъ несчастливо—мы своей неудачей научимъ другихъ.

Наконецъ, 12 декабря, въ субботу, явился у меня Рылѣевъ. Видъ его былъ безпокойный. Онъ сообщилъ мнѣ, что Оболенскій вывѣдалъ отъ Ростовцева, что сей послѣдній имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, въ которомъ объявилъ ему о умышленномъ заговорѣ, о намѣреніяхъ воспользоваться расположеніемъ солдатъ и упрашивалъ его, для отвращенія кровопролитія, или отказаться отъ престола или подождать цесаревича для формальнаго и всенароднаго отказа.

— Оболенскій заставилъ Ростовцева переписать, какъ письмо, писанное имъ до свиданія, такъ и разговоръ съ Николаемъ. Вотъ черновое изложеніе того и другого, продолжалъ Рылѣевъ:

— Собственной руки Ростовцева. Прочти и скажи, что ты объ этомъ думаешь?

Я прочиталъ. Тамъ не было ничего упомянуто о существованіи Общества; не названо ни одного лица, но говорилось о намѣреніи воспротивиться вступленію на престолъ Николая; о могущемъ произойти кровопролитія. Въ справедливости же своего показанія, Ростовцевъ завѣрялъ головою, просилъ, чтобы его посадили съ сей же минуты въ крѣпость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

— Увѣренъ ли ты, сказалъ я Рылѣеву:— что все напи-

санное въ этомъ письмѣ и разговоръ совершенно согласенъ съ правдою, и что въ нихъ ничего не убавлено противъ изустнаго показанія Ростовцева.

— Оболенскій ручается за правдивость этой бумаги: онъ говоритъ, что Ростовцевъ почти добровольно объявилъ ему все это.

— По доброй душѣ своей Оболенскій готовъ ему вѣрить; но я думаю, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ. Николаю онъ открываетъ заговоръ, передъ нами умываетъ руки признаніемъ, въ которомъ, говоритъ онъ, нѣтъ ничего личнаго. Не менѣе того въ этомъ признаніи онъ могъ написать, что ему угодно, и скрывать, то чего ему не надобно намъ сказывать.

Но пусть будетъ такъ, что Ростовцевъ, движимый сожалѣніемъ, совѣстью, расканіемъ, сказалъ и написалъ не болѣе и не менѣе; однако же у него сказано о умыслѣ и ежели у Николая, теперь такъ много хлопотъ, что некогда распросить о ней доносчика, или боязнь и политика мѣшали приняться за розыски какъ бы надобно, то, конечно, эти причины не будутъ существовать на первый день по вступленіи на престолъ, и Ростовцева заставятъ сказать что нибудь поболѣе о томъ, о чемъ онъ говоритъ теперь съ такою скромностію.

— И если бы сказано было что-нибудь болѣе, насъ конечно тайная полиція прибрала бы къ рукамъ.

— Я тебѣ повторяю, что Николай сдѣлаетъ это. Опорная точка нашего заговора, есть вѣрность присяги Константину, и нежеланіе присяги Николаю. Это намѣреніе существуетъ въ войскахъ и, конечно, тайная полиція, о томъ извѣстила Николая; но какъ онъ самъ еще не увѣренъ, точно ли откажется отъ престола братъ его, слѣдовательно арестъ людей, которые хотѣли остаться вѣрными первой присягѣ, можетъ показаться съ дурной стороны Константину, ежели онъ вздумаетъ принять корону.

— Итакъ ты думаешь, что мы уже заявлены?

— Непремѣнно, и будемъ взяты, ежели не теперь, то послѣ присяги.

— Что же, ты полагаешь нужно дѣлать?

— Не показывать этого письма никому и дѣйствовать: лучше быть взятыми на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ за кого мы погибаемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайно исчезнемъ изъ общества, и никто не знать гдѣ мы и за что пропали.

Рылѣевъ бросился ко мнѣ на шею.

— Я увѣренъ былъ, сказалъ онъ съ сильнымъ движеніемъ, что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ—съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется.

Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!

Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ полковнику Финляндскаго полка Моллеру, члену общества, чтобы спросить его рѣшительнаго отвѣта, и не застали дома. Рылѣевъ поручилъ мнѣ непремѣнно узнать о его намѣреніяхъ. Я былъ у Моллера опять ввечеру и нашелъ его въ наилучшемъ расположеніи— съ этимъ я отправился къ Рылѣеву. Въ тотъ же вечеръ пріѣхали ко мнѣ изъ деревни мать съ сестрами, и потому мнѣ нельзя было оставаться на совѣщаніи; Рылѣевъ обѣщалъ извѣстить меня обо всемъ.

На другой день поутру, передавъ мнѣ нѣкоторыя слабыя надежды, Рылѣевъ поѣхалъ опять со мною къ Моллеру и опять не засталъ его дома. Обѣщавъ пріѣхать ко мнѣ обѣдать, онъ поручилъ мнѣ сыскать его, чтобы, узнавъ его мысли, принять рѣшительныя мѣры.

Я отправился къ Торсону и тамъ узнали мы, что Моллеръ у дяди своего, министра. Послали за нимъ. Онъ явился, но былъ уже не тотъ, съ которымъ я говорилъ наканунѣ. При первомъ вопросѣ о его намѣреніяхъ, онъ вспыхнулъ, сказалъ, что не намѣренъ служить орудіемъ и игрушкой другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова не навѣрно держится на плечахъ и, не слушая нашихъ убѣжденій, ушелъ.

Я сообщилъ Рылѣеву за обѣдомъ нашу неудачу.

— Намъ надобно что нибудь узнать въ Финляндскомъ полку, сказалъ онъ; поѣдемъ къ Рѣпнину.

Мы поѣхали, насилу отыскали его, привезли ко мнѣ и вотъ его слова о состояніи Финляндскаго полка:

— Моллеръ и Тулубьевъ, который еще сегодня поутру съ энтузіазмомъ далъ слово, -оба отказываются. Моллеръ по своимъ расчетамъ, Тулубьевъ, слѣдуя ему. Я не могу ручаться ни за одного солдата. Моей роты здѣсь нѣтъ: она съ баталіономъ стоитъ въ деревнѣ, и притомъ я сказываюсь больнымъ, подавши въ отставку. Во всемъ полку одинъ только Розенъ отвѣчаетъ за себя, но я не знаю, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать.

Рылѣевъ уѣхалъ, давъ слово возвратиться ввечеру и извѣстить насъ объ окончательныхъ намѣреніяхъ и завтрашнихъ дѣйствіяхъ.

Мы остались съ Рѣпнинымъ. Общество наше увеличилось Торсономъ и Батенковымъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Рылѣевъ съ Пущинымъ и объявилъ намъ о положенномъ на совѣщаніи, что завтрашній день при принятіи присяги должно поднимать войска, на которыя есть надежда, и какъ бы ни были малы силы, съ которыми выйдутъ на площадь, идти съ ними немедленно во дворецъ.

— Надобно нанесть первый ударъ, — сказалъ онъ: — а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Итакъ братъ твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Судгофъ — первый, кто придетъ на площадь, отправится тотчасъ во дворецъ.

Здѣсь Рѣпнинъ замѣтилъ Рылѣеву, что дворецъ слишкомъ великъ и выходовъ въ немъ множество, чтобы занять его одною ротою, и что, наконецъ, преображенскій баталіонъ, помѣщенный возлѣ дворца, можетъ въ ту же минуту быть введенъ туда черезъ эрмитажъ и что отважившаяся рота будетъ въ слишкомъ опасномъ положеніи, тогда какъ и безъ сего успѣхъ не вѣренъ, чтобы воспрепятствовать уходу царской фамиліи.

— Если же, прибавилъ онъ, это необходимо, недурно бы достать планъ дворца и по оному расположить дѣйствія, чтобы воспользоваться съ выгодою малымъ числомъ.

— Мы не думаемъ, сказалъ Рылѣевъ, чтобъ успѣли кончить всѣ дѣйиствія однимъ занятіемъ дворца; но довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдутъ оттуда, и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ, и самые нерѣшительные должны будутъ склонится на нашу сторону. Повторяю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: д е р з а й.

Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14-го числа. Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13-го числа, утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпнину и мнѣ ввечеру 13-го числа, послѣ сего совѣщанія, и какъ я въ семъ случаѣ пишу не исторію общества, но дѣйствія Рылѣева, то я долженъ ихъ передавать такъ, какъ я собственно ихъ видѣлъ и слышалъ.

Рано поутру 14-го числа я былъ уже у Рылѣева; онъ собирался ѣхать со двора.

— Я дожидалъ тебя,—сказалъ онъ: — что ты намѣренъ дѣлать?

— Ѣхать по условію въ Гвардейскій экипажъ. Можетъ быть тамъ мое присутствіе будетъ къ чему-нибудь годно

— Это хорошо. Сейчасъ былъ у меня Каховскій и далъ намъ съ твоимъ братомъ Александромъ слово о исполненіи своего обѣщанія, а мы сказали ему на всякій случай, что съ сей поры мы его не знаемъ, и онъ насъ не знаетъ, и чтобы онъ дѣлалъ свое дѣло, какъ умѣетъ. Я же, со своей стороны, ѣду въ Финляндскій и Лейбъ-Гвардейскій полки и, если кто либо выйдетъ на площадь, я стану въ ряды солдатъ, съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Какъ—во фракѣ?

— Да! а можетъ быть надѣну и русскій кафтанъ, чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы.

— Я тебѣ этого не совѣтую. Русскій солдатъ не понимаетъ этихъ тонкостей патріотизма, и ты скорѣе подвергнешься опасности отъ удара прикладомъ, нежели сочувствію къ твоему благородному, но неумѣстному поступку. Къ чему этотъ маскарадъ? Время національной гвардіи еще не настало.

Рылѣевъ задумался.

— Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ романтически, сказалъ онъ.—Итакъ: просто, безъ излишествъ, безъ затѣй. Можетъ быть, продолжалъ онъ, можетъ быть мечты наши сбудутся; но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ.

Онъ вздохнулъ, крѣпко обнялъ меня; мы простились и пошли.

Но здѣсь ожидала насъ трудная сцена. Жена его выбѣжала къ намъ навстрѣчу, и когда я хотѣлъ съ нею поздороваться, она схватила мою руку, и заливаясь слезами, едва могла выговорить:

- Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его — я знаю, что онъ идетъ на погибель!

Кто изъ моихъ товарищей испыталъ чувствованія, одушевлявшія каждаго изъ насъ въ эти незабвенные дни, тотъ можетъ представить, что напряженная душа готова была ко всѣмъ пожертвованіямъ, и потому я уговаривалъ ее такими словами, какъ будто супруга и мать должна была понимать мои чувствованія: но это было холодно для ея сердца.

Рылѣевъ подобно мнѣ старался успокоить ее: что онъ возвратится скоро, что въ намѣреніяхъ его нѣтъ ничего опаснаго. Она не слушала насъ; но въ это время дикій, горестный и испытующій взглядъ большихъ черныхъ ея глазъ попеременно устремлялся на обоихъ. Я не могъ выносить этого взгляда и смутился. Рылѣевъ примѣтно былъ въ замѣшательствѣ. Вдругъ она отчаяннымъ голосомъ вскрикнула:

— Настенька! проси отца за себя и за меня!..

Маленькая дѣвочка выбѣжала рыдая, обняла колѣни отца, а мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ, вырвался изъ ея и дочернихъ объятій и убѣжалъ.

Здѣсь мы разстались.

Когда я пришелъ на площадь съ Гвардейскимъ экипажемъ— уже было поздно. Рылѣевъ привѣтствовалъ меня первымъ цѣлованіемъ свободы и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій отвелъ меня на сторону и сказалъ:- Предсказаніе наше сбывается: послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою! Это были послѣднія слова Рылѣева, которыя мнѣ были сказаны. Остальная развязка нашей политической драмы всѣмъ извѣстна...

Мы сидѣли въ крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ; въ 14-омъ номерѣ былъ братъ мой Михаилъ. въ 15-омъ я, въ 16-омъ —князь Одоевскій, въ 17-омъ и послѣднемъ—Рылѣевъ. Мало-по-малу мы съ братомъ возстановили сношенія посредствомъ выдуманной имъ азбуки звуками въ стѣну. Мы объяснялись свободно. Я хотѣлъ переговорить съ Рылѣевымъ, но всѣ мои попытки дать знать понятіе о моей азбукѣ Одоевскому, между нами сидѣвшему, были безуспѣшны. Итакъ между нами всѣ сношенія были очень коротки и невѣрны— черезъ стараго ефрейтора, словесно и почти передъ самою сентенціею, записками. Это препятствіе много повредило нашему дѣлу.

Вотъ поведеніе Рылѣева по Комитету, сколько я могъ судить изъ дѣла и его показаній, которыя до меня доходили. Но здѣсь я говорю собственное мнѣніе, одно заключеніе, то что мнѣ казалось, не основываясь ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ.

Рылѣевъ старался передъ комитетомъ выставить общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ нашей мыслію, чтобы знали, чего хотѣло общество, онъ открылъ многія вещи, которыхъ открывать бы не надлежало *). Со всѣмъ тѣмъ это не были ни важныя показанія на лица, ни какія - либо уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ принималъ все на свой счетъ, выставляя себя причиной всего, въ чемъ могли упрекнуть общество. Сверхъ того комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощенье; впослѣдствіи, когда все было открыто и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже стращали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости, подлоги были употреблены. Я зналъ черезъ стараго солдата, что Рылѣеву было обѣщано отъ государя прощенье, если онъ признается въ своихъ намѣреніяхъ; женѣ его было сказано тоже, — позволены были свиданія, переписка, — все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылѣева. Сверхъ того, зная нашу съ нимъ дружбу, насъ спрашивали часто отъ его имени о такихъ вещахъ, о которыхъ намъ прежде и на мысли не приходило. Я признаюсь, обманутый самъ обѣщаніемъ царскимъ, зная за какую цѣну оно обѣщано Рылѣеву и зная его намѣреніе представить въ важнѣйшемъ видѣ вещи, дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ, чтобы не повредить ему и не выставить его лжецомъ, отрицаясь отъ показаній, сдѣланныхъ будто отъ его имени, особенно въ началѣ дѣла, когда я еще не разгадалъ этой хитрости комитета; но послѣ я узналъ это, и мы съ братомъ взяли свои мѣры. Что же касается до Рылѣева — онъ не измѣнилъ своей всегдашней довѣрчивости и до конца убѣжденъ былъ, что дѣло окончится для насъ благополучно **).

Это было видно изъ его записки, написанной ко всѣмъ намъ въ равелинѣ, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ верховнаго уголовнаго суда. Она начиналась слѣдующими словами: «Красивая картина т. е. сенаторы горячатся и присудили намъ смертную казнь; но за насъ Богъ, государь и благомыслящіе люди» . Окончанія не помню.

---

*) Вотъ чѣмъ объясняются толки объ „измѣнѣ“ Рылѣева. Г. Б.

**) См. его стихотвореніе — „Къ друзьямъ“, написанное въ крѣпости. Г. Б.

Теперь сама жестокая судьба привела насъ еще увидѣться съ нимъ. Въ безчисленныхъ казематахъ нашихъ заведеній былъ небольшой чуланъ, куда насъ водили по очереди брить. Очередь Рылѣева была вести до моей минуты. Однажды ефрейторъ, заведя меня мимо стоповую дверь, отворилъ дверь въ ту самую минуту, когда Рылѣевъ проходилъ мимо: мы увидали другъ друга — много доставило было, чтобы заговорить ефрейтора, бросились другъ другу на шею и поцѣловались послѣ столь долгой разлуки. Такой случай былъ невозможенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тайна и молчаніе, гдѣ подозрѣваніе и надзоръ не отступали ни на минуту отъ несчастныхъ жертвъ, заживо туда похороненныхъ...

Что мнѣ теперь прибавить? Съ этой минуты я не видалъ его болѣе. Я узналъ о немъ отъ священника уже послѣ казни. Узналъ съ какимъ мужествомъ и смиреніемъ принялъ онъ безвинную смерть отъ руки палача. «Положите мнѣ руку на сердце и посмотрите, скорѣе ли оно бьется», сказалъ онъ священнику. Они всѣ пятеро поцѣловались, оборотившись такъ, чтобы можно было пожать имъ связанныя другъ другу руки — и приговоръ былъ исполненъ. По неловкости палача Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ *) должны были вытерпѣть эту казнь въ другой разъ, и Рылѣевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и прежде, сказалъ: «Имъ мало нашей жизни — имъ нужно еще тиранство».

Н. Бестужевъ.

*) По свидѣтельству другихъ—Пестель.

Поэзія граждакской борьбы.

(К. Ѳ. Рылѣевъ).

„Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
„Ты не увидишь въ нихъ искусства,
„За то найдешь живыя чувства —
„Я не поэтъ, а гражданинъ".

Такъ говоритъ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ въ посвященіи своей поэмы Бестужеву, и въ этихъ словахъ нельзя не увидать справедливой оцѣнки его поэзіи; вѣрность этой оцѣнки особенно заключается въ послѣднихъ двухъ стихахъ. Поэзія Рылѣева, дѣйствительно, проникнута живыми чувствами, будутъ ли эти чувства направлены къ любимой женщинѣ, къ другу, къ родной странѣ или къ свободѣ,—все равно. Съ другой стороны, въ поэзіи Рылѣева столько гражданскихъ мотивовъ, она настолько проникнута и любовью къ свободѣ, и ненавистью къ рабству и тиранамъ, что онъ въ правѣ былъ сказать «я не поэтъ, а гражданинъ». Вѣрнѣе сказать, гражданинъ въ лицѣ Рылѣева сливался съ поэтомъ. Уже его поэзія сама по себѣ была гражданскимъ служеніемъ, но она пріобрѣла еще мученическій вѣнецъ своего пѣвца.

Поэзія Рылѣева есть пѣснь личныхъ гражданскихъ чувствъ поэта, его настроеній и мечтаній. И во всемъ этомъ вы встрѣчаете главный лейтмотивъ — это борьба съ самовластіемъ и, конечно, съ самими угнетателями, тиранами и даже съ порабощенными, въ комъ не найдется мужества и силы къ этой борьбѣ.

„Могу ли равнодушно видѣть
„Порабощенныхъ земляковъ!"

Восклицаетъ онъ и тутъ же отвѣчаетъ:

„Нѣтъ, нѣтъ! Мой жребій—ненавидѣть
„Равно тирановъ и рабовъ."

Сила этой ненависти и желаніе вступить въ безпощадну борьбу растетъ въ поэзіи Рылѣева вмѣстѣ съ возраст ніемъ въ душѣ самаго поэта и съ рѣшеніемъ его выступи на открытый бой.

Литературное имя Рылѣева составила его до дерзости см лая ода «Къ Временщику» т.-е. къ всесильному тогда Ара чееву. Рылѣевъ не скупится въ ней на самые рѣзкіе спр ведливые эпитеты.

„Надменный временщикъ и подлый и коварный,
„Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
„Неистовый тиранъ родной страны своей,
„Взнесенный въ важный санъ, пронырливый злодѣ

Рылѣевъ жаждетъ того момента, когда кто-нибудь поко чить съ временщикомъ и обѣщаетъ прославить всякаго, к это исполнитъ.

„О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
„Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!

Пойти на такой шагъ могъ лишь тотъ, кто дѣйствител возненавидѣлъ совершающееся кругомъ, и кто готовъ былъ п жертвовать жизнью. Рылѣеву неизбѣжно угрожала смерт «Нельзя представить, говоритъ современникъ, изумленія, ужас даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были ж тели столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и у ризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думал что громы кары грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта, тѣхъ, которые внимали ему». Однако временщикъ оказал подлѣе возможнаго: онъ не рѣшился признать въ правдивы словахъ себя и молча проглотилъ пощечину, данную ему п блично.

Уже это стихотвореніе показываетъ, какого борца, дру и защитника пріобрѣлъ русскій народъ въ лицѣ Рылѣева. О показало, что можно говорить истину и сильнымъ міра се можно привлекать ихъ на судъ народа. Такимъ Рылѣе оставался до конца своихъ немногихъ дней.

Вотъ его болѣе раннее произведеніе — «Думы». Это р историческихъ картинъ и характеровъ, куда никакъ не мо попасть вопросы современности и едва ли могли даже зат тѣ интересы, которые захватывали всего Рылѣева. Одн

и здѣсь, въ этихъ «эпическихъ» пѣсняхъ, поэта больше всего интересуетъ отношеніе воспѣваемыхъ героевъ къ «общественному благу», къ угнетенному народу.

Благодаря такой тенденціи, поэтъ часто рискуетъ исторической правдой, изображаемые имъ характеры не всегда совпадаютъ съ дѣйствительностью, поступки и мысли часто идеализируются и являются вымышленными. Нерѣдко мы прямо можемъ заключить, что намъ высказываетъ самъ поэтъ свои задушевныя и дорогія ему мысли и чувства, а не историческое лицо. Такова напримѣръ «Дума» —Волынскій.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,—пишетъ поэтъ
«Не тотъ въ странѣ самодержавья
«Царю полезный гражданинъ,
«Кто рабъ презрѣннаго тщеславья,
«За край родной иль за свободу,
«Забывши вовсе о себѣ
«Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
«Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
«Онъ будетъ и въ цѣпяхъ спокоенъ,
«Въ часъ казни правотою гордъ
«И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.
. . . Но будетъ живъ
«Въ сердцахъ и памяти народной
«И онъ, и пламенный порывъ
«Души прекрасной и свободной.
«Пѣвцы герою въ воздаянье
«Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
«Передадутъ его дѣянья.
«Вражда къ тиранству закипитъ
«Неукротимая въ потомкахъ—
«И Русь священная узритъ
«Власть чужеземную въ обломкахъ.»

Не трудно видѣть въ этихъ словахъ чувства и желанія самого Рылѣева; они даже не лишены его автобіографическаго значенія. Извѣстно, какъ славно онъ умиралъ за любимый имъ народъ, извѣстенъ также его взглядъ на возможность успѣха событій 14-го декабря, когда наканунѣ онъ пламенно убѣждалъ своихъ друзей и товарищей поднять возстаніе, хотя бы безъ надежды на успѣхъ, но съ тѣмъ чтобы положить этимъ начало революціоннаго движенія противъ самовластія и самодержавія. Его мысль оправдалась исторически—наша революція имѣетъ своимъ началомъ 14-е декабря. Да хотя бы и безъ этого, никакъ нельзя приписать приведенныхъ мыслей Во-

Душа въ волненіи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ»...

Эти мысли о родинѣ и протесты противъ дѣйствительности у Рылѣева съ каждымъ годомъ становились рѣшительнѣе и перешли прямо къ требованіямъ революціоннаго переворота. Онъ взялъ на себя обязанности пропагандиста, и его стихотворенія прямо дышали возмущеніемъ и призывомъ.

«А и скучно мнѣ
Во своей сторонѣ
Все въ неволѣ, въ тяжкой долѣ...
Долго ль русскій народъ
Будетъ рухлядью господъ,
И людьми, какъ скотами
Долго ль будутъ торговать... и т д.

Его требованіе было вполнѣ сознательно, не боялось никакихъ опасностей и не поддавалось уклоненіямъ ни передъ чѣмъ. Поэтъ зналъ, на что онъ шелъ своимъ призывомъ къ возстанію и это не страшило его.

«Извѣстно мнѣ; погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благославляю».

Эти слова были пророческими для Рылѣева—онъ мученически умеръ за свою любовь къ родинѣ, любовь къ которой онъ воспѣлъ своей музой и запечатлѣлъ своей смертью.

Глубоко и сильно по своей рѣшимости стихотвореніе Рылѣева, послѣднее, написанное имъ на волѣ. Въ немъ вы видите всю глубину сознанія отвѣтственности передъ народомъ и всю рѣшимость поэта возстать за народъ.

«Я ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя,
Переродившихся славянъ.
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой,
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.

И всѣхъ, говоритъ поэтъ, ожидаетъ раскаяніе, позоръ и укоризны потомковъ, если кто не найдетъ въ себѣ силы стряхнуть власть самодержавія.

«Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Вь нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

Такъ писалъ Рылѣевъ въ декабрѣ 1825 года, т. е. когда имъ былъ уже задуманъ планъ возстанія, когда ему приходилось побуждать еще не рѣшившихся.

Рылѣевъ предвидѣлъ жертвы возстанія, предчувствовалъ, что самъ первый станетъ этой жертвой, но это не могло поколебать его рѣшенія. Въ своей исповѣди Наливайко устами поэта говоритъ:

«Не говори, святой отецъ,
Что это грѣхъ. Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
«Пора»! мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
«Пора губить враговъ Украйны»...

и затѣмъ, при видѣ похода на этихъ враговъ, Наливайко не можетъ сдержать своихъ чувствъ и восклицаетъ:

«Возьмутъ свое права природы;
Безсмертна къ родинѣ любовь;
Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь».

Это четверостишье по содержанію — воплощеніе всѣхъ надеждъ и вѣрованій Рылѣева, а по формѣ одинъ изъ перловъ его поэзіи.

Поэтъ именно тамъ и силенъ, его стихъ тамъ и легокъ, гдѣ онъ выражаетъ свои чувства, особенно если они навѣяны успѣхомъ въ борьбѣ за свободу. Прочтите пѣснь сторонниковъ Мазепы, возставшихъ изъ любви къ родинѣ, и васъ поразитъ мощь стиха.

«Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,

Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ,
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ.
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ... и т. д.

Въ этихъ стихахъ столько бодрости и отваги! И таковъ тонъ всей поэзіи Рылѣева; онъ не умѣлъ ныть и хандрить. Подражая Байрону, онъ бралъ отъ него все бодрящее и жизненное; его поэзія для Рылѣева была образцомъ борьбы, а не унынія, тоски и горя.

Въ каждомъ стихѣ Рылѣева, въ каждомъ словѣ поэта вы встрѣчаете безграничную любовь къ свободѣ, неисчерпаемый энтузіазмъ въ борьбѣ за нее и полную готовность пожертвовать собой. И это не было только словомъ, а это было дѣломъ...

Энтузіазмъ былъ не ради какой-нибудь отвлеченной мечты, которую бы поэтъ самъ не зналъ или не могъ бы осуществить. Нѣтъ, эта мечта вытекала изъ глубокаго знанія жизни и ея уродливыхъ проявленій въ отечествѣ поэта.

Прочтите оду «Видѣніе» и вы увидите, какъ широко тамъ поставлено преобразованіе Россіи, какъ велико тамъ предъявленное требованіе къ будущему императору Александру II-му.

Устами Екатерины II-ой поэтъ говоритъ:

«Люби народъ, чти власть закона;
Учись заранѣ быть царемъ
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ
«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей... и т. д.

Это было написано въ 1823 году. Всякій мало-мальски знакомый съ этимъ временемъ знаетъ, какъ сильно «завер-

нулъ политическій морозъ», какъ сильна была реакція. Улетучились, какъ дымъ, всѣ мечты Александра о дарованіи русскому народу свободы и объ уничтоженіи самодержавія. Попраны были всѣ права. Цензура безчинствовала и нельзя было ничего писать. Университеты были разгромлены и наука въ нихъ исчезла. Правосудія не было, и царило взяточничество, произволъ. Тяжесть крѣпостного состоянія крестьянъ увеличилась военными поселеніями. Россія, если не возвратилась къ дикимъ временамъ Павла, то переживала всю тяжесть Аракчеевщины. Ею правилъ жестокій и безсмысленный фрунтовикъ, фактически совмѣщая въ своей власти—власть временщика, диктатора, тирана и самодержца.

Въ такое время Рылѣевъ не могъ молчать, но и возвысить голосъ свой могъ только онъ.

Этотъ голосъ умолкъ черезчуръ рано. Но и тогда, когда всѣ надежды были разбиты, возстаніе подавлено, а смерть витала надъ его участниками и готова была ихъ поглотить, Рылѣевъ и тогда находитъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что онъ былъ проповѣдникомъ истины.

«И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
Но этимъ зла вамъ причинить не можетъ?
Счастливъ, кого отецъ мой изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ...

Это единственное и самое сильное утѣшеніе для Рылѣева въ томъ ужасномъ и томительномъ ожиданіи неизбѣжной смерти, въ которомъ онъ жилъ цѣлые мѣсяцы.

«Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылы мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ, какъ смрадная могила.
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣхъ въ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Такъ истинный другъ людей, покидая этотъ міръ, не могъ не вспоминать своихъ товарищей и не просить о ихъ прощеніи.

Г. Балицкій.

ДУМЫ[1].

(Его высокопревосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову [2]), съ глубочайшимъ уваженіемъ посвящаетъ сочинитель).

«Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для свѣта».

---

[1]) Въ одномъ изъ списковъ „Думъ", сообщаемомъ „Русской Стариной" находимъ ихъ 21 названіе въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Курбскій, 2. Боянъ, 3. Хмѣльницкій, 4. Смерть Ермака, 5. Святополкъ, 6. Святославъ, 7. Матвѣевъ, 8. Петръ въ Острогожскѣ, 9. Глинскій. 10. Самозванецъ, 11. Борисъ Годуновъ, 12. Наталья Долгорукова, 13. Олегъ Вѣщій, 14. Ольга при могилѣ Игоря, 15. Волынскій, 16. Державинъ, 17. Дмитрій Донской, 18. Сусанинъ, 19. Рогнѣда, 20. Михаилъ Тверской и 21. Мстиславъ Удалой.

Другой списокъ заключаетъ названіе „Думъ", которыя Рылѣевъ вѣроятно предполагалъ написать, въ чемъ насъ убѣждаютъ найденные болѣе или менѣе полные отрывки, съ соотвѣтствующими названіями. Вотъ этотъ списокъ: Владиміръ. Рюрикъ. Вадимъ. Владиміръ Мономахъ. Василько. Гаральдъ и Елизавета. Пожарскій и Мининъ. Марина. Мареа Посадница. Гермогенъ. Мазепа. Софія. Петръ Великій. Лукьянъ Стрешневъ. Минихъ. Румянцевъ. Суворовъ. Меньшиковъ. Потемкинъ. Яковъ Долгорукій. (Г. Б.)

[2]) Н. С. Мордвиновъ, впослѣдствіи графъ занималъ выдающееся положеніе въ царствованіе Александра I благодаря своему образованію и либеральнымъ взглядамъ. Декабристы возлагали на него много надеждъ въ своихъ планахъ.

„Думы" начали печататься въ разныхъ журналахъ съ 1821 года, а въ отдѣльномъ изданіи вышли въ 1825 г. въ типографіи Селивановскаго. Цензурное разрѣшеніе дано 22 дек. 24 г. И. Давыдовымъ. По поводу „Думъ" смотри переписку Рылѣева съ Нѣмцевичемъ. Между „Думами" послѣдняго и сочиненными Кондр. Федоровичемъ очень много общаго. Нѣмцевичъ– польскій поэтъ. (Г. Б.).

Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ «Историческихъ пѣсенъ» (Spiewy Historyczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя «Думы». Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе «Думы».

Дума — старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ, нашихъ, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ потъ украинцы поютъ думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Нечаѣ, Сагайдачномъ, Палѣѣ,—и самому Мазепѣ приписывается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій *) свидѣтельствуетъ, что на Руси пѣлись элегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 г. въ битвѣ съ валахами. «Элегіи сіи, говоритъ онъ, у русскихъ думами называются. Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія со словами, народъ русскій иногда сопровождаетъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли».

Въ числѣ предлагаемыхъ „Думъ" читатели найдутъ двѣ піесы, которыя не должны бы войти въ сіе собраніе: это „Рогнѣда" и „Олегъ Вѣщій". Первая по составу своему болѣе повѣсть, нежели дума; вторая есть историческая пѣсня (Spiew Hystoryczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я рѣшился помѣстить ее въ числѣ «думъ», чтобы показать составъ историческихъ пѣсенъ Нѣмцевича, одного изъ лучшихъ поэтовъ Польши.

Примѣчанія, припечатанныя при «думахъ», кромѣ нѣкоторыхъ, сдѣланы П. М. Строевымъ [1]).

Олегъ Вѣщій *).

Наскучивъ мирной тишиною,
Собралъ полки Олегъ
И съ ними полетѣлъ грозою
На цареградскій брегъ.

---

* Annales Regni Pol. t. II k. 1198. Слово въ слово „Anno 1506 duo. fratres Strusii (Felix i Serzy, jak swiadczy Niesiecki, Herb. IV. 218) adolezcentes bellicosi a Valachis oc cubnnrunt. De quibus etiamnunc elgiae quas Dumas Russi vocant, canuntur voce lugubri et gestu canenium se in utramque partem motantium, id quod cauitn exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim moduvis lamentabilibus. haec eadem imiltando exprimit.

[1]) Кромѣ этихъ примѣчаній, отмѣченныхъ у насъ звѣздочками, мы помѣщаемъ и другія, отмѣченныя цифрами. (Г. Б.).

*) Рюрикъ, основатель Россійскаго Государства, умирая (въ 879 г.), оставилъ малолѣтняго сына, Игоря, подъ опекою своего родственника, Олега. Опекунъ мало-по-малу сдѣлался самовластнымъ владѣтелемъ. Время его правленія примѣчательно походомъ къ Константинополю, въ 907 г. Лѣтописцы сказываютъ, что Олегъ приплылъ къ стѣнамъ Византійской столицы, велѣлъ вытащить ладьи на берегъ, поставилъ ихъ на колеса и, развернувъ паруса, подступилъ къ городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олегъ умеръ въ 912 году. Его прозвали Вѣщимъ (мудрымъ).

Покрылся быстрый Днѣпръ ладьями
Въ берегахъ крутыхъ взревѣлъ,
И подъ отважными рулями
Напѣнясь закипѣлъ,

Дружина храбрая героевъ
На славныя дѣла,
Сгарая пылкой жаждой боевъ,
Съ веселіемъ текла.

Въ пути ей не были преграды
Кремнистыхъ горъ скалы,
Днѣпра подводныя громады
Ни ярыхъ водъ валы.

Сѣдой Олегъ, шумящей птицей,
Въ Эвксинъ черезъ лиманъ—
И предъ Леоновой столицей
Раскинулъ грозный станъ.

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Вездѣ кипитъ война.

Горятъ деревни, селы пышутъ,
Прахъ вьется средь долинъ;
Въ сердцахъ убійствомъ хладнымъ дышутъ
Варягъ и славянинъ.

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися въ стѣнахъ;
Уже ихъ нѣга развратила,
Нѣтъ мужества въ сердцахъ.

Ихъ императоръ самовластный
Въ чертогахъ трепеталъ,
И въ астрологіи, несчастный,
Спасенія искалъ.

Межъ тѣмъ замысливъ приступъ смѣлый,
Ладьи свои Олегъ,
Развивъ на каждый парусъ бѣлый,
Вдругъ выдвинулъ на брегъ.

«Идемъ, друзья!»—рекъ князь Россіи
Геройскимъ племенамъ—
И шелъ по сушѣ къ Византіи,
Какъ въ морѣ по волнамъ.

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая тронъ,
Пославъ и дань—за миръ позорный—
Къ Олегу шлетъ Леонъ.

Объятый праведнымъ презрѣньемъ,
Беретъ князь русскій дань;
Даритъ Леона примиреньемъ—
И прекращаетъ брань.

Но въ трепетъ гордой Византіи
И въ память всѣмъ вѣкамъ,
Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи
Къ царьградскимъ воротамъ.

Успѣхомъ подвиговъ довольный
И славой въ тѣхъ краяхъ,
Олегъ помчался въ градъ престольный
На быстрыхъ парусахъ.

Народъ, узрѣвъ съ крутаго брега
Возвратъ своихъ полковъ,
Прославилъ подвиги Олега
И восхвалилъ боговъ.

Весь Кіевъ въ пышномъ пированьѣ
Восторгъ свой изъявлялъ
И князю «Вѣщаго» прозванье
Единогласно далъ. [1])

Ольга при могилѣ Игоря *).

Осенній вѣтеръ бушевалъ,
Крутя деревъ листами,
И сосны древнія качалъ
Надъ мрачными холмами.

[1]) Первоначально напечатано было въ Нов. Литерат. 1822 г. т. I, № 11. Подписано: К. Рылѣевъ.

*) Игорь, сынъ основателя Россійскаго Государства Рюрика, принялъ правленіе въ 912 году. Первымъ его подвигомъ было усмиреніе возмутившихся древлянъ. Сіе народное славянское племя обитало въ лѣсахъ нынѣшней Волынской губерніи. Игорь наложилъ дань, которую древляне платили до 945 года. Въ сіе время ему захотѣлось умножить сборъ. Древляне возмутились снова—и корыстолюбивый Игорь погибъ: они привязали его къ двумъ деревьямъ, нагнули ихъ и такимъ образомъ разорвали надвое. По немъ остался малолѣтній сынъ Святославъ. Супруга его, Ольга, правила государствомъ около десяти лѣтъ: скончалась въ 969 году. Церьковь причла ее къ лику святыхъ женъ.

Съ поляны всталъ сѣдой туманъ
И все сокрылъ отъ взгляда;
Лишь Игоревъ синѣлъ курганъ,
Какъ грозная громада,

Слетала быстро ночь съ небесъ;
Луна межъ тучъ всплывала,
И изрѣдка въ дремучій лѣсъ,
Иль въ долъ лучемъ сверкала.
Настала полночь... Вдругъ вдали —
Какъ шелесть по полянѣ...
То Ольга съ Святославомъ шли
И стали при курганѣ.

И долго мудрая въ тиши
Стояла предъ могилой.
Съ волненьемъ горестной души
И съ думою унылой.
О прошломъ, плавая въ мечтахъ,
Она, томясь, вздыхала,
Но огнь блеснулъ въ ея очахъ—
И мудрая вѣщала:

«Мой сынъ, здѣсь палъ родитель твой,
Вотъ храбраго могила!
Но слезъ не лей: я местью злой
Древлянамъ заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла
И кровь, пролитая рѣкой,
Тутъ, мнится, не обсохла...

«Такъ, сынъ мой, Игорь отомщенъ;
Моя спокойна совѣсть;
Но самъ виновенъ въ смерти онъ—
Внемли объ оной повѣсть:
Уже надменный грекъ, смиренъ
Кровопролитной бранью,
Покой отъ сѣверныхъ племенъ
Купилъ позорной данью.

«И Игорь, бросивъ мечъ и щитъ
Къ подножію кумира,
Молилъ перуна, да хранитъ
Ненарушимость мира.
Изъ града въ градъ вездѣ текла
Его дѣяній слава,
И счастьемъ мирнымъ процвѣла.
Обширная держава.

«Вдругъ князя гордая душа
Покой пренебрегаетъ
И, къ золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляетъ.
Дружины собралися въ станъ
Въ доспѣхахъ ярой брани —
И полетѣли въ край древлянъ
Сбирать покорства дани.

«Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Сталъ вновь налоги брать съ земли
Съ дружиной своевольной.
«О, князь!» народъ ему вѣщалъ,
«Чего еще желаешь?...
«Отъ насъ послѣднее ты взялъ
«И насъ же угнетаешь!»

«Но князь не внялъ моленьямъ симъ —
И угнетенныхъ племя
Рѣшилося сразиться съ нимъ
И сбросить ига бремя.
«Погибель хищнику, друзья!
«Пускай падетъ онъ мертвой!
«Его сразитъ стрѣла моя,
«Иль всѣ мы будемъ жертвой!» —

«Древлянскій князь твердилъ въ лѣсахъ...
Отважные возстали,
И съ дикой яростью въ сердцахъ
На Игоря напали.
Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А твой отецъ, виновникъ зла,
Палъ жертвой лютой мести.

«Отецъ будь подданнымъ своимъ
И болѣ князь, чѣмъ воинъ:
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ —
И жить въ вѣкахъ достоинъ!»
Такъ князю-отроку рекла,
И поклонясь кургану,
Мать съ сыномъ тихо потекла
Ко дремлющему стану [1]).

---

[1]) **Перв. напеч.** — Нов. Литер. 22 г. ч. 1, № 12.

Подписано: **Рылѣевъ. (Г. Б.)**.

Святославъ *).

И одинока, и блѣдна,
Въ туманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурогая луна
Надъ брегомъ быстраго Дуная.
Ея перловые лучи
Станъ усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратниковъ ряды дремали.

Съ отвагой въ сердцѣ и въ очахъ,
Младой гусаръ вдали отъ стана,
Закутанъ буркой, на часахъ
Стоялъ на высотѣ кургана.
Предъ нимъ на острову рѣки
Шатры турецкіе бѣлѣли;
Какъ лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣтромъ въ воздухѣ шумѣли.

Въ давно минувшихъ временахъ
Крылатой думою летая,
О прошлыхъ онъ мечталъ бояхъ,
Гремѣвшихъ на брегахъ Дуная.
«На сихъ степяхъ, такъ воинъ пѣлъ,
Съ Цимисхіемъ въ борьбѣ кровавой,
Неразъ подъ тучей грозныхъ стрѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой.

«По манію его руки
Безстрашный россъ, пылая местью,
На грозные враговъ полки
Леталъ—и возвращался съ честью.
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы на бѣды готовой,
Дивилъ и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнію суровой.

«Ему сводъ неба былъ шатромъ
И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ

*) Святославъ, сынъ русскаго князя Игоря Рюриковича, принялъ правленіе около 955 года. Въ исторіи славны походы его въ Болгарію Дунайскую и битвы съ греками. Передъ одною изъ сихъ послѣднихъ Святославъ воспламенилъ мужество своихъ воиновъ слѣдующею рѣчью: „Бѣгство не спасетъ насъ; волею неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ на мѣстѣ битвы: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу голову, дѣлайте, что хотите!“ Возвращаясь въ отечество, Святославъ (въ 972 г.) зимовалъ у Днѣпровскихъ пороговъ; на него напали печенѣги—и герой погибъ. Враги сдѣлали чашу изъ его черепа.

Знамя вождь войскамъ — отрежь,
А пищею — воинамъ въ голодъ.
«Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!»
Гремѣлъ герой на бранномъ полѣ:
«Позоръ за мертвыхъ не падетъ;
«Намъ биться волей, иль неволей...

«Сразимся-жъ, храбрые, смѣлѣй;
«Не посрамимъ отчизны милой—
«И груды вражескихъ костей
«Набросимъ надъ своей могилой!»
И горстъ славянъ на тьмы враговъ
Текла, вождя послышавъ голосъ,—
И у врага хладѣла кровь,
И дыбомъ становился волосъ...

«Съ утра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавый;
Двѣнадцать разъ герой хотѣлъ
Вѣнчать побѣду звучной славой.
Валились грудами тѣла.
И грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
Но рать враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью героя.

«Закинувъ на спину щиты,
Славяне шли, какъ львы съ ловитвы,
Грозя съ нагорной высоты
Кровопролитьемъ новой битвы.
Столь дивной изумленъ борьбой,
Владыка гордой Византіи
Свиданіе и миръ съ тобой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.

«И къ славѣ сѣверныхъ племенъ
И цареградскаго престола
Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Доростола.—
О, князь! давно истлѣлъ твой прахъ,
Но живъ еще твой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окрыляетъ наши войска!

«Онъ тамъ, гдѣ пылъ войны кипитъ,
Орломъ ширяясь передъ строемъ,
Чудесной силою творитъ
Вождя и ратника героемъ!
Но что?... Ужъ вспыхнула заря!...
Взгремѣла пушка вѣстовая —
И войски бѣлаго царя
Покрыли берега Дуная.

«Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовутъ на пиръ кровавой...
Туда, мой конь, гдѣ саблей стукъ,
Гдѣ можно пасть, вѣнчавшись славой!...»
Гусаръ умчался... Громъ взревѣлъ...
Свистя, сшибалися картечи,
И смѣло строй на строй летѣлъ,
Ища съ врагами ярой сѣчи...

Вдругъ крови хлынула рѣка...
Отважный Вейсманъ палъ, но съ честью;
И рой наѣздниковъ полка
На мусульманъ ударилъ местью.
Враги смѣшались, дали тылъ,
И поле трупами покрыли—
И русскій знамя водрузилъ,
Гдѣ грековъ праотцы громили. [1])

Святополкъ. *).

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрёмъ встрѣчался—
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался...

Ему былъ страшенъ взоръ людей:—
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось: «ты злодѣй!»
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.

---

[1]) Первон. напеч. въ Соревнов. Просвѣщ. 1822 г. ч. XIX № 7.
Подпис.: К. Р—въ. (Г. Б.).

*) Святополкъ, сынъ Ярополка Святославича, усыновленный Владиміромъ Великимъ. Сей властолюбивый князь захватилъ великокняжескій престолъ и умертвилъ своихъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава (въ 1015 году). Ярославъ Владимировичъ, князь новгородскій, послѣ продолжительныхъ междоусобій, разбилъ его на берегахъ рѣки Альты. Святополкъ бѣжалъ изъ предѣловъ россійскихъ, скитался въ пустыняхъ Богеміи. разслабъ душею и тѣломъ, и кончилъ жизнь въ припадкахъ ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, безпрерывно его преслѣдующіе. Проклятіе современниковъ увѣковѣчило память о Святополкѣ. Лѣтописи называютъ его Окаяннымъ.

«Злодѣй!» казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ—
И кончилъ дни свои, страдая...
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца-братъ святого Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ себя трикраты.
Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ «Окаяннаго» прозванье.

И въ страшной повѣсти о немъ,
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:
«Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ имъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью». [1])

Рогнѣда.*

(Посвящается А. А. Воейковой).

Потухъ послѣдній солнца лучъ;
Луна обычный путь свершала;
То пряталась, то изъ-за тучъ,
Какъ стройный лебедь выплывала;

---

[1]) Перв. напеч.—Сынъ Отечества 1821 г. ч. 74 № 47. Подпис. К. Рылѣевъ. Противъ перепечатки въ изд. 1825 г. варіанты заключаются, въ 4 послѣднихъ стихахъ:

Вотъ въ мірѣ до чего людей
Доводятъ гибельныя страсти!
Навѣрно, будетъ тотъ злодѣй,
Кто не содержитъ ихъ во власти!

*) Около 970 года Рогволодъ, оставивъ отечество, поселился въ Полоцкѣ, главномъ городѣ тогдашней области Кривской. Онъ имѣлъ прекрасную дочь,

И ярче заблиставъ порой
Надъ берегомъ Лыбѣди скромной,
Свѣтъ блѣдный проливала свой
На терэмъ пышный и огромной.

Все было тихо.,. лишь потокъ,
Журча, роптадъ между кустами,
И перелетный вѣтерокъ
Въ дубравѣ шелестѣлъ вѣтвями.
Какъ мѣсяцъ утренній блѣдна,
Рогнѣда въ горести глубокой
Сидѣла съ сыномъ у окна,
Въ свѣтлицѣ ясной и высокой.

Отъ вздоховъ подъ фатой у ней
Младыя перси трепетали,
И изъ потупленныхъ очей,
Какъ жемчугъ, слезы упадали.
Глядѣлъ невинный Изяславъ
На мать умильными очами,
И къ персямъ матери припавъ,
Онъ обвивалъ ее руками.

— Родимая! твердилъ онъ ей,
Ты все печальна, ты все вянешь;
Когда же будешь веселѣй,
Когда грустить ты перестанешь?
О, полно плакать и вздыхать!
Твои мнѣ слезы видѣть больно:
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдругъ и я невольно.

— Ты-бъ лучше разсказала мнѣ
Дѣянья дѣда Рогволода:
Какъ онъ сражался на войнѣ,
И о любви къ нему народа.—

по имени Рогнѣду или Гориславу: ее сговорили за великаго князя Ярополка Святославича. Братъ его, Владиміръ Великій, взявь Полоцкъ (въ 980 г)., умертвилъ Рогволода. двухъ сыновей его, и насильно понялъ Рогнѣду. Отъ ней родился сынъ, Изяславъ. Въ послѣдствіи Владиміръ разлюбилъ жену, выслалъ ее изъ дворца и заточилъ на берегу Лыбеди, въ окрестностяхъ Кіева. Однажды, гуляя въ спхъ мѣстахъ, князь заснулъ крѣпко; мстительная Рогнѣда, приблизившись, хотѣла нанести ему смертельный ударъ; но Владиміръ проснулся. Въ ярости онъ захотѣлъ казнить несчастную, велѣлъ ей надѣть брачную одежду и, сидя на богатомъ ложѣ, ожидать казни. Входитъ Владиміръ; юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, бросается къ нему и подаетъ мечъ. „Родитель"—говоритъ онъ—ты не одинъ; сынъ твой будетъ свидѣтелемъ твоей ярости". Изумленный Владиміръ простилъ Рогнѣду и вмѣстѣ съ сыномъ отправилъ ее въ новопостроенный городъ, названный имп Изяславлемъ. Сіе происшествіо описано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ.

«О комъ, мой сынъ, напомнилъ ты?
Что отъ меня узнать желаешь?
Какія страшныя мечты
Ты симъ въ Рогнѣдѣ пробуждаешь'...

«Но, такъ, и быть, исполню я,
Мой сынъ, души твоей желанье:
Пусть Рогволодовъ духъ въ тебя
Вдохнетъ мое повѣствованье;
Пускай оно въ груди младой
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье,
Любовь къ странѣ твоей родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье!...

«Родитель мой, твой славный дѣдъ,
Отъ тѣхъ варяговъ происходитъ,
Которыхъ дивный рядъ побѣдъ
Міръ въ изумленіе приводитъ.
Покинувъ въ юности своей
Дремучей Сканіи дубравы,
Вступилъ онъ въ землю кривичей
Искать владычества и славы.

«Народы мирной сей страны
На гордыхъ пришлецовъ возстали,
И смѣло грозныхъ чадъ войны
Въ рукахъ съ оружіемъ встрѣчали...
Но тщетно! роковой удѣлъ
Обрекъ въ подданство ихъ герою—
И скоро дѣдъ твой завладѣлъ
Обширной Сѣвера страною.

«Воздвигся Полоцкъ. Рогволодъ
Привѣтливо и кротко правилъ,
И привязавъ къ себѣ народъ,
Власть князя полюбить заставилъ...
При Рогволодѣ кривичи
Томились жаждой дѣлъ великихъ;
Сверкали въ дебряхъ ихъ мечи,
Литовцевъ поражая дикихъ.

«Иноплеменные цари
Союза съ Полоцкомъ искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вмѣняли»...
Но шумъ раздался у крыльца...
Рогнѣда повѣсть прерываетъ—
И видитъ: пыль и потъ съ лица
Гонецъ усталый отираетъ.

— Княгиня! онъ вѣщалъ, войдя:
Гоня звѣрей въ дубравѣ смежной,
Владиміръ посѣтить тебя
Прибудетъ въ теремъ сей прибрежной.—
«Итакъ, онъ вспомнилъ объ женѣ...
Но не желаніе свиданья...
О, нѣтъ! влечетъ его ко мнѣ—
Одна лишь близость разстоянья»

Вѣщала—и сверкнулъ въ очкахъ
Негодованья пламень дикій.
Межъ тѣмъ ужъ пронеслись въ поляхъ
Совы полуночные крики...
Сгустился мракъ. Луна чучь-чуть
Лучемъ трепещущимъ свѣтила;
Холодный вѣтеръ началъ дуть—
И буря страшная завыла.

Лыбѣдь вскипѣла межъ бреговъ;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Дождь проливной изъ облаковъ,
И градъ, и вихорь зашумѣли;
Скопились тучи... и съ небесъ
Вилася молнія змѣею;
Громъ грохоталъ; отъ молній лѣсъ
То здѣсь, то тамъ пылалъ порою...

Внезапно съ бурей звукъ роговъ
Въ долинѣ глухо раздается:
То вдругъ замолкнетъ средь громовъ,
То снова съ вѣтромъ пронесется...
Вотъ звуки ближе и громчѣй...
Замолкли... снова загремѣли...
Вотъ топотъ скачущихъ коней—
И всадники на дворъ влетѣли.

То былъ Владиміръ. На крыльцѣ
Его. Рогнѣда ожидала;
На сумрачномъ ея лицѣ
Невѣдомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписавъ,
Герой супругу лобызаетъ,
И сына милаго обнявъ,
Его привѣтливо ласкаетъ.

Отводятъ отроки коней...
Съ Рагнѣдой князь идетъ въ палаты,
И вотъ, въ кругу богатырей,
Садится онъ за пиръ богатый.

Подъ тучнымъ вепромъ столъ трещитъ
Покрытый скатертію бранной;
Отъ яствъ прозрачный паръ летитъ
И вьется по избѣ брусянной.

Звѣздясь, янтарный медъ шипитъ,
И ходитъ чаша круговая.
Всѣ веселятся... но грустить
Одна Рогнѣда молодая.
«Воспой дѣянья предковъ намъ'»
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
И вѣщія зарокотали.

Онъ славилъ Рюрика судьбу,
Пѣлъ Святославовы походы,
Его съ Цимисхіемъ борьбу
И покоренные народы;
Пѣлъ удивленіе враговъ,
Его нетрепетность средь боя,
И къ славѣ пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламеннымъ словамъ
Герои съ жадностью внимали,
И праотцевъ чудясь дѣламъ,
Въ восторгѣ пылкомъ трепетали...
Пѣвецъ умолкнулъ... но опять
Онъ пробудилъ живыя струны—
И началъ князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждыя громя,
Давно ль наполнилъ славой бранной
Ты дальной Нейстріи поля
И Альбіона край туманный?
Давно ли отъ твоихъ мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрыхъ кривичей
Преобратилися въ пустыни?

«Самъ Рогволо́дъ...» Вдругъ тяжкій стонъ
И вопль отчаянья Рогнѣды
Перерываютъ гуслей звонъ
И радость шумную бесѣды...
«О, успокойся, другъ младой!»
Вѣщалъ ей князь: «не слезъ достоинъ,
Но славы, кто въ странѣ родной
И жилъ, и кончилъ дни, какъ воинъ.

«Воскреснетъ храбрый Рогволóдъ
Въ дѣлахъ и въ чадахъ Изяслава,
И пролетитъ изъ рода въ родъ
Объ немъ, какъ громъ гремящій, слава».
Рогнѣды видъ покойнѣй сталъ;
Въ очахъ остановились слезы:
Но въ нихъ какой-то огнь сверкалъ,
И на щекахъ пылали розы...

При стукахъ чашъ Боянъ поетъ,
Вновь тѣшитъ князя и дружину...
Но конченъ пиръ—и князь идетъ
Въ великолѣпную одрину.
Снявъ мечъ, висѣвшій на бедрѣ,
И вороненыя кольчуги,
Онъ засыпаетъ на одрѣ,
Въ объятьяхъ молодой супруги.

Сквозь оконъ скважины порой
Проникнувъ, молнія пылаетъ
И брачный одръ во тьмѣ ночной
Съ четой лежащей освѣщаетъ.
Бушуя, ставнями стучитъ
И свищетъ въ щели вѣтръ порывный,
По кровлѣ градъ и дождь шумитъ,
И громъ гремитъ безпрерывный.

Князь спитъ покойно... Тихо вставъ,
Рагнѣда свѣточъ зажигаетъ,
И въ страхѣ, вся затрепетавъ,
Мечъ тяжкій со стѣны снимаетъ...
Идетъ... стоитъ... ступила вновь...
Едва дыханье переводитъ...
Въ ней то кипитъ, то стынетъ кровь...
Но вотъ... къ одру она подходитъ...

Ужъ поднятъ мечъ!.. вдругъ грянулъ громъ,
Потрясся теремъ озаренный—
И князь, объятый крѣпкимъ сномъ,
Воспрянулъ трескомъ пробужденный—
И предъ собой Рогнѣду зритъ...
Ея глаза огнемъ пылаютъ...
Поднятый мечъ и грозный видъ.
Преступницу изобличаютъ...

Мечъ выхвативъ, ей князь вскричалъ:
— На что дерзнула въ иступленьи?..
«На то, что мнѣ повелѣвалъ
Ужасный Чернобогъ—на мщенье!»

— Но долгъ супруги? но любовь? .
«Любовь! къ кому?.. къ тебѣ, губитель?..
Забылъ, во мнѣ чья льется кровь,
Забылъ ты, кѣмъ убитъ родитель!..

«Ты, ты, тиранъ, его сразилъ!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишилъ
И братнею облился кровью!
Испепеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ всюду,
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобратилъ въ развалинъ въ груду.

«Но, недовольный—местью злой
Къ безсильной плѣнницѣ пылая,
Ты бракъ свей совершилъ со мной
При заревѣ роднаго края!
Повлекъ меня въ престольный градъ;
Тебѣ я сына даровала...
И что-жъ?.. Еще презрѣнья хладъ
Въ очахъ тирана прочитала!..

«Вотъ страшный рядъ ужасныхъ дѣлъ,
Владиміра покрывшихъ славой!
Не черезъ нихъ ли пріобрѣлъ
Ты на любовь Рогнѣды право?..
Страдала, мучилась, стеня;
Вся жизнь моя текла въ кручинѣ;
Но, боги, не роптала я
На васъ въ злосчастіяхъ донынѣ!

«Впервые днесь ропщу... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы,
И совершить достойной тризны
Съ какою бъ жадностію я
На брызжущую кровь глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла!..»

Супругъ, слова прервавъ ея,
Въ одрину стражу призываетъ.
—Ждетъ смерть, преступница, тебя!—
Пылая гнѣвомъ восклицаетъ.
— Съ зарей готова къ казни будь:
Сей брачный одръ пусть будетъ плаха!
На немъ пронжу твою я грудь,
Безъ сожалѣнія и страха!

Сказалъ—и вышелъ. Вдругъ о томъ
Мгновенно слухъ распространился
И теремъ, весь объятый сномъ,
Отъ вопля женщинъ пробудился...
Бѣгутъ къ княгинѣ, слезы льютъ;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя въ младыя перси бьютъ
И бѣлыя ломаютъ руки...

Въ тревогѣ все... лишь Изяславъ
Въ объятьяхъ сна, съ улыбкой нѣжной,
Лежитъ, покровы разметавъ,
Покой вкушая безмятежной.
Объ участи Рогнѣды онъ
Въ мечтахъ невинности не знаетъ;
Ни бури ревъ, ни плачъ, ни стонъ
Отъ сна его не пробуждаетъ.

Но пересталъ гремѣть ужъ громъ,
Замолкли вѣтры въ чащѣ лѣса,
И на востокѣ голубомъ
Рѣдѣла мрачная завѣса.
Вся въ перлахъ, златѣ и сребрѣ,
Ждала Рогнѣда безъ боязни,
На изукрашенномъ одрѣ,
Назначенной супругомъ казни.

И вотъ денница занялась;
Сверкнулъ сквозь окна лучъ багровый—
И входитъ съ витязями князь
Въ одрину, гнѣвный и суровый.
«Подайте мечъ!» воскликнулъ онъ—
И раздалось вездѣ рыданье...
«Пусть каждаго страшитъ законъ!
Злодѣйство приметъ воздаянье!»

И быстро въ храмину вбѣжавъ:
«Вотъ мечъ! Коль не отецъ ты нынѣ,
Убей!» вѣщаетъ Изяславъ:
«Убей, жестокій, мать при сынѣ!»
Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ,
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мещетъ...

Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютый хладъ, и пламень льется,

Въ душѣ кипитъ борьба страстей·
И милосердіе, и мщенье...
Но вдругъ, съ слезами изъ очей--
Изъ сердца вырвалось: прощенье! [1])

Боянъ *).

На брегъ Днѣпра, разбивъ болгаръ,
Владиміръ-солнце возвратился,
И въ свѣтлой гридницѣ, въ кругу князей, бояръ,
На шумномъ пиршествѣ съ друзьями веселился...

Медъ, въ старикахъ воспламенивши кровь,
Протекшую напомнилъ младость,
Побѣды славныя, волшебницу-любовь
И лѣтъ утраченныхъ былую радость.

Безпечнѣе веселый кругъ шумѣлъ,
Звучнѣе гусли раздавались.
Одинъ задумчиво Боянъ сидѣлъ:
Въ немъ думы думами смѣнялись...

«Какое зрѣлище мой видитъ взоръ!—
Мечталъ пѣвецъ унылый:
«Бояръ, князей и витязей соборъ,
И государь народу милый!

[1]) Перв. напеч.—Полярная Звѣзда 1823 г. Озаглав.—Повѣсть. Подпис. Рылѣевъ. (Г. Б.)

*) Сочинитель извѣстнаго Слова о полку Игоревѣ называетъ Бояна: „соловьемъ стараго времени.“ Неизвѣстно, когда жилъ сей славянскій бардъ. Н. М. Карамзинъ, въ „Пантеонѣ Росс. Авторовъ“, говоритъ о немъ такъ: „можетъ быть, жилъ Боянъ во времена героя Олега; можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего аргонавта къ Царю-граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ печенѣговъ, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ея невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ“. Не менѣе правдоподобно что Боянъ былъ пѣвцомъ подвиговъ Великаго Владиміра и знаменитыхъ его сподвижниковъ: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательномъ дворѣ сѣвернаго Карломана находились и пѣснопѣвцы: ихъ привлекали великолѣпныя пиршества, богатырскія потѣхи и привѣтливость добраго князя, а славныя побѣды надъ греками, ляхами, печенѣгами, ятвягами и болгарами—могли воспламенить духъ піитизма въ сихъ дикихъ сынахъ сѣвера. И грубые норманны услаждали слухъ свой пѣснями скальдовъ.

«Дивятся ихъ безчислію побѣдъ
Иноплеменныя державы,
И служитъ, трепеща, завистливый сосѣдъ
Для нихъ невольнымъ отголоскомъ славы.

«Ихъ именами всѣ мѣста
Исполнены на Сѣверѣ угрюмомъ,
И каждый день изъ устъ въ уста
Перелетаютъ съ шумомъ...

«И я, дивяся ихъ дѣламъ,
Пѣлъ витязей — и сонмы умолкали,
И персты вѣщіе, по золотымъ струнамъ
Летая, славу рокотали!

«Но, можетъ быть, временъ губительныхъ полетъ
Всесокрушающею силой
Дѣянья славныя погубитъ въ безднѣ лѣтъ,
И будетъ Русь пространною могилой!...

«И пѣсни звучныя Бояна-соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться;
Забудутъ витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалой не будетъ оживляться.

«Ахъ, такъ!—предчувствую: Бояна вѣщій гласъ
Вѣковъ въ пучинѣ необъятной,
Какъ эхо дальное въ безмолвной ночи часъ
Межъ горъ, умолкнетъ невозвратно...

«По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнитъ
Пѣвца потомокъ юный:
Въ мракъ неизвѣстности всѣ пѣсни рокъ умчитъ,
И звучныя порвутся струны!

«Но отлети скорѣй
Моей души угрюмое мечтанье:
Не погашай послѣдней искры въ ней
Надежды—жить хоть именемъ въ преданьѣ!» [1])

---

[1]) Пер. напеч.—Соревн. Просвѣщенія 1822 г. ч. XVII № 3. Подписано К. Рылѣевъ. Примѣчаніе сдѣлано самимъ Рылѣевымъ, а не Строевымъ. Перепеч. въ изд. 1825 г. безъ перемѣнъ въ текстѣ Думы, но текстѣ примѣчанія нѣсколько измѣненъ, напр. „Но мнѣ показалось вѣроятнѣе представить Бояна пѣвцомъ подвиговъ" и пр., или: .... „стараго времени Время Владимірово (980—1015) въ отношеніи ко времени сочинителя Слова о полку Игоревѣ (1185) можетъ почитаться старымъ". Рукопись находится въ Чертковской библіотекѣ. Первая строфа первоначально была написана такъ:

Въ высокой гридницѣ, въ кругу бояръ, князей
Владиміръ—солнце веселился;
Со звономъ гуслей звукъ рѣчей
Мѣшаясь, въ шумъ невнятный слился...

Ефремовъ. собр. соч. Р—ева. (Р. Б.)

Владимiръ Святой.

Ни громъ побѣдъ, ни звуки славы,
Ничто Владимира утѣшить не могло;
Не развлекали и забавы
Его угрюмое и мрачное [1]) чело...

Братоубійствомъ омраченный—
На свѣтлыхъ [2]) пиршествахъ сидѣлъ онъ одинокъ
И, тайной мыслію смущенный, [3])
Казался [illegible], какъ [illegible].

Напрасно пѣсни Бояна
И [illegible];
Душа не [illegible]
И все [illegible] [4])

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

«Почто-жъ не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньемъ души?
Увы, ужасныя мученья
Меня преслѣдують и въ шумѣ, и въ тиши [7])

«Молю у твоего кумира:
Предѣлъ страданіямъ душевнымъ положи—
Пересели меня изъ міра
Иль попрежнему съ веселіемъ сдружи!»

Вдругъ видитъ старца предъ собою...
Почтенный, важный видъ, спокойствіе въ чертахъ,
Брада до чреслъ сѣдой волною,
Кудрями волосы сѣдые на плечахъ.

На посохъ странничій склоненный,
Въ десной распятіе златое онъ держалъ,
И въ князя взоръ его вперенный [8])
На душу грѣшника смятенье проливалъ...

«Кто ты?» Владиміръ съ изумленьемъ
И гласомъ трепетнымъ пришельца вопросилъ,
«Посолъ Творца!» Онъ рекъ съ смиреньемъ:
«Ты Бога вышняго дѣлами прогнѣвилъ...[9])

«И въ Чернобогѣ, ни въ Перунѣ,
Ни въ славѣ, ни въ пирахъ Владиміровъ покой;
Его ты, грѣшникъ, жаждешь втунѣ;
Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!...

«Но что, о князь, сіи терзанья?
Тебя, отверженецъ, ужаснѣйшія ждутъ!
Наступитъ [10]) часъ—цѣнить дѣянья!
Воскреснутъ мертвые! настанетъ страшный судъ!

«И судъ сей будетъ непреложенъ;
Твое могущество тебя не защититъ:
Тамъ рабъ и царь равно ничтоженъ;
Всевышній судія на лица не глядитъ.

---

[7]) Зачеркнуто. „Какъ знать души изнеможенной,
... , какъ преступленія знакъ,
Вездѣ тоскою омраченной
Чернѣетъ на моемъ челѣ зловѣщій мракъ.

[8]) „Въ очахъ горѣлъ огонь священный и въ душу грѣшника".

[9]) ...притекъ съ смиреньемъ!...
Какъ шепчущій ручей святой проговорилъ!"

[10]) *Настанетъ.*

«Предъ нимъ угаснетъ блескъ короны!
И князю—грѣшнику одинъ и тотъ-же адъ,
Гдѣ вѣчный скрежетъ, плачъ и стоны
Съ рабами низкими властителя сравнятъ.»

Такъ говорилъ пришлецъ священный
И пылкій, яркій огнь въ очахъ его блисталъ, [1])
И князь трепещущій, смятенный,
Лія потоки слезъ, словамъ его внималъ...

«О, чѣмъ же я избѣгну ада?...
Наставь, наставь меня!...» Владиміръ старцу рекъ:
«Изъ твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притекъ!...»

— «Крести себя, крести народы!»
Въ отвѣтъ вѣщалъ святой: «и ты себя спасешь!
И славу дѣлъ изъ рода въ роды,
Съ благословеніемъ потомства перельешь!

«Тогда не адъ, блаженство рая
И вѣчность дивная тебя, Владиміръ, ждутъ,
Гдѣ сонмы ангеловъ, порхая
Предъ трономъ Вышняго, твой подвигъ воспоютъ!»

— «Крести жъ, крести меня, о дивный!»
Въ восторгѣ пламенномъ воскликнулъ мудрый князь..
Наутро звукъ трубы призывный—
И рать Владиміра къ Херсону понеслась...

На новый подвигъ съ новымъ жаромъ
Летятъ пружинами съ вождемъ богатыри;
Зардѣлись небеса пожаромъ;
Трепещетъ Греція и гордые цари!...

Такъ въ князѣ огнь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества, горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ.

---

[1]) И тихій, кроткій огонь въ очахъ его сіялъ".

[2]) Русская Старина 1871, № 1 (75—77) съ варіантами, по рукописи, принадл. Булгарину. Послѣ 3-й строфы была еще одна, потомъ зачеркнутая.
При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи,
И въ пышномъ теремѣ, и въ хижинѣ простой
Его сверкающіе очи
Тѣнь Ярополкову все зрѣли предъ собой.

Мстиславъ Удалый *).

Какъ тучи съ горъ текли косоги;
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужъ храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редѐдя,
Племенъ косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валился въ бурю черный валъ,
И сталъ какъ сосна, на курганѣ,
И громогласно провѣщалъ:

«Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!»

«Готовъ!» князь русскій восклицаетъ—
И грозный сталъ передъ бойцомъ;
Съ коня—и на курганъ взлетаетъ
Удалый яснымъ соколомъ;
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могучъ и князь, и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... колеблется курганъ...

---

*) Мстиславъ, сынъ Владиміра Великаго, былъ удѣльный князь Тмутараканскій. Столица сего княжества—Тмутаракань (древняя Таматарха) находилась на островѣ Тамани, который образуютъ рукава рѣки Кубани, при впаденіи ея въ Азовское море. Въ сосѣдствѣ жили косоги, племя горскихъ черкесовъ. Въ 1022 г. Мстиславъ объявилъ имъ войну. Князь косожскій, Редедя, крѣпкотѣлый великанъ, по обычаю богатырскихъ временъ, предложилъ ему рѣшить распрю единоборствомъ. Мстиславъ согласился. Произошелъ бой: тмутараканскій князь повергъ врага и умертвилъ его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Онъ умеръ около 1036 г. Лѣтописи называютъ его Удалымъ.

Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ...
Ворвалися—и напали...
Какъ гроза въ глухой ночи
Надъ упавшимъ засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь изъ язвъ лилась струею...
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій Романецъ.
Князь скончался жертвой мщенья!
Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
Церковь празднуетъ святымъ.[1])

Димитрій Донской*).

«Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!
«Летимъ—и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.

[1]) Перв. напеч. въ Нов. Литерат. 1822 г. ч. 2 № 19. съ посвященіемъ Булгарину. Послѣ не разъ перепечатано. Подписано Рылѣевъ. (Г. Б.)

*) Подвиги великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго извѣстны всякому русскому. Онъ былъ сынъ великаго князя московскаго Іоанна Іоанновича; родился въ 1350 году; великокняжескій престолъ занялъ 1362 года. Владычествовавшая надъ Россіею Золотая или Сарайская Орда въ его время раздиралась междоусобіями. Одинъ изъ князей татарскихъ, Мамай, властвовалъ тамъ, подъ именемъ Мамантъ-Салтана, слабаго и ничтожного хана. Недовольный великимъ княземъ, Мамай отправилъ (въ 1378 г.) мурзу Бегича со множествомъ татарскаго войска. Ополченіе Димитрія встрѣтило ихъ на рѣкѣ Вожѣ, сразилось мужественно и одержало побѣду. Раздраженный Мамай, совокупивъ еще большія толпы иноплеменниковъ, двинулся съ ними къ предѣламъ Россіи. Димитрій вооружился; противники сошлись на Куликовомъ полѣ (при рѣчкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ). Бой былъ жестокій и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространствѣ двадцати верстъ кровь русскихъ мѣшалась съ татарскою. Наконецъ Мамай предался бѣгству и Димитрій восторжествовалъ. Сія знаменитая побѣда доставила ему великую славу и уваженіе современниковъ. Потомство наименовало его Донскимъ. Димитрій умеръ въ 1389 году.

Туда—за Донъ!... Настало время!
Надежда наша—Богъ и мечъ!
Сразимъ монголовъ и какъ бремя
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ»!

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
«Къ врагамъ! за Донъ! вскричали войски:
«За вольность, правду и законъ!»
И, повторяя кликъ геройскій,
За княземъ кинулися въ Донъ.

Несутся полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ какъ соколы—и стяги
Противный осѣнили брегъ.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега рѣки,
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несмѣтные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
Повсюду бердыши блестятъ.
Идутъ какъ мрачныя дубравы—
И вторятъ степи гулъ глухой.
Идутъ... тамъ ханъ, здѣсь чада славы—
И закипѣлъ кровавый бой.

«Богъ намъ прибѣжище и сила!»
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ:
«Умремъ, когда судьба судила!»
И первый грянулъ на враговъ.
Кровь хлынула—и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли—
И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагровѣлъ долъ.
Тамъ русскій пораженъ врагами
Здѣсь палъ растоптанный монголъ
Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки,
Тамъ сокрушился мечь о мечъ;
Летятъ отсѣченныя руки,
И головы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
Лежитъ, низвергнувъ великана,
Отважный инокъ Пересвѣтъ;
Тамъ Бѣлозерскій князь и чада,
Достойныя его любви,
И окрестъ ихъ татаръ громада,
Въ своей потопшая крови.

Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ:
Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ;
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Волынскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались.—Отъ кургана
Промчалось: «Силенъ русскій Богъ!»
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!..
Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ.

Но кто тамъ блѣденъ, близъ дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?.. «Первоначальникъ славы»*)
Димитрій раненъ... страшный видъ!..

---

*) ...раженіе лѣтописца

Уже-ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
Гласятъ: «Ты побѣдилъ! возстань!»
И князь, воздѣвши къ небу длани:
«Веикъ насъ ополчившій въ брань!
«Великъ!» речетъ: «къ Нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ!
Ему вся слава грозной битвы!
Онъ, онъ одинъ прославилъ насъ!» [1])

Глинскій *).

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая, бродилъ,—
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, віясь въ безпорядкѣ;
Страданье на Глинскомъ бразды провело...

---

[1]) Перв. напеч. „Сынъ Отечества“, 1822 г. ч. 80, № 40. Подписано.—К. Рылѣевъ. (Г. Б.)

*) Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, нѣкогда знатный и богатый литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ татарскаго князя, выѣхавшаго изъ Орды во времена в. к. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.) Сигизмундъ сдѣлался королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главный врагъ его былъ панъ Забржезенскій. Князь Глинскій, обще съ двумя братьями, передался великому князю московскому, Василію Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ уваженіемъ и сдѣланъ воеводою. Глинскій сражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя услуги при взятіи Смоленска (1514 г.). Великій князь обѣщалъ его сдѣлать владѣтелемъ сего княжества, но не сдержалъ слова; Глинскій вошелъ въ переписку съ Сигизмундомъ и намѣренъ былъ ему передаться; его схватили, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Великій князь женился на его племянницѣ, княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василія. Черезъ годъ царица выпросила своему дядѣ прощеніе (1527 г.) и князь Глинскій пришелъ еще въ большую силу. По кончинѣ великаго князя, Елена сдѣлалась правительницею государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ членовъ Думы. Нескромная слабость племянницы къ любимцу ея, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила въ немъ справедливое негодованіе: онъ сталъ дѣлать ей увѣщанія и подпалъ гнѣву; снова заключили его въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 г.).

Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И тяжко, стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва—отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла,
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой:
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная лить слезы?»
Рекла она нѣжно: «печали забудь!
Быть можетъ, расторгнешь сіи ты желѣзы:
Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
Ты счастливо кончишь въ тиши».

«На лонѣ отчизны!» воскликнулъ измѣнникъ:
«Не мнѣ утѣшаться надеждою сей;
Страшась угрызеній, стенающій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнить трепещетъ о ней.
Могу ль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

«Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, иль грознымъ въ войнѣ;
Богатство, познанья, порода, отвага—
Все съ щедростью было ниспослано мнѣ.
Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ...
Вдругъ поднялись тучей на Польшу сосѣды—
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

«Монгольскія орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу боевомъ—
И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;
И въ пепелъ деревни и пышные грады;
И буйный татаринъ въ крови утопалъ;
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады:
Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

«Встревожен невзгодой, я къ хищнымъ навстрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
Достигъ—и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой
Покрылись тѣлами поля и равнины;
Литвинъ и татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины—
И гордый монголъ побѣжалъ.

«Боролся съ кончиной властитель державной;
Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ—
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествуетъ родная страна,»
Онъ рекъ предстоящимъ: «тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!»

Симъ подвигомъ славнымъ чрезъ мѣру надменный,
Не могъ укротить я волненья страстей—
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
Погибъ онъ—и други мнѣ стали врагами,
И преданъ душою лишь мести одной,
Дерзнулъ я внестися съ чужими полками
Въ отчизну свирѣпой войной.

«О мука! о совѣсть—тиранъ неотступной!...
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайный гласъ сердца—изъ длани преступной
Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душой москвитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ согражданъ!...

«Бой конченъ;—и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Растерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

«Но геній враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ;

Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу, и старость мою;
И дядю царицы, опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

«Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
Тоскую, угрюмый въ тоскѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ;
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ,
Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ.

«О дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли!
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

«Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны—
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

«Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано иль поздно—измѣнѣ взгрѣмятъ
Ужасныя сердцу сограждапъ проклятья
И совѣсть отъ сна пробудятъ!»

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою...
Вдругъ стонъ по темницѣ—и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою,
И холодъ кончины его оковалъ...

Такъ Глинскій—мужъ Думы и пламенный воинъ—
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда бы не бури страстей. [1])

Курбскій *).

На камнѣ мшистомъ, въ часъ ночной,
Изъ милой родины изгнанникъ,
Сидѣлъ князь Курбскій, вождь младой,
Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ;
Позоръ и слава русскихъ странъ,
Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
Надежда скорбныхъ россіянъ,
Гроза ливонцевъ, бичъ Казани...

Сидѣлъ—и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ, шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.
«Далеко отъ страны родной,
Далеко отъ подруги милой,»
Сказалъ онъ, покачавъ главой:
«Я долженъ вѣкъ вести унылой.

«Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь въ тиши безславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своенравной.

---

[1]) Перв. напеч. Соревнователь Просв. 1822, ч. XIX, № 9 т. Подписано Рылѣевъ. Оттиснута отдѣльною брошюрою (Спб. 1822, in 8°, 8 стр.). При этомъ находилось примѣчаніе автора, не вошедшее въ изд. 1825 г. именно: „Болѣе неудачное подражаніе, нежели переводъ прекрасной Думы Юліана Нѣмцевича. Глинскій, по вліянію своему на дѣла Россіи и Польши, равно принадлежитъ исторіи обоихъ государствъ. Измѣна его отечеству и гибельный конецъ весьма поучительны. Это побудило меня сію пьесу Нѣмцевича присовокупить къ собранію Думъ, которое дѣлаю я, избирая предметы изъ отечественной исторіи. Р.“ Изъ варіантовъ этого изданія, противъ сдѣланнаго въ 1825 г., мы укажемъ только важнѣйшіе; именно строфа 13 оканчивалась такъ:

Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый,
Забывши и славу и старость мою,
На дядю царицы надѣлъ онъ оковы
И свелъ его въ бездну сію.

Этотъ варіантъ былъ сохраненъ и при перепечаткѣ въ Новостяхъ Литер. 1822, ч. 2, № 14, но конецъ стихотворенія измѣненъ такъ:

Такъ Глинскій, мужъ Думы и пламенный воинъ,
Погибъ на чужбинѣ, въ тюремной глуши!
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда-бъ не надменность души!

*) Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи крымцевъ отъ Тулы (1552 г.) и въ войнѣ ливонской (1560 г.) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время

«За то, что изменить не могъ,
Что въ битвахъ край родной прославилъ,
Меня неистовый тиранъ
Бѣжать отечества заставилъ,
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мнѣ священно,
И въ чуждую уйти страну
Съ душою, грустью отягченной.

«Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ;
Но, ахъ, ни почести вельможи
Не веселятъ въ краю чужомъ,
Ни ласки чуждаго владыки!

Я все стенаю и грущу,
И на пирахъ сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь въ думы...

«И въ хижинѣ, и во дворцѣ
Меня гнететъ внутренній трепетъ,
И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ
тревожитъ...
Увы! всего меня лишилъ
Тиранъ отечества драгова!
Сколь жалокъ, рокъ кому судилъ
Искать въ странѣ чужой покрова!»[4]

Смерть Ермака *).

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.
«О, спите, спите», мнилъ герой:
«Друзья, подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущій!

Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь погибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранчивую и замѣчательную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забывъ отечество, предводительствовалъ поляками во время ихъ войны съ Россіею и возбуждалъ противъ нея хана крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспоминалъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ въ Польшѣ вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоустаго на „Дѣянія Св. Апостолъ". Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію.

[4]) Перв. напеч. Сынъ Отечества 1821 г. ч. 71 № 39; дума эта названа „элегіей" и помѣчена „Острогожскъ, іюня 20, 1821 г.". Подпись К. Рылѣевъ. (Г. Б.)

*) Подъ словомъ Сибирь разумѣется нынѣ неизмѣримое пространство отъ хребта Уральскаго до береговъ Восточнаго океана. Нѣкогда Сибирью называлось небольшое татарское владѣніе, коего столица находилась на рѣкѣ Иртышѣ, впадающей въ Обь. Въ половинѣ сіе царство зависѣло отъ Россіи. Въ 1569 году царь

«Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій
сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая,

«Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни,
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны?..
Намъ смерть не можетъ быть
страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы—не праздно въ мірѣ жили!»

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ
брегахъ:
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ, казачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать
презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей дружина...

Кучумъ былъ принятъ подъ руку Іоанна Грознаго и обязался платить дань. Между тѣмъ сибирскіе татары и подвластные имъ остяки и вогуличи вторгались иногда въ Пермскія области. Это заставило россійское правительство обратить вниманіе на обезпеченіе силъ окраинъ укрѣпленными мѣстами и умноженіемъ въ нихъ народонаселенія. Богатые въ то время Строгоновы получили во владѣніе обширныя пустыни на предѣлахъ Перміи: имъ дано было право заселить ихъ и обработать. Сзывая вольницу, сіи дѣятельные помѣщики обратились къ казакамъ, кои, не признавая надъ собою никакой верховной власти, грабили на Волгѣ промышленниковъ и купеческіе караваны. Лѣтомъ 1579 года 540 сихъ удальцевъ пришли на берега Камы; предводителей у нихъ было пятеро; главный назывался Ермакъ Тимоѳеевъ. Строгоновы присоединили къ нимъ 300 человѣкъ разныхъ всельниковъ, снабдили ихъ порохомъ, свинцомъ и другими припасами, и отправили за Уральскія горы (въ 1581 г.). Въ теченіе слѣдующаго года казаки разбили татаръ во многихъ сраженіяхъ, взяли Искеръ, плѣнили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трехъ лѣтъ господствовали въ Сибири. Между тѣмъ число ихъ мало-по-малу уменьшалось: много погибло отъ оплошности. Свергенный Кучумъ бѣжалъ въ Киргизскія степи и замышлялъ способы истребить казаковъ. Въ одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильномъ дождѣ, онъ учинилъ неожиданное нападеніе: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силѣ и внезапности удара. Не имѣя средствъ къ спасенію, кромѣ бѣгства, Ермакъ бросился въ Иртышъ, въ намѣреніи переплыть на другую сторону, и погибъ въ волнахъ. Лѣтописцы представляютъ сего казака-героя крѣпкотѣлымъ, осанистымъ и широкоплечимъ; онъ былъ роста средняго, имѣлъ плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Сибирь была оставлена россіянами; потомъ пришли царскія войска и снова завладѣли ею. Въ теченіе XVII вѣка безпрерывныя завоеванія разныхъ удальцовъ-предводителей отнесли предѣлы Россійскаго государства къ берегамъ Восточнаго океана.

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И, гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ...

Плыветъ... ужъ близко челнока:—
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.

Лишивши силъ богатыря
Бороться съ яростной волною,
Тяжелый панцырь—даръ царя—
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали. *)

Борисъ Годуновъ *).

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ брегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.

---

*) Перв. напеч. Рус. Инвалидъ за 1822 г. № 14 съ примѣчаніемъ редактора А. Ѳ. Воейкова: „Сочиненіе молодого поэта, еще мало извѣстнаго, но который станетъ рядомъ съ старыми и славными". Перепеч. въ Соревн. просв. въ 1822 г. и въ Сѣверныхъ цвѣтахъ 1825 г. съ примѣчаніемъ редактора П. А. Плетнева: „Рылѣевъ избралъ для себя прекрасное поприще. Онъ представляетъ намъ поэтическія явленія изъ отечественной исторіи. Его такъ называемыя Думы содержатъ лирическій разсказъ какого-либо событія. Не восходя до оды, которая больше требуетъ восторга, чувствованій и быстроты въ злоупія, онѣ отличаются благородною простотою теченія и поэзіею самаго происшествія. Чистый и легкій языкъ, нравоучительныя истины, прекрасныя чувствованія, картины природы: вотъ что удовлетворяетъ любопытному вкусу". (Г. Б.)

*) Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ является въ исторіи съ 1570 года: тогда онъ былъ царскимъ оруженосцемъ. Возвышаясь постепенно, Годуновъ сдѣлался бояриномъ и конюшимъ: титла важныя при прежнемъ дворѣ россійскомъ. Сынъ Іоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ, сочетался бракомъ съ его сестрою, Ириною Ѳеодоровною. Тогда Годуновъ пришелъ въ неограниченную силу; онъ имѣлъ столь великое вліяніе за управленіе государствомъ, что иностранныя державы признавали его соправителемъ сего кроткаго, слабодушнаго монарха. По кончинѣ Ѳеодора Іоанновича (1598 г.), духовенство, государственные чины и довѣренные народа избрали Годунова царемъ. Правленіе его продолжалось около семи лѣтъ. Въ сіе время онъ старался загладить непріятное впечатлѣніе, какое оставили въ народѣ честолюбивые и хитрые его виды; между прочимъ удаленіе отъ двора родственниковъ царской фамиліи (Нагихъ и Романовыхъ) и умерщвленіе малолѣтняго царевича, брата Ѳеодора, въ 1591 году, погибшаго въ Угличѣ. Го- [illegible] царедворцамъ, благотворилъ народу и всѣми

Умолкъ по улицамъ и вдоль бреговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ; одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стенящій.

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещетъ.
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому не доставало!..

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой—
И, трепету невольно преданъ, онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой

Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
«О заблужденіе!» онъ возопилъ:
«Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ злодѣйствомъ омраченной!

«Я мнилъ: взойду на тронъ—и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.

мѣрами старался пріобрѣсти общественную любовь и довѣренность. Между тѣмъ явился ложный Димитрій; къ нему пристало множество приверженцевъ—и государству угражала опасность. Въ сіе время (1605 г.) Годуновъ умеръ внезапно; полагаютъ, что онъ отравился. Историки несогласны въ сужденіяхъ о Годуновѣ: они ставятъ его на ряду государей великихъ, хвалятъ добрыя дѣла и забываютъ о честолюбивыхъ его проискахъ; другіе, многочисленнѣйшіе, называютъ его преступнымъ тираномъ.

«Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю—но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ.

«Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ—и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
—Ахъ, удались! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!—

«Взываю я—но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый.
Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую,
И смою черное съ души пятно
И кровь царевича святую!

«Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомлюся отъ страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья,
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю,
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

«О, такъ! хоть станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова.»
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.

Скончался онъ—и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья...
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и—проклятья!..[1])

XVII. Димитрій Самозванецъ*).

Чьи такъ дико блещутъ очи?
Дыбомъ чорный волосъ всталъ?
Онъ страшится мрака ночи;
Зрю—сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!...
Вотъ идетъ... стоитъ... трепещетъ...
Быстро бросился назадъ,
И какъ злой преступникъ мещетъ
Вдоль чертога робкій взглядъ.

Не убійца-ль сокровенной,
За Москву и за народъ,
Надъ стезою потаенной
Самозванца стережетъ?
Вотъ къ окну оборотился;
Вдругъ луны серебристый лучъ
На чело къ нему скатился
Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучъ.

Что я зрю? То хищникъ власти—
Лжедмитрій тамъ стоитъ!
На лицѣ пылаютъ страсти;
Трепеща, онъ говоритъ:
«Тамъ въ чертогахъ кто-то бродитъ—
Шорохъ—заскрипѣла дверь!..
И вотъ призракъ чей-то входитъ...
Это ты—Бориса дщерь!..

«О, молю! Избавь отъ взгляда!
Укоризною горя,

Перв. напеч.—Полярная звѣзда 1823 г. Подписано—Рылѣевъ. [Г. Б.]

*) Читавшимъ отечественную исторію извѣстенъ странный Лжедмитрій—Григорій Отрепьевъ. Повѣтствуютъ, что онъ происходилъ изъ сословія дѣтей боярскихъ; нѣсколько лѣтъ находился въ Чудовѣ монастырѣ іеродьякономъ и былъ келейникомъ у патріарха Іова. За безпорядочное поведеніе Отрепьевъ заслуживалъ наказаніе; онъ желалъ избѣжать сего и предался бѣгству. Долго скитаясь внутри Россіи и переходя изъ монастыря въ монастырь, наконецъ выѣхалъ въ Польшу. Тамъ онъ замыслилъ выдать себя царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго, который умерщвленъ былъ (въ 1591 г.) въ Угличѣ—какъ говорили—по проискамъ властолюбиваго Годунова. Онъ началъ разглашать выдуманныя имъ обстоятельства мнимаго своего спасенія, привлекъ къ себѣ толпу легковѣрныхъ и, съ помощію сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, вторгся въ отечество вооруженною рукою. Странное стеченіе обстоятельствъ благопріятствовало Отрепьеву: Годуновъ умеръ внезапно, и на престолѣ россійскомъ возсѣлъ самозванецъ (1605 г.). Но торжество Отрепьева было не долговременно: явная преданность католицизму и терпимость іезуитовъ сдѣлали его ненавистнымъ въ народѣ, а развратное поведеніе и дурное правленіе ускорили его паденіе. Князь Василій Шуйскій (въ 1606 г.) произвелъ заговоръ; возникло народное возмущеніе—и Лжедмитрія не стало. Явленіе сего самозванца, быстрые его успѣхи и странное стеченіе обстоятельствъ того времени составляютъ важную загадку въ нашей исторіи.

Онъ вселяетъ муки ада
Въ грудь преступнаго царя!
Но — исчезла у порога...
Это кто-жъ мелькнулъ и сталъ,
Притаясь къ углу чертога?..
Это Шуйскій... Я пропалъ!..»

Такъ страдалъ злодѣй коварной
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ:
Проступалъ безперестанно
Потъ холодный на челѣ.
«Не укроюсь я отъ мщенья!»
Онъ невнятно прошепталъ:
«Для тирана нѣтъ спасенья;
Другъ ему—одинъ кинжалъ!

«На престолѣ, иль на ложѣ,
Иль въ толпѣ на площади,
Рано, поздно ли, но все же
Быть ему въ моей груди!
Прекращу свой вѣкъ постылый;
Мнѣ наскучило страдать
Во дворцѣ, какъ средь могилы,
И убійцу нажидать.»

Сталь занесъ—она сверкнула—
И преступный задрожалъ:
Смерть тирана ужаснула;
Выпалъ поднятый кинжалъ.
«Не настало еще время!»
Простоналъ онъ: «но придетъ—
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадетъ!»

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
«Что свершить рѣшился я?
Онъ воскликнулъ, ужаснувшись:
«Нѣтъ! не погублю себя.
Завтра жъ, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой—
И встревоженную душу
Вновь порадуетъ покой!

«Вмѣсто праотцевъ закона
Я введу законъ римлянъ;
Грозной местью гряну съ трона
Въ подозрительныхъ гражданъ.
И твоя падетъ на плахѣ,
Буйный Шуйскій, голова!
И дымясь въ крови и прахѣ,
Затрепещешь ты Москва!»

Смолкъ... преступныя надежды
Удалили страхъ—и онъ
Легъ на пышный одръ—и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близь дворца,
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица...

Побѣжалъ и зритъ у входа:
Изо всѣхъ кремлевскихъ вратъ
Волны шумныя народа
Ко дворцу, стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали
Храбрый Шуйскій впереди—
И сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

«Все погибло! нѣтъ спасенья!
Смерть—прибѣжище одно!»
Рекъ тиранъ...Еще мгновенье—
И бросается въ окно.
Палъ на камни, и при стукахъ
Сабель, копій и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ
мукахъ
Нераскаянный злодѣй. [1])

---

[1]] Первон. напеч. Новости Литер. 1822, ч. 1, № 2, За подписью Рылѣевъ. Въ выноскѣ помѣщено примѣчаніе. не вошедшее въ изданіе 1825 г. „Многіе неблагонамѣрные иностранные писатели усиливались доказать, что Самозванецъ былъ истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича Грознаго; но знаменитый исторіографъ нашъ блистательно опровергнулъ ихъ умышленное сомнѣніе. Г. Карамзинъ ясно доказываетъ (въ X томѣ Ист. Госуд. Росс., который, къ славѣ отечества, вѣроятно выйдетъ въ концѣ нынѣшняго года, изъ лѣтописей, современныхъ дѣловыхъ бумагъ и переписокъ, что Самозванецъ—былъ Самозванецъ и что истинный Димитрій—ъ убіенъ въ Угличѣ“.

Иванъ Сусанинъ *).

«Куда ты ведешь насъ?.. Невидно ни зги!..»
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

«Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ:
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!..
Ведижъ жъ насъ — такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся — не долго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ метелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?»

«Деревня!» Сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ:
«Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!»—«Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

«Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!»
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
«Вина намъ, хозяинъ! мы смокли, иззябли!
Скорѣй!... не заставь насъ приняться за сабли!»

Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окончины вѣтеръ бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

---

*) Въ исходѣ 1612 года юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, послѣдняя отрасль Рюриковой династіи, скрывался въ Костромской области. Въ то время Москву занимали поляки. сіи пришельцы хотѣли утвердить на россійскомъ престолѣ царевича Владислава, сына короля ихъ Сигизмунда III. Одинъ отрядъ проникнулъ въ костромскіе предѣлы и искалъ захватить Михаила. Вблизи отъ его убѣжища враги схватили Ивана Сусанина, жители села Домнина, и требовали, чтобы онъ тайно провелъ ихъ къ жилищу будущаго вѣнценосца Россіи. Какъ вѣрный сынъ отечества, Сусанинъ захотѣлъ лучше погибнуть, нежели предательствомъ спасти жизнь Онъ повелъ поляковъ въ противную сторону и извѣстилъ Михаила объ опасности; бывшіе съ нимъ успѣли увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича (въ 1613), потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участокъ земли при селѣ Домнинѣ; ее подтверждали и послѣдующіе государи.

Давно ужъ за-полночь... Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой
Въ полголоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ...
«Ты-ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За-полночь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!»—

«Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ.

«Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ я вѣрѣ горя
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ».
«Но, что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?

«И съ юной сестрою и съ матерью хилой?»
«Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ—и помчался свистящей стрѣлой.
Луна, между тѣмъ, совершила полкруга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы—злодѣи царя.

«Сусанинъ!» вскричали, «что молишься Богу?
Теперь ужъ не время—пора намъ въ дорогу!»
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ не шолохнясь и дубъ и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за-другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны. и ели, вѣтвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на-сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьи и мертво, и глухо...
«Куда ты завелъ насъ?» Ляхъ старый вскричалъ.
«Туда, куда нужно!» Сусанинъ сказалъ.

«Убейте! замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ,
И душу измѣнной свою не погубитъ».

«Злодѣй!» закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!»—«Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» сарматы герою вскричали—
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила!
Она для Россіи спасла Михаила! [1])

---

[1]Перв. напеч. Полярная Звѣзда 1823 [370—374]; перепеч. въ Новостяхъ Литер. 1823 г. и въ изд. 1825 г. [Г. Б.].

Богданъ Хмѣльницкій *).

Среди мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ, [1]
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ,
Въ цѣпяхъ, и грозный и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кипѣли[2] думы
И выражались [3] на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
«Такъ, такъ!» онъ думалъ: «часъ настанетъ!
Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ
На притѣснителей-враговъ!

«Отмститъ холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей;
Отмститъ убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей;
Позорныя разрушитъ цѣпи,
И рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворитъ въ родныя степи
Съ святой свободой тихій миръ.

«Покроетъ ржа враговъ кольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонутъ нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, пришлецъ иноплеменный,[4]
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій! трепещи, злодѣй!

«За кровь пролитую, за слёзы [5]
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все— и за сіи желѣзы
Тебя мое отмщенье ждетъ!
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы! въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача.

---

*) Зиновій (Богданъ) Хмѣльницкій, сынъ Чигиринскаго сотника, воспитывался въ Кіевѣ и кончилъ ученіе у іезуитовъ въ польскомъ городѣ Ярославцѣ. Въ исторіи онъ становится извѣстенъ съ 1620 г. Въ сраженіи при Цецорѣ турки взяли его въ плѣнъ и держали въ неволѣ два года. По возвращеніи своемъ Хмѣльницкій служилъ въ войскѣ польскомъ; потомъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ селеніи Субботовѣ, въ покоѣ. Чигиринскій подстароста Чаплицкій, захвативъ селеніе, похитилъ у него подругу и высѣкъ плетьми малолѣтняго его сына. Хмѣльницкій поѣхалъ въ Варшаву жаловаться, но не нашелъ управы. Тогда онъ поклялся отомстить всѣмъ полякамъ. Въ 1647 г. въ Малороссіи вспыхнуло возмущеніе. Хмѣльницкій принялъ въ немъ дѣятельное участіе, поощрялъ недовольныхъ и умножалъ толпы ихъ. Дошло до явной войны. Хмѣльницкій выбранъ былъ гетманомъ. Онъ вошелъ въ связи съ крымцами, призвалъ ихъ на помощь и слишкомъ четыре года противостоялъ полякамъ. Примѣчательны сраженія: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ и при Берестечкѣ. Въ 1651 г. прекратились раздоры. Поляки заключили съ малороссіянами и запорожскимъ войскомъ мирный договоръ подъ Бѣлою Церковію, но не смотря на сіе, не упускали случая оскорблять ихъ. Сіи притѣсненія заставили Хмѣльницкаго просить россійскаго государя о принятіи его съ войскомъ въ подданство (1654 года). Онъ умеръ въ Чигиринѣ 15 августа 1657 года. За освобожденіе отчизны его прозвали „Богданомъ“, т. е. Богомъ дарованнымъ избавителемъ.

[1]) Куда лишь въ полдень проникали... [2]) Рождались. [3]) Отражались.
[4]) Этихъ 4-хъ стиховъ нѣтъ въ Рус. Инвал.
[5]) Первыхъ четырехъ стиховъ тамъ тоже нѣтъ.

«И долго, можетъ быть, стеная
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!»
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей, [1]
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена, [2]
И входитъ, потупляя взоры,
Младая робкая жена. [3]
«Кто ты?» Хмѣльницкій изумленный [4]
Представшей незнакомкѣ рекъ:
«Оковы-ль снять?... о, часъ блаженный!
О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

«Или съ жестокою душою, [5]
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ?»
«О нѣтъ!» привѣтно произноситъ: [6]
«Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ».

«Жена Чаплицкаго!» — «Мученье [7]
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила—и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечь;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!»—«Я твой!»—«Прими свой мечъ!»

«Мой мечъ!» Хмѣльницкій восклицаетъ [8]
«Живъ Богъ!—и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засіяетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей!»
Сребрила долъ царица ночи, [9]
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;
Опѣнивъ удила, у рощи [10]
Нетерпѣливый конь стоялъ.

Герой вскочилъ, веселья полный,
Летитъ—и зритъ поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся казаковъ.
«Друзья!» онъ къ храбрымъ восклицаетъ:
«За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь!

«Самъ Богъ поборникъ угнетеннымъ!
Вожди—рѣшительность и я!
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ
На Воды Желтыя, друзья!»—
И вотъ сошлися два народа:
И съ яростью вступили въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сарматъ и храбрый и надменный,
Вотще упорствовать хотѣлъ;
Вотще, разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и мѣткихъ стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,

---

[1]) Усугубился съ думой сей.
[2]) Дверь отворилась, заскрипѣвъ.
[3]) Жена младая оробѣвъ.
[4]) Послѣднихъ 4-хъ стиховъ нѣтъ въ Рус. Инв.
[5]) Первыхъ 4-хъ стиховъ тоже нѣтъ.
[6]) „Бѣги отселѣ“ произноситъ.
[7]) Нѣтъ всей строфы.
[8]) „Вотъ мечь!..“ мой мечь!“ онъ восклицаетъ.
Живъ Богъ!—Страшится врагъ-злодѣй.
[9]) Луна долину серебрила.
[10]) У рощи, опѣнивъ удила.

И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастіемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ.
И чтя посломъ небесъ желаннымъ,
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-героя—«Богомъ даннымъ»
Народа общій гласъ назвалъ. [11])

Артемонъ Матвѣевъ *).

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосленъ въ ссылку отъ двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья[12])
Сносилъ съ величіемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

---

[11]) За то, что край отчизны спасъ.| Вождя-героя—„Богомъ даннымъ". Народа прозвалъ общій гласъ.

Всѣ разночтенія произведены противъ Русскаго Инвалида, гдѣ (въ 1822 г. № 5), первоначальнаго была напечатана [дума], но безъ вѣдома автора, что указано въ Сын. Отеч. за 1822 г. въ припискѣ: „Авторъ сего стихотворенія проситъ насъ увѣдомить читателей С. О., что оно напечатано въ Рус. Инвалидѣ безъ его вѣдома и съ невѣрнаго списка. Послѣ дума не разъ была перепечатана со многими измѣненіями. См. соч. Р—ва изд. Ефремова 322—3 стр. Въ изданіи 1825 года было пропущено, между прочимъ, слѣдующее примѣчаніе, несомнѣнно по независящимъ обстоятельствамъ: „Въ маѣ 1648 года одержана Хмѣльницкимъ при Желтыхъ Водахъ первая побѣда надъ войсками республики Польской, бывшими надъ начальствомъ Степана Потоцкаго". Здѣсь встрѣчается слово „республика", а въ 19-мъ вѣкѣ этого слова не любили.

*) Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 г. Въ правленіе царя Алексѣя Михайловича онъ отличился доблестями на поприщѣ военномъ и политическомъ: сражался съ поляками, шведами и татарами, заключилъ договоръ о сдачѣ Смоленска (1656 года), убѣдилъ запорожцевъ къ подданству Россіи и уничтожилъ невыгодный для нея Андрусовскій миръ [1667]. Начальствуя надъ посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ умѣлъ вселить въ другихъ европейскихъ дворахъ должное уваженіе къ Россіи. Въ его домѣ воспитывалась Наталія Кириловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, отъ которой родился Петръ Великій. Впослѣдствіи государя возвелъ Матвѣева въ ближніе бояре и оказывалъ ему особенную довѣренность и даже дружбу. Съ кончиною царя Алексѣя Михайловича (въ 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвѣева: враги оклеветали его и удалили отъ двора. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ Верхотурье воеводою; на дорогѣ настигъ его гонецъ и отвезъ въ отдаленный Пустозерскій острогъ. Цѣлые семь лѣтъ Матвѣевъ пробылъ въ заточеніи. Наконецъ ему велѣно было ѣхать въ городъ Лухъ [Костромской губерніи]. Въ дорогѣ Матвѣевъ узналъ о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича и получилъ приглашеніе ко двору воцарившихся соправителей. Въ столицѣ ожидало его новое бѣдствіе: на четвертый день пріѣзда [15 мая 1682] взбунтовались стрѣльцы, и Матвѣевъ палъ жертвою преданности къ государямъ. Любя добродѣтель, онъ уважалъ просвѣщеніе и науки: сочинилъ „Россійскую Исторію"; имѣлъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ; живописи, музыкѣ и драматическимъ представленіямъ. При немъ впервые стали извѣстны у насъ театральныя зрѣлища.

[12]] Въ рукописи Булгарина словъ „и стыдъ"—нѣтъ.

«Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожитъ,
Тогда ни ссылка, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

«Для блага сограждáнъ моихъ
Усилія мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный. [1])
Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ!

«Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде пылкій.

«Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовыя.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободной.

«Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.

«На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О, государь [2]) внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость!
Меня ты въ ссылку осудилъ
За то-ль, что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О царь! простилъ какъ человѣка.

«Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ.»

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью. [3])

---

[1]] Въ рукописи Булгарина здѣсь находятся слѣдующіе стихи:
Когда съ родительскихъ могилъ
Народъ мнѣ въ даръ привезъ каменья
И тѣмъ всю нѣжность изъявилъ
Ко мнѣ любви и уваженья!
Всѣ казни и пр.

[2]) О, „Ѳеодоръ!"

[3] Перв. напеч. Рус. Инвалид. за 22 г. № 35. Подписано К. Г—въ.

Петръ Великій въ Острогожскѣ *).

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки **),
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

«Видѣнъ промысла святова
Надъ тобою дивный щитъ!»
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ:
«Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державной,
Непокорнаго врага.

---

*) Петръ Великій, по взятіи Азова (въ августѣ 1696 г.), прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоцѣнными камнями, и на золотой цѣпи щитъ съ такими же украшеніями. Въ то время Мазепа былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетманъ умѣлъ вкрасться въ милость Петра. Монархъ почтилъ его посѣщеніемъ, обласкалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украйну. Это примѣчаніе сдѣлано Рылѣевымъ.

Въ одной изъ рукописей съ текстами Петръ Великій въ Острогожскѣ предшествуетъ слѣдующая замѣтка Рылѣева:

„Острогожскъ, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи, нѣкогда былъ главнымъ городомъ Острогожскаго слободскаго полка. Онъ построенъ въ 1652 году и первоначально населенъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, заднѣпровскими казаками, въ числѣ 1000 человѣкъ, пришедшими съ полковникомъ своимъ Дзенковскимъ. За вѣрныя службы свои противу ногайцевъ и крымцевъ (отъ коихъ въ послѣдствіи почти цѣлый вѣкъ оберегали они границы Россіи), а болѣе еще за оказанныя услуги противъ Виговскаго и Брюховецкаго, получили они отъ царь похвальныя грамоты, право свободнаго винокуренія и нѣкоторыя другія привилегіи. Сіи выгоды и благословенный климатъ привлекалъ на обширныя земли ихъ множество выходцевъ. Упомянутыя грамоты и права въ послѣдствіи были подтверждены почти всѣми Монархами Россіи, въ томъ числѣ Петромъ, Екатериною и благословеннымъ внукомъ ея. Обитатели края благоденствовали. Года за три предъ симъ благосостояніе страны сей стало приходить въ упадокъ Неурожай и невозможность съ прежнею дешевизною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становится маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и въ другіе причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я съ своей стороны, смѣю сказать, что свобода винокуренія, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочисленнѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ называемыхъ черкесовъ, почти единственный иточникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества.

„Не за излишнее считаю сказать, что на земляхъ острогожскихъ не видали крѣпостныхъ крестьянъ до конца прошедшаго столѣтія. Полковыя земли, доставшіяся въ послѣдствіи разнымъ чиновникамъ Острогожскаго полка, были обрабатываемы вольными людьми или казаками. Нѣкоторые частные безпорядки отъ свободнаго перехода сихъ людей, побѣги на Донъ и нѣкоторыя другіе причины были поводомъ къ разнымъ прошеніямъ Екатеринѣ Великой и императору Павлу, въ слѣдствіе которыхъ и состоялся указъ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрѣпленныя къ землѣ малороссіяне по сіе время называютъ себя только подданными, какъ бы въ отличіе отъ крѣпостныхъ, коихъ они зовутъ и дразнятъ крѣпоками. Р. С. 71 г.

**) „Сердюки“—гвардія гетмана.

«Страшный въ брани, мудрый
въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.

«Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ бой кровавый;
Мнѣ музыка—стукъ мечей!»

Кончилъ и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердце затаилъ...
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пу-
стынной—
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ быть, еще невинной,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпой
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну Тихую [1]) влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ [2]).

Яковъ Долгорукій *).

Корабль летѣлъ, какъ на крыльяхъ,
Шумя уныло парусами,
И зарываяся въ волнахъ,
Клубилъ ихъ и вздымалъ буграми.

[1]) Рѣка Тихая Сосна впадаетъ въ Донъ.

[2]] Перв. напеч.— соревнов. просв. за 1823 г. XXI № 3. Безъ имени автора.

*) Взятый въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвой, кн. Я. Ѳ. Долгорукій десять лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1711 г., по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ 44-хъ русскихъ плѣнниковъ, посаженныхъ на одномачтовое небольшое судно, былъ и Я. Ѳ. Долгорукій. Семидесятилѣтній воинъ составилъ заговоръ и овладѣлъ судномъ, обезоруживъ, послѣ схватки, своихъ стражей-шведовъ. Корабль былъ направленъ къ русскимъ берегамъ и плѣнники спаслись.

Сѣдая пѣна за кормой,
Рѣкой клубящейся бѣжала,
И шумъ однообразный свой
Съ ревущей бурею сливала.

На шканцахъ шумною толпой
Стояли съ плѣнниками шведы;
Они летѣли въ крац родной
Съ отрадной вѣстію побѣды.
Главу склонивъ, съ тоской въ очахъ
И на-крестъ опустивши руки,
На верхней палубѣ въ мечтахъ,
Сидѣлъ отважный Долгорукій. [1])

Онъ говорилъ: «Родной земли
Уже не зрѣть страдальцу болѣ;
Умру, какъ изгнанникъ, вдали,
Умру съ безславіемъ, въ неволѣ.
Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Вотще пылаю славой дѣдовъ;
Увы! не притуплю меча
Объ кости я враждебныхъ шведовъ.

«Ужъ для меня, какъ битвы знакъ,
Не загремятъ въ полкахъ литавры,
И не украсятъ мой шишакъ
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа добру,
Творить вельможамъ укоризны,
И правду говорить Петру,
Для благоденствія отчизны...

«Ахъ, лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ,
Чѣмъ жизнь безъ славы и свободы:
Не русскому стенать въ цѣняхъ
И изживать безъ цѣли годы!»
Такъ рекъ герой. Межъ тѣмъ вдали
Уже сіяли храмовъ шпицы,
Чернѣлись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вотъ видны [2]) башни на скалахъ;
То Готенбергъ на брегѣ дикомъ —
И шведы, съ пламенемъ въ очахъ,
Привѣтствуютъ отчизну крикомъ.
Поднявъ благоговѣйный взоръ
И къ небу простирая длани
Въ слезахъ благодаритъ пасторъ
И Бога водъ и Бога брани [3]).

---

[1]) Послѣ 2-ой строфы, сбоку приписаны были четыре стиха, и сообразно съ ними, измѣнены отнесенные повидимому къ нимъ же четыре заключительные стиха 3-ей строфы:
Объ чемъ ты думаешь, герой?
Объ чемъ въ уныніи мечтаешь?
Знать, мыслишь о странѣ родной
И плѣнъ постыдный проклинаешь.
Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Вотще пылаешь славой дѣдовъ;
Уже не притупить меча
Тебѣ отъ кости грозныхъ шведовъ
Этотъ стихъ имѣетъ варіанты и продолженіе такое такъ:
Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Въ своей темницѣ безотрадной,
Я буду таять, какъ свѣча,
Какъ предъ иконою огнь лампадной.
Съ унылой жизнью догоря,
Потухнетъ къ славѣ жаръ природной,
И ревность къ подвигамъ царя
Замретъ въ душѣ моей свободной,
Напрасно ужасъ битвъ люблю,
Вотще пылаю славой дѣдовъ;
Увы! меча не приступлю
Объ кости враждебныхъ шведовъ.

[2]) Мелькаютъ.

[3]) 5-я и 6-я строфы первоначально читались:
Прости-жъ на вѣкъ мой край родной;
Тебя я не увижу болѣ,
И кончу дни въ землѣ чужой,
Томясь бездѣйствіемъ въ неволѣ.
Ахъ, лучше смерть въ сѣдыхъ волахъ,
Чѣмъ жизнь безъ чести и свободы:
Не русскому стенать въ цѣпяхъ
И изживать безъ цѣли годы.
Не русскому влачить яремъ,
И тяжкій сердцу и постыдной:
Я—завладѣю кораблемъ,
Иль смертію умру завидной!“
Такъ пѣлъ герой... и пр.

Начало 5-ой стр. варьировалось такъ:
„Умру въ бездѣйствіи, въ цѣпяхъ!
или этотъ же стихъ:
„Въ чужбинѣ мой истлѣетъ прахъ,
Потухнетъ съ жизнью къ славѣ пламень;
И на враждебныхъ берегахъ
Воздвигнутъ мой надгробный камень“.
Вздохнулъ герой при мысли сей
Невольно проступили слезы...

Вокругъ него толпы враговъ,
Молясь, упали на колѣна...
Бушуетъ вѣтръ межъ парусовъ,
Корабль летитъ, клубится пѣна.
Катятся слезы изъ очей
И груди шведовъ орошаютъ;
Они отцовъ, сестеръ, дѣтей
Уже въ мечтаньяхъ обни-
маютъ...

Вдругъ Долгорукій загремѣлъ:
«За мной! Расторгнемъ плѣнъ
постыдный!
Пусть слава будетъ нашъ удѣлъ,
Иль смертію умремъ завидной!...»
Мелькнулъ сверкающій булатъ,
Палъ непріятель изумленный
И завоеванный фрегатъ
Помчался въ Ревель покоренный. [1])

Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ *).

Страшно воетъ лѣсъ дремучій,
Вѣтръ въ ущеліяхъ свиститъ,
И украдкой изъ-за тучи
Мѣсяцъ въ Оредижъ глядитъ.

Тамъ — разбросаны жилища
Утѣсненной нищеты,
Здѣсь — стоятъ средь красоты
Деревенскаго кладбища
Деревянные кресты.
Между горъ, какъ подъ навѣсомъ,
Волны свѣтлыя бѣгутъ
И во-слѣдъ себѣ ведутъ
Берега, поросши лѣсомъ.

Кто-жъ сидитъ на черномъ пнѣ
И, вокругъ глядя со страхомъ,
Въ полуночной тишинѣ
Тихо шепчется съ монахомъ?

«Я готовъ, отецъ святой!
Но вѣдь онъ — родитель мой...»
— Не лжеумствуй своенравно!
(Слышенъ голосъ старика)

---

[1]) Вотъ варіанты послѣдней строфы.

I.
„За мной друзья!“ вдругъ загремѣлъ
Отважный князь, сверкая шпагой,
И съ горстью русскихъ налетѣлъ,
На экипажъ, горя отвагой.
II.
„За мной, друзья!—вдругъ загремѣлъ.
Мечемъ сверкая Долгорукій
И съ горстью рускихъ полетѣлъ;
И раздались оружій звуки.
Мгновенно конченъ дерзкій бой;
Предъ русской силой шведы пали
И въ Ревель ихъ корабль стрѣлой
Валы покорные помчали.
III.
„За мной, друзья! — вдругъ загрѣ-
мѣлъ,
Подобно бурѣ, Долгорукій.
„Ура!“ Помчался! Бой вскипѣлъ
И раздались оружій звуки.
Лилась недолго кровь ручьемъ;
Враги предъ горстью рускихъ пали
И въ Ревель храбрыхъ съ торжеств.
Валы покорные помчали.

Перв. напеч. Русск. Ст. 1871, № 1 по рукописи, принадл. Булгарину. Ефремовъ пишетъ: Надъ стихотвореніемъ находится помѣта: „Сосва“, и кромѣ того еще есть стихотвореніе, въ которомъ Рылѣевъ упоминаетъ объ этой рѣкѣ. Надо полагать, что онъ по порученію Американской Компаніи былъ на Сѣверѣ въ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ которая нибудь изъ рѣкъ этого имени (одна въ Пермской, другая въ Тобольской губ.).

*) Село Рожествено, находящееся на рѣкѣ Оредижи, въ нынѣшнемъ Царскосельскомъ уѣздѣ, принадлежало царевичу Алексѣю Петровичу. Родовое имѣніе Рылѣева, деревня Ботова, находилось близъ этого села.

Гибель церкви православной
Вижу я издалека. . .
Видишь самъ: ужъ все презрѣнно:—
Предковъ нравы и права,
И обычай ихъ священный
И родимая Москва.

— Ждетъ спасенья наша вѣра
Отъ тебя, младой герой!
Иль не зришь себѣ примѣра:
Мать твоя передъ тобой.
Все царица въ жертву Богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
Въ рай иль въ адъ тебѣ дорога?...
Сынъ мой! слушай чернеца:
Иль отца забудь для Бога
Или Бога для отца!—

Смолкъ монахъ. Царевичъ юный
Съ пня поднялся, говоря:
«Такъ и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!»[1])

Волынскій *).

«Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни.

«Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!

---

[1]) Перв. напеч. XIX вѣкъ 1872 г. по рукописи Чертковской библіотеки. Въ концѣ были написаны слѣдующіе 6 стиховъ, позже зачеркнутые:

Взвылъ страшнѣе лѣсъ дремучій
Мѣсяцъ спрятался за тучи,
Вѣтръ сильнѣй забушевалъ,
И за ближнею могилой
И ужасно, и уныло
Врагъ зловѣщій прокричалъ...(Г. Б.)

*) Волынскій началъ поприще службы при Петрѣ Великомъ. Получивъ чинъ генералъ-маіора, онъ оставилъ военную службу и сдѣлался дипломатомъ: ѣздилъ въ Персію, въ качествѣ министра, былъ вторымъ посломъ на Немировскомъ конгрессѣ и въ 1737 году пожалованъ въ статсъ-секретари. Манштейнъ изображаетъ его человѣкомъ обширнаго ума, но крайне искательнымъ, гордымъ и сварливымъ. Неосторожность погубила Волынскаго. Однажды, примѣтя холодность императрицы Анны къ герцогу Бирону, онъ рѣшился подать ей меморію, въ которой обвинялъ во многомъ герцога и нѣкоторыхъ сильныхъ при дворѣ особъ: ему хотѣлось отдалить ихъ. Узнавъ о семъ, жестокій Биронъ излилъ месть на Волынскаго: его отдали подъ судъ и приговорили къ смертной казни (въ 1740 г.).

«Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства—
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

«Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...

«И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

«Вражда къ тиранству [1]) закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную [2]) въ обломкахъ!»
Такъ, сидя въ крѣпости въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью, и Бирономъ,

---

[1]) Къ неправдѣ.
[2]) Неправосудіе.

Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ:
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Недолго, вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ—
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Проникъ—и, осѣнясь крестомъ,
Сказалъ: «За истину святую [3])
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ:
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру,
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!»

Въ его очахъ, при мысли сей,
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ... увидѣлъ палача—
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча—
И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества!—въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіетъ прахъ врага Бирона.
Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

---

[3]) Новости литературы 1822 г. ч. 2 № 16 даютъ другую редакцію; начиная со слова „сказалъ“ и до слова „притекъ“... слѣдующей строфы:

Сказалъ онъ: “за тебя свобода!“
И къ мѣсту казни съ торжествомъ
Шелъ бодро вѣрный другъ народа.

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ—
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью... [1])

Видѣніе императрицы Анны *)

Свершилась казнь—и образецъ
Любви къ отечеству священной,
Пріялъ страдальческій вѣнецъ—
Вѣнецъ прекрасный и нетлѣнный.
Волынскій твердъ былъ до конца;
Не устрашенный мукой казни,
Онъ важность гордаго лица
Не измѣнилъ черной боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей патріота,
Сверкнулъ—глава упала съ плечъ

[1]] Перв. напеч. „Новости Литер." 1822 г. ч. 2, № 16. Подп. Рылѣевъ. Тамъ находимъ слѣдующее примѣчаніе, которое многимъ разнится отъ помѣщеннаго выше.

„Оберъ-егермейстеръ и кабинетный министръ, Артемій Петровичъ Волынскій, служилъ государямъ Петру I-му, Екатеринѣ I-й, Петру II-му и Аннѣ. Въ послѣдніе годы царствованія императора Петра I-го былъ онъ астраханскимъ губернаторомъ и участвовалъ въ 1723 году въ усмиреніи калмыковъ. При императрицѣ Аннѣ, вскорѣ по составленіи кабинета, былъ онъ назначенъ кабинетнымъ министромъ и находился въ семъ высокомъ званіи до 1736 года, въ которое время отправленъ былъ вмѣстѣ съ д. т. с. барономъ Шафировымъ и т. с. Неплюевымъ на Немировскій конгрессъ, для переговоровъ съ турками. Возвратившись ко двору, онъ оставался въ кабинетѣ до 1740 года. Тутъ, движимый патріотизмомъ и раздѣляя всеобщую ненависть къ Бирону, воспользовался онъ однажды удобнымъ случаемъ, чтобы подать императрицѣ челобитную, въ коей представлялъ о необходимости удалить Бирона. Мстительный любимецъ узналъ о семъ и рѣшился погубить мужа-патріота. Фельдмаршалъ Минихъ упоминаетъ, что самъ видѣлъ, какъ императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговоръ Волынскаго. Преданіе говоритъ, что происшествіе сіе имѣло сильное вліяніе на добрую, но слишкомъ довѣрчивую государыню, и ускорило ея кончину. О характерѣ Волынскаго кн. Шаховской въ Запискахъ своихъ говоритъ, что онъ, разговорами своими, поселялъ высокое мнѣніе о любви своей къ отечеству, о ревности ко славѣ монаршей и усердіи къ пользѣ общественной.—Казнь Волынскаго послѣдовала 8-го іюля 1740 года. Онъ похороненъ на кладбищѣ церкви Самсонія, что на Выборгской сторонѣ, вмѣстѣ съ друзьями своими Хрущовымъ и Еропкинымъ. (Волынскій былъ неосторожен въ словахъ. Биронъ симъ воспользовался; наряжена была коммисія, составленная изъ его враговъ, чтобы судить Волынского. Мужъ сей погибъ на плахѣ; друзья его были частію казнены, частію сосланы. См. записки Манштейна)". [Г. Б.].

*] Основою этой „Думы" послужило преданіе о томъ, будто бы императрица Анна, изъ угожденія къ Бирону предавъ Волынскаго мучительной казни, страдала угрызеніемъ совѣсти и тѣнь Волынскаго являлась государынѣ. Она умерла съ небольшимъ черезъ три мѣсяца послѣ казни Волынскаго, 17 октября 1740 года.

И покатилась съ эшафота.
И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику—
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой:
Какъ будто камень, залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой.
Съ тѣхъ поръ отъ ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться [1]):
Ея очамъ и день и ночь
Какой-то призракъ сталъ являться.

Однажды пиръ шумѣлъ въ дворцѣ,
Гремѣла музыка на горахъ;
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоеніе во взорахъ.
Въ душѣ своей утомлена,
Блѣдна, печальна и угрюма,
Царица въ тронную одна
Ушла, украдкою, отъ шума.

Увы! и радость [2]) не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить, хотя ошибкой.
«О, гдѣ найду душѣ покой?»
Она въ раздумьи возопила,
И, опершись на тронъ рукой,
Уныло голову склонила.

«И въ шумѣ пиршествъ, и въ тиши
Меня раскаянье терзаетъ:
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!..»
«Онъ здѣсь!»—внезапно зазвучалъ
По сводамъ тронной страшный голосъ...
Въ царицѣ трепетъ пробѣжалъ
И дыбомъ приподнялся волосъ!..

Она взглянула—передъ ней
Глава Волынскаго лежала,
И на нее изъ-подъ бровей
Съ укоромъ очи устремляла,
Ликъ смертной блѣдностью покрытъ,
Уста раскрытыя трепещутъ;
Какъ огнь болотный въ ночь горитъ,
Такъ очи въ ней неясно блещутъ.

Кругомъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ сіяетъ [3])
И каплющая кровь порой
Помостъ [4]) чертога обагряетъ...
Рисуетъ каждая черта
Страдальца славнаго отчизны...
Вдругъ посинѣлыя уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя къ творцу на судъ священный,
Гдѣ каждый восприиметъ мзду:
Равны [6]) тамъ рабъ и царь надменный!..»
Окончивъ грозныя слова,
По-прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ царицу трепетную очи...

Громъ музыки звучалъ еще [7]),
Весельемъ оживлялись лица;
Всѣ ждали Анну—но вотще!
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шумъ затихъ,
Лишь тайный шопотъ всюду бродитъ,
И каждый, глядя на другихъ,
Изъ залы сумрачный выходитъ.[8])

---

[1]] Бояться. [2]] Рѣзвость. [3]] Пылаетъ. [4]] Полы. [5]] Потемнѣвшія. [6]] Равны тамъ царь и рабъ презрѣнный! [7]] Шумъ музыки гремѣлъ еще.

[8]) Въ первомъ изданіи „Думы" Видѣніе не было дозволено цензурою. Первон. напеч. Пол. Звѣзд. 59 годъ, а въ Россіи напеч. Рус. Стар. за 1870 г. № 11, подъ заглавіемъ „Голова Волынскаго" по рукописи Булгарина, переписанной съ Чертковской и по ней исправленной.

Послѣднія 4 строки имѣются еще въ слѣдующихъ редакціяхъ:

I.

Исчезла радость, шумъ затихъ,
На царедворцахъ мракъ угрюмый
И каждый, глядя на другихъ,
Спѣшитъ домой съ тревожной думой.

II.

Засуетился весь народъ;
Въ тревогѣ тайной Биронъ бродитъ
И вдругъ онъ, блѣденъ какъ мертвецъ,
Ее въ безпамятствѣ находитъ. [Г. Б.]

Наталія Долгорукова *).

Настала осени пора:
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикій и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребій мой:
Раздастся колоколъ церковной—
И я на вѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.
О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ унылом:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!

«Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

«Въ борьбѣ съ враждующей судьбой,
Я отцвѣтала въ заточеньѣ;
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность.

«Все съ твердостью перенесла,
И, бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ:
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.

*) Княгиня Наталія Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, зна-енитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному воему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили я имя.

«Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи унылом:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

«Но завтра—завтра я должна
Навѣкъ забыть о страсти нѣжной!
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ—
И холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ—
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.

«О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ!
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ.
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ».

Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она его поцѣловала,
И бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала![1])
«Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты перстень, перстень обручальной,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй [2]) любви печальной!»

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтеръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

Обрядъ свершился роковой...
Прости послѣднее веселье!

---

[1]] Въ слезахъ вздохнула и сказала.
[2]] Не вспоминай.

Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни свои въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала [3]), какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной [4]).

Державинъ *).

(посвящ. Н. И. Гнѣдичу).

Съ деревьевъ падалъ желтый листъ;
Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ,
Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
И плещетъ Волховъ въ берегъ съ шумомъ.

---

[3]) Она истлѣла.

[4]) Перв. напеч. Нов. лит. 1822 г. ч. 5 № 30. Подписано—Рылѣевъ.
Въ Русс. Ст., пишетъ Ефремовъ,—напечатана съ рукописи Булгарина представляющей одну изъ первыхъ редакцій стихотворенія. Подъ нимъ помѣта: „Около Павлограда, близъ сл. Дмитріевки, на Самарѣ" (рѣка Екатеринославской губ., впадающая въ Днѣпръ). На томъ же листѣ набросано четверостишіе: „Я помню васъ". Въ рукописи этой вмѣсто стиховъ начиная съ 4-го строфы 4-й, и строфъ 5, 6 и 7 было:

Ему я спутницей была
Въ странѣ угрюмой и пустынной
И въ даръ съ рукою принесла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ.
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.
Свершится завтра жребій мой;
Раздастся колоколъ церковной
И я навѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной,
О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ и пр.

Строфы 10-й въ рукописи не было; а въ концѣ былъ набросанъ варіантъ.

Вруча на вѣкъ Творцу себя,
Отрекшись жизни сей мятежной,
Не въ-правѣ завтра буду я
Воспоминать о страсти нѣжной!..

*) Державинъ родился 1743 года въ Казани. Онъ былъ воспитанъ сперва въ домѣ своихъ родителей, а послѣ въ казанской гимназіи; въ 1760 г. записанъ былъ въ инженерную школу, а въ слѣдующемъ году, за успѣхи въ математикѣ и за описаніе Болгарскихъ развалинъ, переведенъ въ гвардію. Въ чинѣ поручика отличился въ корпусѣ, посланномъ для усмиренія Пугачева. Въ 1777 году поступилъ въ статскую службу, а въ 1802 году пожалованъ былъ въ министры юстиціи. Скончался іюля 6 дня 1816 года въ помѣстьѣ своемъ на берегу Волхова. „Къ безсмертнымъ памятникамъ Екатеринина вѣка принадлежатъ пѣснопѣнія Державина. Громкія побѣды на морѣ и сухомъ пути, покореніе двухъ царствъ, униженіе гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейскихъ государей, преобразованія Имперіи, законы, гражданская свобода, великолѣпныя торжества просвѣщенія, тонкій вкусъ—все это было сокровищемъ для генія Державина. Онъ былъ Горацій своей государыни... Державинъ великій живописецъ... Державинъ хвалитъ, укоряетъ и учитъ... Онъ возвышаетъ духъ націи и каждую минуту даетъ чувствовать благородство своего духа"... говорилъ г. Мерзляковъ.

Надъ Хутынскимъ монастыремъ
Примѣтно солнце догарало,
И на главахъ златымъ лучемъ,
Изъ тучъ прокравшись, трепетало...

Какой-то думой омраченъ,
Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
Но вдругъ остановился онъ,
И заблисталъ огонь во взглядѣ:
«Что вижу я?—онъ возопилъ—[1])
Предъ мной Державина могила!
Тебя ли рокъ, о бардъ, сразилъ?
Тебя ли смерть не пощадила?»

И засіяли, какъ росой,
Слезами юноши рѣсницы,
И онъ съ удвоенной тоской
Сѣлъ у подножія гробницы.
И долго, молча, онъ сидѣлъ,
И мрачною тревожимъ думой,
Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
На грустный памятникъ угрюмо.

«Но что,—вѣщалъ онъ наконецъ,—[2])
Что я напрасно здѣсь тоскую?
Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

«О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.

«О, такъ! нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.

---

[1]) ...на сихъ брегахъ
Онъ рекъ,—для сѣвера священной
Державина-ль почіетъ прахъ
Въ обители уединенной?—

[2]) Но вдругъ восторженный вѣщалъ!

Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ[3]).

«Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

---

[3]) Далѣе въ лейпцигскомъ изданіи находимъ:

Ему невѣдомъ низкій страхъ;
На смерть съ презрѣніемъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ правдивымъ зажигаетъ.
Надъ нимъ кто будетъ властелинъ?—
Онъ добродѣтель свято цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ думахъ тайныхъ не измѣнитъ.
„Таковъ нашъ бардъ-Державинъ былъ:
Всю жизнь онъ велъ борьбу съ порокомъ;
Судьямъ-ли правду говорилъ—
Онъ такъ гремѣлъ съ святымъ пророкомъ:
„Вашъ долгъ на сильныхъ не взирать;
„Безъ помощи, безъ обороны
„Сиротъ и вдовъ не оставлять,
„И свято сохранить законы.
„Вашъ долгъ: несчастнымъ дать покровъ,
„Всегда спасать отъ бѣдъ невинныхъ
„Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ,
„Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ".

и т. д.—9 и половина 10-й строфы до Пѣвцу ли ожидать стыда слова „омочитъ". Далѣе тамъ такъ:

Творцу ли гимнъ святой звучитъ
Его восторженная лира—
Словами онъ какъ громъ гремитъ,
И вторятъ гимнъ народы міра.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Откажетъ ли и самый рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ?
Ты правъ пѣвецъ; ты будешь жить;
Ты памятникъ возвигнулъ вѣчный:
Его не могутъ сокрушить
Ни громъ, ни вихорь быстротечный".

(Лейпциг. изд. 61 г. 195—6 стр.)

(Первоначальная редакція).

По небу голубому
Плылъ мѣсяцъ молодой;
По валу крѣпостному
Вдоль ходитъ часовой.
Вокругъ мгновенный трепетъ
И шелестъ парусовъ,
Невы невнятный лепетъ
И крики рыбаковъ.
Шумитъ рѣка; но воинъ
Не слышитъ плеску волнъ
И бродитъ неспокоенъ.
Сердечной думы полнъ.
Кипятъ въ немъ и роятся
Высокія мечты
И вылетѣть стремятся
Какъ будто изъ тюрьмы.
Лучъ мѣсяца играетъ
На трепетныхъ струяхъ;
Огонь души пылаетъ
У воина въ очахъ.
Съ волненьемъ обычайнымъ
Отрадою дыша,
Томится чѣмъ-то тайнымъ
Высокая душа.
Безмолвіе въ природѣ;
Но въ немъ волнуетъ кровь
И къ правдѣ, и къ свободѣ
Священная любовь

. . . .

Свое предназначенье
Узнавъ въ тиши ночной,—
„Настало вдохновенье!"
Рекъ воинъ молодой.

. . . .

Кто-жъ былъ сей несравненный.
Сей дивный часовой?
Пѣвецъ нашъ вдохновенный,
Державинъ молодой!

«Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ покойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ;
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

«Ему ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.
Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.

«Поклонникъ пламенный добра—
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

«Таковъ нашъ бардъ Державинъ былъ,
Повсюду чести неизмѣнный,
Царямъ ли правду говорилъ,
Иль поражалъ порокъ надменный!»
Пѣвецъ умолкъ—и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось—и въ волненьи
Вздохнувъ, онъ, отходя, вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ изступленьи:

О, пусть не буду въ гимнахъ я
Разнообразенъ, дивенъ, громокъ,
Лишь только-бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
«Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
«Сѣдую вызывая древность,
И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность!» [1])

---

[1]] Перв. напеч. Сынъ Отеч. 1822, ч. 82, № 47 съ посвященіемъ Н. И. Гнѣдичу; Подпис. К. Рылѣевъ. Въ Русской Ст. 1871, № 1 и № 11 по рукописи, принадлежащей дочери автора. Этотъ текстъ вошелъ и въ настоящее изданіе, но такъ какъ онъ очень разнится отъ первоначальной редакціи, то мы и приводимъ здѣсь полностью и въ другихъ редакціяхъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ДУМЪ“.

Вадимъ.

Надъ кипящею пучиною
Подпершись, сидитъ Вадимъ, [1]
И на Новгородъ съ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.

Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ;
Перси юныя волнуются
И глаза блестятъ огнемъ.

Громъ гремитъ; змѣей огнистою
Сумракъ [2]) молнія сѣчетъ;
Волховъ пѣной серебристою
Въ берегъ хлещетъ и реветъ. [3])

Вотъ ужъ небо въ звѣзды рядится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ
Хладенъ, крѣпокъ витязь—пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ.

Не смотря на хладъ убійственной
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

«До какого насъ безславія
«Довели вражды гражданъ!
«Насылаетъ Скандинавія
«Властелиновъ для славянъ!...

«Грозенъ князь самовластительный!
«Но наступитъ мракъ ночной,
«И настанетъ часъ рѣшительный,
«Часъ для гражданъ роковой!.. [4])

Повсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огонь, сквозь дымъ и мракъ ночной

Столпомъ огромнымъ прорѣзался,
И въ небесахъ блестя челомъ,
Во всемъ величіи своемъ,
Великой жертвой любовался...

Рус. Старина 1871.

---

[1]) Первонач. было: „Надъ кипящею пучиною,
На утесѣ сѣвъ Вадимъ,
Съ тяжкой на сердцѣ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ“.
(Рус. Ст. 71 г. 74 стр.).

[2]) Было „воздухъ“.

[3]) „Брегъ песчаный обдаетъ“, а потомъ „Въ брегъ песчаный съ ревомъ бьетъ“.

[4]) Перв. напеч. Рус. Стар. 1871 г. № 1 по рукописи Булгарина.

Марфа Посадница.

Была ужъ полночь. Бранный шумъ
Затихъ на стогнахъ Новограда,
И Марфы безпокойный [1]) умъ—
Свободы тщетная ограда—
Вкушалъ покой отъ мрачныхъ думъ.

Въ поляхъ сверкали огоньки;
Расположась обширнымъ станомъ
Близъ озера и вдоль рѣки,
Вдали чернѣли за туманомъ
Царя отважные полки.

Все было въ непробудномъ снѣ;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стѣнѣ,
И Волховъ въ берега крутые
Плескалъ волною въ тишинѣ...

Покой и мракъ среди домовъ...
Вдругъ съ Ярославова Дворища
Звонъ вѣчевыхъ колоколовъ—
И грянулъ, бросивъ пепелища,
Народъ со всѣхъ пяти концовъ. [2])

. . . .

Минихъ.

Сидѣлъ лишь Минихъ одинокъ
И, тайною тревожимъ думой
Съ презрѣніемъ, какъ на порокъ,
Глядѣлъ на деспота угрюмо.

Рус. Стар. 1871 г. № 1.

---

[1]) Благородный.
[2]) Рус. Стар. 1871 г. № 1 по рукописи Булгарина. Дума, пишетъ Ефремовъ, повидимому, была совсѣмъ окончена, но продолженіе ея на 2-мъ полулистѣ оторвано; 3-я строфа первоначально была поставлена прежде 2-й, вслѣдъ за которой была набросана еще строфа:

И долго длилась тишина;
Заря на небѣ зажигалась
И вся окрестная страна
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкаго полна.
Повѣялъ холодъ съ береговъ...
Вдругъ съ Ярославова дворища и т. д.

Меньшиковъ.

Въ странѣ угрюмой и глухой,
Гдѣ Сосна съ бурей часто воетъ
И берегъ дикій и крутой
Шумящею волною роетъ,
Между кудрявымъ тальникомъ,
Близъ церкви, осѣненной бо-
ромъ,
Чернѣетъ обветшалый домъ
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.
«Будь ласковъ, дѣдушка ко мнѣ:
Скажи, надъ чьей простой моги-
лой
Стоитъ подъ елью, въ сторонѣ
Къ землѣ склонившись, крестъ
унылый?
Сугробы снѣга занесли
Пустынный холмъ и все клад-
бище...
Тамъ церковь новая вдали,
Тутъ обветшалое жилище.
Съ могилки двѣ стези бѣгутъ:
Одна бѣжитъ по косогору
Въ убогій нищеты пріютъ,
Другая змѣйкой вьется въ гору...
Не въ сихъ мѣстахъ мнѣ край
родной:
Я на чужбинѣ здѣсь, я — въ
ссылкѣ...
Скажи мнѣ, дѣдушка сѣдой,
Чей прахъ почіетъ въ той мо-
гилкѣ?
— Какъ ты, изъ дальней сто-
роны
Въ сей край изгнанные судьбою,
Подъ той могилою простою
Отецъ и дочь схоронены...

. . . .

Отецъ, какъ здѣсь болтали тайно,
Былъ другомъ мудраго Петра...

. . . .

Любилъ уединенье онъ:
Склоняся на руку главой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный,
Онъ часто позднею порой
Сидѣлъ на паперти церковной...

. . . .

Тутъ познакомился я съ нимъ;
Онъ подалъ мнѣ на дружбу руку...

. . . .

Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

На гордой крутизнѣ бреговъ
Стоитъ въ мракѣ холмъ Оле-
говъ;
Подъ Кіевомъ вокругъ костровъ
Пируютъ шайки печенѣговъ...
Отрада имъ—гроза набѣговъ,
Имъ наслажденіе—война...
На лицахъ варваровъ видна
Печать свирѣпыхъ, дикихъ нравовъ.
Среди вождей передъ костромъ
Ихъ князь сидитъ на пнѣ сѣдомъ,
И буйную толпу кругомъ
Обходитъ черепъ Святославовъ
Съ заморскимъ пѣнистымъ виномъ...

Не тучи на небѣ сдвигались,
Не дождь шумѣлъ изъ облаковъ:
Въ степи съ татарами слетались
Дружины буйныхъ козаковъ.
Ихъ кони страшно землю ро-
ютъ,
Несутся бурно, чуя бой;
Поля притоптанныя воютъ,
Клубится пыль, какъ дымъ густой...

Вѣстникъ Европы 1888, № 11.

ПОЭМЫ

ВОЙНАРОВСКІЙ [1]).

. . . Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria [2]). . . . .
Dante.

---

[1]) До перваго своего появленія въ свѣтъ цѣликомъ, Войнаровскій печатался отрывками въ Полярной Звѣздѣ, Сынѣ Отечества и друг. Полностью же былъ напечатанъ въ мартѣ 1825 г. „Войнаровскій, сочиненіе К. Рылѣева. М. Въ тип. С. Селивановскаго.“ Цензурное разрѣшеніе подписано Никол. Бекетовымъ 8 января. Если принять въ соображеніе время, когда онъ печатался, то можно сказать, что онъ мало пострадалъ отъ русской цензуры. Впрочемъ, въ этомъ онъ обязанъ П. Ал. Муханову. Онъ страшно заинтересовался Войнаровскимъ и употребилъ всѣ усилія провести поэму сквозь цензурныя колодки. Не меньше, намъ думается, этому способствовали тѣ примѣчанія, которыя Рылѣевъ позволилъ себѣ сдѣлать къ поэмѣ. Эти примѣчанія являются уступкой, которую дозволилъ поэтъ. Вотъ эти примѣчанія: 1) Къ стиху—За дѣло чести и отчизны, сказано:—„Такъ извиняетъ свое преступленіе справедливо и милосердно наказанный Войнаровскій; 2) Не пожалѣешь за Украйну „Напрасная забота! о благѣ Украйны пекся великій преобразователь Россіи.“ 3) Иль слава ждетъ иль поношенье „Какая слава озарила бы Мазепу еслибы онъ содѣйствовалъ Петру въ незабвенную битву полтавскую! Какое безславіе омрачаетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдоносныхъ рядовъ Петра!“ 4) И Петръ и я — мы оба правы „Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавою. — Удивительна дерзость, сравнивать себя съ Петромъ!“ 5) Врага страны своей родной „Татары и поляки.“—Нѣкоторые стихи были измѣнены, а другіе вовсе пропущены, иногда даже безъ означенія пропуска точками. (Г. Б.)

[2]) Нѣтъ большаго горя, какъ вспоминать о счастливомъ времени въ несчастьѣ.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустный, одинокій,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ —
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.
Прими жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства
За то найдешь живыя чувства—
Я не поэтъ, а гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ, Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ и людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его особому покровительству графа Головина; а въ 1707 г. мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меньшикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украйну, отправился къ Меньшикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньшиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности; разсказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника и, чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меньшикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ, не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за нимъ немедленно и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ изъ Бендеръ къ хану крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго короннымъ воеводою царства польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ и, по смерти Мазепы, назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ Войнаровскій, потерявъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего до-

стоинства, отклонилъ отъ себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ кошевому 200 червонцевъ за склоненіе казаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица-де-Саксъ. Между тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240,000 талеровъ, онъ пріѣхалъ, въ 1716 году, въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію россійскаго резидента Беттахера. Однакожъ, вслѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ неутралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ — неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его видѣнъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меньшиковымъ; наконецъ, ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ. если бы любезный дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской. Однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ. которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка— лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. Бестужевъ.

ВОЙНАРОВСКІЙ [1]).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны *).
Кругомъ сосновый [1]) частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью [2]) на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій [3]) боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ [4]) горъ
Разнообразныя вершины...

---

[1]) Войнаровскій—одна изъ оконченныхъ Рылѣевымъ поэмъ, которыхъ онъ задумалъ нѣсколько, и сюжетомъ которыхъ бралъ изъ исторіи борьбы Малороссіи за свою вѣру и свободу. Неоконченныхъ поэмъ нѣсколько; изъ нихъ „Наливайко" наиболѣе сильная вещь, какъ по исполненію, такъ и по настроенію поэта, вылившаго въ пѣснѣ свое собственное.

У Рылѣева было несомнѣнное пристрастіе къ Малороссіи и къ одному изъ видныхъ историческихъ лицъ—Мазепѣ. Одно время онъ даже хотѣлъ написать драму изъ жизни Мазепы и даже приступилъ къ разработкѣ сценарія, потомъ собирался написать поэму и набрасалъ, нѣсколько отрывковъ. О немъ же онъ говоритъ въ „Думѣ". „Петръ Великій въ Острогожскѣ"; наконецъ, и судьба Войнаровскаго была тѣсно связана съ судьбой Мазепы. Поэтъ, несомнѣнно, идеализируетъ Мазепу, и великій хитрецъ и политикъ въ его воображеніи становится охранителемъ вольностей малорусскаго народа и „гражданиномъ" въ смыслѣ Рылѣева. (Котляревскій. Р. Б. 904. № 9).

Въ своихъ запискахъ А. О. Смирнова разсказываетъ любопытный фактъ, правдивость котораго остается на совѣсти ея самой. Она пишетъ: „когда схватили бумаги Рылѣева, Одоевскаго, Кюхельбекера и Бестужевыхъ-Рюминыхъ (т.-е. просто Бестужевыхъ), полиція отложила отдѣльно литературныя рукописи, Бенкендорфъ сохранилъ ихъ и отдалъ ихъ Государю только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія процесса. Государь прочелъ ихъ. Мнѣ кажется, что Рылѣевъ напечаталъ „Войнаровскаго" около 1825 г., „Думы"—раньше, но Государь не былъ знакомъ съ ними. Онъ говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя о томъ, что не зналъ, что у Конрада (sic) Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы—поэты. Онъ даже сказалъ Жуковскому, что дума о царевичѣ Алексѣѣ очень хороша и Олегъ тоже тоже, что дума объ Аннѣ Іоанновнѣ слишкомъ фантастична, и что Пушкинъ гораздо лучше понялъ Мазепу и Карла XII, и что „Войнаровскій" былъ только авантюристъ, но что въ его поэмѣ есть прекрасные стихи. Онъ хвалилъ стихотворенія Рылѣева и Одоевскаго. Тогда Жуковскій далъ ему копію со стихотвореній, написанныхъ имъ въ крѣпости, и они очень тронули Государя. Онъ сказалъ ему тогда: „я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ". Записки А. Смирновой. Спб. 97 г. II, 19—20.

Разночтенія къ „Войнаровскому" всѣ взяты взяты по рукописямъ Булгарина. (Г. Б.)

*) Юрта—жилище дикихъ сибирскихъ обывателей. Онѣ бываютъ лѣтнія и зимнія, подвижныя и постоянныя; бываютъ бревенчатыя, берестяныя, иногда войлочныя и кожаныя.

[1]) *Высокій.* [2]) *Съ высоты.* [3]) Сосновый. [4]) Высокихъ.

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто [5]) непогода,

И часто [6]) мрачны облака...
Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы.
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалый;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина [7]) воиновъ придетъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ.
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Яркутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынный,
Неся богатый свой ясакъ *),
Лѣсной тунгузъ [8]) и съ пикой длинной

Сибирскій строевой казакъ.
Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
Почти убитаго тоской,
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ
Подчасъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ... [9])
Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ [10]) раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра казакъ проворный
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки,
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!

«Горитъ напрасно пламень пылкій...
Я не могу полезнымъ [11]) быть;
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

«О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!»

---

[5]) Съ вѣтромъ. [6]) Вѣчно. [7]) Команда.
*) Ясакъ—подать мѣхами, собираемая съ сибирскихъ народовъ.
[8]) Тунгузъ, корякъ.
[9]) Здѣсь Ефремовъ приводитъ еще слѣдующіе зачеркнутые 4 стиха:
„Во времена жъ иныя года
Все мертво въ сей странѣ глухой,
Какъ грозная ея природа,
Мертва жестокою зимой.
[10]) Идетъ столь раннею порой
По берегу рѣки крутому.
[11]) Слово въ рук. зачеркнуто.

Сказалъ—пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ, и борода.
Онъ не варнакъ*); смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ **) предъ бурей мрачнымъ днемъ...

Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ—
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомство не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ *) славной,
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлеченъ
Къ познаньямъ страстію высокой.

---

*) Варнакъ—преступникъ; публично наказанный и заклейменный.

**) Байкалъ—Святое море или озеро, справедливѣе—Ангарскій провалъ, лежитъ въ Иркутской губерніи между 51° и 58° сѣверной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая отъ острова Ферро. Непостоянные вѣтры, безпрерывныя жестокія бури и непроницаемые туманы, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ бывающіе на семъ озерѣ, были причиною многихъ бѣдствій. Часто во время весьма хорошей погоды вѣтеръ неожиданно и мгновенно перемѣняется начинается буря, и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горями, чернѣютъ, пѣнятся, ревутъ, и все представляетъ ужасное и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

*) Миллеръ.—Россійскій исторіографъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ родился 7 октября 1705 г. въ Вестфаліи. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, который былъ ректоромъ Герфордской гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу разсказывать братьямъ и сестрамъ слышанное того утра о грекахъ и римлянахъ, съ жадностью читалъ жизни великихъ мужей древности, и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 г. черезъ Герфордъ, двѣнадцатилѣтній Миллеръ ушелъ тайнымъ образомъ босой изъ отцовскаго дома, чтобы имѣть случай посмотрѣть на Великаго. На 17-мъ году возраста Миллеръ отправился въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ довершилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Готшеда, въ свое время ученѣйшаго мужа въ Германіи.

Между тѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Зная, что прежде заведенія училищъ нужно было образовать учителей, онъ учредилъ академію; и чтобъ достигнуть своей цѣли, далъ ей направленіе, соотвѣтственное своимъ видамъ. Всѣ европейскія заведенія сего рода состоятъ изъ ученыхъ людей, которые сочиненіями своими обязаны способствовать успѣху наукъ и искусствъ. Санктпетербургская академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ россіанъ, которые въ свою очередь должны были сообщать пріобрѣтенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣтиломъ, котораго благотворные лучи должны были распространиться во всѣ концы Россіи. Президенту ея Блюментросту поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его-то приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не стало, но намѣренія его исполнялись: академія открыла свои засѣданія 16 декабря 1725 г., и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ латинскаго языка, географіи и исторіи въ верхнемъ классѣ академической гимназіи. Познанія его

Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ
Про ихъ отважные походы

По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому

ачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности и точное исполненіе порученной ему секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части „Комментаріевъ", заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ половинѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ профессоры исторіи и назначенъ дѣйствительнымъ членомъ академіи.

Скорое его возвышеніе поселило зависть въ людяхъ, которые хотя уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣютъ равныя съ нимъ права на почести. Чтобъ удалиться отъ непріятностей, Миллеръ подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ поѣхалъ въ чужіе края и во время своего путешествія имѣлъ случай оказать услугу академіи, пріобрѣтши для нея новаго члена, ученаго, оріенталиста Кера, который положилъ основаніе нынѣшнему азіатскому минцъ-кабинету при петербургской академіи наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время петербургская академія наукъ предприняла достойный ея трудъ. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, составляющихъ сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль-де-ла-Крокеръ отправленъ былъ для астрономическихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ заняться описаніемъ всего, что касалось до естественныхъ наукъ, а Миллеру поручено было обратить вниманіе на географію, древности и исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Путешествіе сіе, начатое въ февралѣ 1733 г., продолжалось 10 лѣтъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ изслѣдователемъ во время его пути, наблюдать съ нимъ вмѣстѣ обычаи черемисовъ и вотяковъ и простые нравы телеутовъ, тунгузовъ и якутовъ. Довольно, если скажемъ, что онъ велъ подробный журналъ всему пути, самъ заготовлялъ карты оному, съ точнымъ означеніемъ мѣстности каждой страны, составлялъ историческія и географическія описанія городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщательно выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для русской исторіи, срисовывалъ вездѣ древности, какія ему попадались, и кромѣ того привезъ кучу замѣчаній о нравахъ, языкѣ и вѣрѣ народовъ, которыхъ посѣщалъ. Сіе множество трудовъ и суровый климатъ Сибири разстроили его здоровье. Онъ не могъ ѣхать далѣе Якутска, и больной возвратился въ Петербургъ, въ 1743 г. Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились нравственныя. Въ отсутствіе Миллера сдѣланъ былъ президентомъ академіи Шумахеръ, человѣкъ познаній ограниченныхъ, не прощавшій Миллеру его достоинствъ. Посредственность ненавидитъ истинное дарованіе. Шумахеръ, съ завистію смотрѣвшій на возвышеніе Миллера, еще болѣе вознегодовалъ на него, когда сей возвратился изъ Сибири, предшествуемый славою, что кончилъ столь важное для наукъ порученіе. Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ вмѣсто награды однѣ непріятности. Онъ не оспаривалъ у другихъ права ползать передъ сильными, не искалъ посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имѣлъ право требовать, не унижалъ дарованій своихъ, измѣняя истинѣ, а потому имѣлъ многихъ непріятелей. Таубертъ, Тепловъ, и даже великій нашъ Ломоносовъ, ни въ чемъ не терпѣвшій соперниковъ, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали вниманія и даже, повѣритъ ли этому потомство, диссертацію о началѣ русскаго народа, которую онъ напечаталъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ и готовился читать въ публичномъ собраніи академіи 5-го сентября 1743 г., въ день именинъ императрицы, запретили потому только, что исторіографъ утверждалъ въ ней, будто Рюрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Несмотря на сіи непріятности, Миллеръ, любившій науки не изъ личныхъ видовъ, и движимый любовію къ общей пользѣ, былъ неусыпенъ въ трудахъ своихъ. Казалось, что дѣятельность его возрастала съ препятствіями, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ находилъ утѣшеніе отъ несправедливости людей, которыхъ отзывы не доходили до его кабинета. По званію россійскаго исторіографа, въ 1747 г. занимался онъ составленіемъ сибирской, и разными изслѣдованіями по части россійской исторіи и географіи, составлялъ родословныя таблицы россійскихъ великихъ князей, исправлялъ должность конференцъ-секретаря при академіи, и былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были, наконецъ, уважены. По просьбѣ Ив. Ив. Бецкаго, назначенъ онъ былъ въ 1763 г. директоромъ московскаго воспитательнаго дома, а въ 1766 году, по представленію графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына опредѣленъ въ начальники московскаго архива иностранныхъ дѣлъ Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ оное, и по цѣлымъ суткамъ проводилъ въ семъ хранилищѣ отечественныхъ хартій, занимаясь приготовленіемъ матеріаловъ для россійской исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣстъ. Государыня, бывъ еще великою княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ, часто призывала его къ себѣ для совѣтовъ. Миллеръ былъ избранъ академіею въ 1767 г. депутатомъ въ комиссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагаѣъ различные планы для водворенія наукъ и распространенія просвѣщенія въ Россіи. Когда комиссія переведена была въ С.-Петербургъ, онъ получилъ отъ императрицы позволеніе остаться въ Москвѣ, и кромѣ архива иностранныхъ дѣлъ, занялся, по приказу государыни, разборомъ архивовъ разряднаго и сибирскаго приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году академія поручила ему написать ея исторію отъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50-тилѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ членовъ, который находился *при ея основаніи*, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во *все время ея засѣданій*, и потому лучше всякаго другого могъ исполнить сіе назначеніе. *Окончивъ сію работу*, онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и

Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокій и суровый,
И дикихъ нравовъ простота.
Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ. и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...

Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на-спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... вдругъ выстрѣлъ!.. быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахою *) черной

И въ длинношерстномъ чебакѣ **)
Охотникъ ловкой и проворной...
То ссыльный былъ [1]). Угрюмый взглядъ,

приготовленіями матеріаловъ для русской исторіи. Необъятный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе поблизости Москвы· но и тутъ, чтобъ употребить время съ пользою, составлялъ историческое и географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1783 году, имѣя 79 лѣтъ отъ роду.

Заслуги Миллера по нашей исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному россіянину. Излишне было бы исчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ зналъ, что человѣкъ, готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добросовѣстная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ отечествомъ, онъ любилъ ее какъ родной ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезнымъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лестью, искательствомъ; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истиннаго таланта, и даже нѣкоторая застѣнчивость составляли главныя черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣдѣнія по части россійской исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцомъ семейственнаго счастія, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ отцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые, завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ, но справедливость восторжествовала. обвиненія ихъ, внушенныя корыстолюбіемъ, были опровергнуты, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ утѣшеніе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почитателей.

*] Даха—шуба вверхъ шерстью, изъ шсуры дикой козы.

**] Чебакъ—большая теплая шапка съ ушами.

[1]] Здѣсь были зачеркнуты слѣдуюшіе стихи и проза:

...Тутъ Миллеръ съ нимъ,
Въ глуши подъ кедромъ вѣковымъ,
Тогда увидѣлся впервые...

И они познакомились. Неизвѣстный выводитъ Миллера изъ лѣсу; угощаетъ его въ своей хижинѣ. Видъ, слова и благородство мыслей и чувствъ ссыльнаго возбуждаютъ въ Миллерѣ любопытство узнать его покороче—и ссыльный, убѣжденный имъ, по нѣкоторомъ сопротивленіи, открывается, что онъ Войнаровскій, другъ и родственникъ Мазепы и продолжаетъ:

„*Рожденный съ пылкою* душою,
И таю я, какъ ледъ весною

Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой—
Все душу странника стращило.
Но трепеща въ глушѣ лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
«Кто бъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»
«Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ [2]);
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки *) скудной:
Пойдемъ—тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной».

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило [2]);
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
И одинокій и унылый,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ [3])
И юрту путникамъ открылъ
Пришли: и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливый
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище **) пальмы длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близь двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный [4]) страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ...
Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ ***) засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытный
Съ нимъ о Сибири разговоръ...
Съ отвѣтомъ каждымъ становилась [5])

Съ надеждой быть полезнымъ краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ угрюмой и глухой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною;
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой—бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу:
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ.

Вмѣсто этого послѣ словъ „То ссыльный былъ" продолженіе, какъ напечатано. (Г. Б.)

[1] Верстъ за пятнадцать иль поболѣ; [2] Сокрылось солнце золотое.

[3] Здѣсь была еще строка передъ этой: „На небо мрачно-голубое.

*) Заимка—внѣ города мѣсто, занятое подъ частный домъ, или крестьянскій дворъ съ огородомъ и съ другими принадлежностями; словомъ, русская дача или малороссійскій хуторъ.

**) Пальма. Такъ называются въ Сибири длинные, широкіе и толстые ножи, укрѣпленные наиболѣе въ березовыхъ, для крѣпости прокопченныхъ, ратовищахъ, обшитыхъ снаружи кожею. Съ ними якуты, юкагиры и другіе сѣверные народы ходятъ на лосей, медвѣдей, волковъ и проч.

***) Жирникъ—ночникъ съ какимъ-нибудь масломъ или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

[4]) Свой тайный страхъ.

[5]) *Этого и слѣдующихъ трехъ стиховъ не было напечатано при жизни Рылѣева, ихъ нѣтъ и въ Лейпцигскомъ изданіи. Г. Б.*

Ихъ рѣчь живѣе и живѣй
И вдругъ нечаянно склонилась
Къ судьбѣ народовъ и царей...
Въ какое жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину, съ тоскою [1])
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдого пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихъ сверкали;
Они другъ друга понимали—
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ, и сонъ отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманьемъ былъ.

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?»
Такъ незнакомецъ продолжалъ:
«Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя:
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь
И несчастливцу не измѣнишь...
«Дивись же странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой—
Узнай—сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ съ тоской глубокой...
Ты видишь дикъ я и угрюмъ,
Брожу какъ остовъ, очи впали
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу какъ недругъ отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей—
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальніе снѣга
За дѣло чести и отчизны,

[1] *Простясь съ родной* своей страною,
Два года Миллеръ самъ съ собою
Подъ-часъ бесѣдовалъ въ глуши.

Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...

«Къ чему напрасное моленье [1]).
И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой...

Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты...

«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ*) въ слѣдъ,

[1]] Въ Лейпцигскомъ изданіи стихъ замѣненъ точками. Г. Б.

*) Хвостовскій [Хвостовъ, мѣстечко въ Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда) полковникъ Симеонъ Палѣй, отважный предводитель заднѣпровскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ и сталъ славенъ подвигами около 1600 года. Подъ рукою гетмана своего Самуся. онъ, какъ владѣтельный князь, бралъ дань съ земель по Днѣстръ и Случъ, запиралъ Россію и Польшу отъ татаръ, нерѣдко вторгался въ орды Буджацкую и Бѣлгородскую, и захватилъ однажды въ плѣнъ самого салтана. Получалъ отъ первыхъ награды, бралъ отъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ видалъ его истребительный пламень вокругъ стѣнъ своихъ. Возставъ на поляковъ за ихъ неправды, онъ попалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ крѣпкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатилъ имъ за свою неволю, разбивъ поляковъ подъ Хвостовымъ, подъ Бердичевымъ и покорившись Россіи. Въ 1694 году, съ Мокіевскимъ, набѣжавъ на турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны, съ черниговскимъ полковникомъ Лизогубомъ вторгся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удалые промыслы его надъ поляками перемежались только тогда, когда онъ громилъ татаръ. Онъ бралъ и палилъ польскіе города и, опустошивъ край Волыни, овладѣлъ Трояновкою. Между тѣмъ коварный Мазепа, завистливый къ славѣ, жадный къ богатству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палѣя, своихъ соперниковъ, старался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣтами представилъ и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкаго и Яблоновскаго, которые писали что: „Палѣй вьетъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Ржечи-Посполитой и кормится хлѣбомъ, котораго не сѣялъ“. Мазепа тайно дѣйствовалъ противъ Самуся и Палѣя, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Богуславъ, Корсунь, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣлую-Церковь; перерѣзали тамъ шляхтичей и жидовъ, и всѣхъ окружныхъ крестьянъ подняли на поляковъ, обѣщая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на ослушаніе, Августъ просилъ удовлетворенія. Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника; но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ничему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа известь Палѣя, какъ бы то ни было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выступившимъ тогда на помощь Августу противъ шведовъ, сильный собственною властію и милостію царскою, онъ не смѣлъ однакожъ захватить Палѣя силою: позвалъ къ себѣ въ гости въ Бердичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго *героя* въ цѣпи, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

„*Ой пье Палій*, ой пье Семенъ да головоньку клонитъ,

Съ ватагой *) храбрыхъ гайдамаковъ! **)
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало, кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ, и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ,
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ
И малой горстью толокна***)
Въ неотразимые наѣзды

„А Мазепинъ чура ****) Палію Семену кайданы готовитъ".

Вслѣдъ за симъ онъ отослалъ его въ Батуринъ, извѣщ я Головина, что Палѣй оказался явнымъ измѣнникомъ государю и передался Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить гетманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру—и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить емъ здоровье! Однакожъ послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ—видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указалъ путь къ побѣдѣ. Весело было умирать послѣ полтавскаго сраженія. Недолго пережилъ его и Палѣй отъ язвъ, трудовъ, лѣтъ, несчастій и славы.

Въ характерѣ сего безстрашнаго вождя украинцевъ видны всѣ черты дикаго рыцарства. Открытъ въ дружбѣ и жестокъ въ мести, дѣятеленъ и сметливъ въ войнѣ, которая стала его стихіей, онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ гетманскихъ, которыя велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя Палѣево сторожило границу Заднѣпрія, татары не нарушали ея покоя и поляки не смѣли тамъ умничать. Попеременно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиноваться своеизбранной власти и строго хранилъ ему врученную; былъ любимъ какъ братъ своими товарищами и какъ отецъ—своими казаками. Когда Мазепа захватилъ его, то насилу могъ взять Бѣлую-Церковь и то измѣною мѣщанъ. „Умремъ тутъ вси, говорили казаки Палѣевы, а не поддадимся, коли нѣтъ нашего батьки". Врагъ татаръ за ихъ грабежи, врагъ поляковъ за ихъ утѣсненія, онъ въ обоихъ случаяхъ былъ полезенъ Россіи, хотя не вполнѣ исполнялъ ея требованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неустрашимаго воина, по неотступной просьбѣ старшинъ Бѣлоцерковскаго полка, заступилъ его мѣсто.

*) Ватага—малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: толпа, шайка, стадо, стая, ватага разбишакъ, шайка разбойниковъ. (Котляревскій).

**) Гайдамакъ—иногда удалецъ, иногда разбойникъ. Слово сіе, какъ видно изъ его корня, взято съ татарскаго языка, и въ собственномъ смыслѣ значитъ бродяга или бѣглецъ; по сему гайдамаки въ Малороссіи значатъ то же, что ускоки у славянъ иллирійскихъ.

***) Толокно—мука изъ пересушеннаго овса.

Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ чумакованьи, то есть поѣздкахъ за рыбою и солью, малороссіяне запасались всегда небольшимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы, которую называютъ они кулишъ. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ простодушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они останавливаются въ полѣ, разводятъ огонь и всѣмъ кошемъ, т. е. артелью, садяться за кашицу, которую варитъ для нихъ такъ называемый кашеваръ. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по степнымъ полямъ Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мелькающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разстояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

****) Чура—слуга.

Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ.
Дружины грозныя громили
Селенія и грады—въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

«Однажды, увлеченъ отвагой,
Я, съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ
Ударилъ на толпу враговъ.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смѣшалися въ рядахъ,
И строясь далѣ, на холмахъ,
Намъ уступили поле драки.
Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонутъ, и трясутся...
Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ;
Враги все болѣ насъ стѣсняли,
И, наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой.
И раненый, и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

«Ужъ Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежомъ родной страны
Ужъ хутора*) вдали мелькали.
Ужъ въ куреняхъ**) я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ—вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близь границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

«Одинъ, вблизи степной могилы,***)
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я, мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.
«Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;

*) Хуторъ—небольшая деревушка, часто одинъ домъ, среди поля или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти таковые хутора строются при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрытіемъ чапыжника (дробнолѣсья).

**) Курень—хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе черноморскіе казаки. Нѣсколько таковыхъ куреней состоятъ подъ вѣдѣніемъ куреннаго, или старшины, назначаемаго отъ начальства.

***) Курганы—высокія земляныя насыпи, видимыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украйны. Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ столь частыхъ сшибокъ, бывшихъ у малороссіянъ съ всегдашними ихъ врагами, татарами, и во время отторженія ихъ отъ Польши — съ поляками. Въ таковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ находятъ кости и волосы человѣческіе, недотлѣвшіе лоскутки одеждъ, отломки оружій, старинныя монеты, скляницы, и т. п. *Иногда* же цѣлый рядъ таковыхъ кургановъ, идущій на далекое пространство *по одному направленію*, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы ведетами или *подзорными возвышеніями*, для наблюденія за непріятелемъ. Таковыхъ кургановъ много *можно видѣть по* древнимъ границамъ Малороссіи и Украины съ ордою Крымскою, *особливо въ губерніяхъ*: Слободско-Украинской и Полтавской.

Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю: покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

«О, незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ ого съ тѣхъ поръ.
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежный
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ
Въ моей казачкѣ черноокой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокій.
Въ часы безсонницы моей
Она, приникнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степныя травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасный взоръ бродилъ...
И я казачку непримѣтно

Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь;
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала...
Настала счастія пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душей, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли,
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ.
«Три года молніей промчались
Подъ кровомъ хижины простой;
Съ моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,
Съ казачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
Угрюмый гетманъ насъ любилъ,
Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ милыхъ,
И, наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринъ насъ переманилъ.

«Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ; но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось.
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой:
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій.
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики
«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Молчалъ—и собиралъ полки.
Однажды, позднею порою,
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ.
Вхожу—и слышу: «Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;

Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но напередъ завѣрь меня,
Что ты, при случаѣ, себя
Не пожалѣешь за Украйну»
— «Готовъ всѣ жертвы я принесть»,
Воскликнулъ я, «странѣ родимой
Отдамъ дѣтей съ женой любимой.
Себѣ одну оставлю честь».
Глаза Мазепы засверкали,
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:

«Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы.
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не увижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ сй—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра;
Но—покоряяся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье,
Успѣхъ не вѣренъ—и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье!
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!» [1])

«Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепѣ предался я слѣпо.
И другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.
Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя...
Быть можетъ увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему,
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой;
Но, ахъ, вдали страны родной
Могу ль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой,
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой,
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною...
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,

[1]) *Въ Лейпцигскомъ* изд. эта строка пропущена.

Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ, или со славой [1])
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы, умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я—и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ:
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучъ одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.

Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ...
«Видалъ ли ты когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,

Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя въ невѣдомыя степи?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

«Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ;
Я степи кровью обагрилъ
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ.

«Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили,
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ
Часъ битвы роковой приспѣлъ—
И мы отчизну погубили!

Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ.
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

«Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони

[1]) *Иль славой.*

Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...

«Однажды въ полночь, подъ лѣскомъ,
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая;
Луну затмили облака,
И тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,

Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа подъ костромъ сосновымъ,
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу, открывался мнѣ:

«О какъ невѣрны наши блага!
О какъ подвластны мы судьбѣ!
Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
Уже насталъ конецъ борьбѣ!
Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Свободу, славу и покой...

Но мнѣ ли духомъ унижаться?
Не буду рока я рабомъ!
И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
Когда сражался я съ Петромъ?
Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ и я—мы оба правы:
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей».—

«Замолкнулъ онъ... Глаза сверкали...
Дивился я его уму.
Дрова, треща, ужъ догорали.
Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
Облокотяся, вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
«Что новаго въ странѣ родной?»
—«Я изъ Батурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:
Народъ Петра благословлялъ
И, радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ.
Тебя жъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду...
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь—и брань, и поношенье!»

«Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ—
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,

Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

«Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

«Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
«Быть можетъ — думалъ я, рыдая—
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,

Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминать!..»
«Увы, предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

«Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ,
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ,
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрый,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

«Вотъ, вотъ они!.. При нихъ палачъ!»
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху.
«Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова ..
И вотъ другая!...Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!..»

«То въ ужасѣ порой съ одра
Бросался онъ въ мои объятія:
«Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ...
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Тамъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:
Мазепа проклятъ въ родъ и родъ —
Онъ погубить хотѣлъ народъ!»

«То, трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То, дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ;
То, въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ,

«Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;

Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку...
Къ нему я бросился, взялъ руку:
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрѣли,
Потъ проступалъ: онъ отходилъ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
«О Петръ! О родина!— воскликнулъ.

Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ;
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ
И вздохъ послѣдній испустилъ...
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ:
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной...

«День грустныхъ похоронъ насталъ!
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали,
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О, странникъ! Всѣ предузнавали,
Что мы съ Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы, послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.
Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокій овладѣлъ.
Я былъ ужъ на краю могилы;
Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

«Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ—
Разсѣять мракъ своей печали.
Но, ахъ, напрасно! Рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій, стремился:
Я схваченъ былъ толпой враговъ—
И въ вѣчной ссылкѣ очутился
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ...

«Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ.

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ—врага иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу-ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутной
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютной,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

«Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой.
Передо мной скалы и лѣсъ
Градой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тельникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ.
Въ боку былъ виденъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита,
Я къ ней... И что же?.. Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..

«Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы, я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.
«Ахъ, говорить ли, странникъ мой
Тебѣ о радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней!...
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ...

«Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять:
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать,
Но, ахъ! недолго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой
Съ весной, примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болѣзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ...
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея:
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.

Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасный!

«Мой другъ!» сказала мнѣ она:
«Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана:
Но, другъ, есть лучшая страна!
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, такъ! Мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать..»

Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей,
И наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной!

«Могильный, грустный холмъ ея
Близъ юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я порою
На немъ въ безмолвіи сижу
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Все воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

«О, странникъ! Память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.
«Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милый!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зналъ москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить..
. . . . *)
. . . .
«Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Въ дѣлахъ онъ истинно великъ.

Но онъ достоинъ укоризны—
Сограждан самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ-бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода!..»
Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица исчезнулъ мракъ печали
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
О чемъ страдалецъ сей молился;

Онъ самъ невольно прослезился
И несчастливцу руку далъ,

*) *Точки въ рукописи.*

Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, до-могильной...

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой.
Въ пустынѣ странникъ просвѣщенный
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ молчалъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной.
Кровъ одинокій и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.
«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я

Скажу: окончены страданья!
Мой другъ покинь, страну изгнанья
Лети въ родимые края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенье земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.

Никто встрѣчать его нейдетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной:
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Все въ запустѣньи! мыслитъ странникъ,
Куда-жъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей,
И наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной!

«Могильный, грустный холмъ ея
Близъ юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я порою
На немъ въ безмолвіи сижу
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Все воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

«О, странникъ! Память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.
«Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милый!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зналъ москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить..
. . . . *)
. . . .
«Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Въ дѣлахъ онъ истинно великъ.

Но онъ достоинъ укоризны—
Сограждан самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ-бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода!..»
Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица исчезнулъ мракъ печали
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
О чемъ страдалецъ сей молился;

Онъ самъ невольно прослезился
И несчастливцу руку далъ,

*) Точки въ рукописи.

Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной...

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой.
Въ пустынѣ странникъ просвѣщенный
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ молчалъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной.
Кровъ одинокій и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.
«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я

Скажу: окончены страданья!
Мой другъ покинь, страну изгнанья
Лети въ родимые края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенье земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.

Никто встрѣчать его нейдетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной:
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Все въ запустѣньи! мыслитъ странникъ,
Куда-жъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

НАЛИВАЙКО.

(Отрывки изъ поэмы [1]).

Программа: Сельская картина. Нравы малороссіянъ. Кіевъ. Чувства Наливайки. Картина Украины. Уніаты, евреи, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ... [2]) Смерть старосты. Возстаніе народа. Наливайко—гетманъ. Новыя жестокости поляковъ. Походъ. Сраженіе. Тризна. Миръ. Лобода и Наливайко въ Варшавѣ. Казнь ихъ. Эпилогъ. Здѣсь же приписано: Церковь. Пещера. Походъ казаковъ [3]). Молитва Наливайки. Онъ можетъ и не хочетъ бѣжать. Наливайко въ темницѣ.

I. КІЕВЪ.

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ.
Какъ все измѣнчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ бреговъ высокихъ
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы.
Среди хазаръ и печенѣговъ,
Дружиной витязей хранимъ,
Онъ посмѣвался, невредимъ,
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса,
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились въ небеса
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней;
Все Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей:
Дворцы, сребро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей—
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужъ болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой,
Стоитъ какъ памятникъ надгробный
Надъ угнетенною страной [4]).

---

[1]) Отрывки изъ поэмы „Наливайко" напечатаны въ „Полярной Звѣздѣ" 1825 г.: Кіевъ (стр. 185—186); „Смерть старосты" (30—31 стр.); „Исповѣдь" (370—372 стр.). Перепеч. въ „Рус. Стар." 1871 г. № 1 и 72 № 5. Въ изданіи Ефремова вошли лишь три отрывка:—Кіевъ, „Смерть старосты" и „Исповѣдь". Якушкинъ сообщилъ текстъ другихъ отрывковъ по рукописямъ Рылѣева и разночтенія. В. Евр. 1888 г. № 12. Отсюда всѣ отрывки были перепечатаны лишь въ изданіи Мазаева 93 и 95 гг. (Г. Б.).

[2]) Не разобрано.

[3]) *Курсивомъ* отпечатаны исполненныя части плана.

[4]) *Перв. напеч.* Полярная Звѣзда 1825.

II. КАРТИНА УКРАИНЫ. ЧУВСТВА НАЛИВАЙКИ.

Блеститъ весна; ея дыханьемъ,
Какъ бы волшебнымъ
врачеваньемъ,
Край утѣсненный оживленъ.
Все отрясаетъ зимній сонъ:
Пестрѣетъ степь, цвѣтетъ долина,
Одѣлся лѣсъ, стада бѣгутъ,
Тяжелый плугъ поселянина
Волы послушные влекутъ;
Кружится жаворонокъ звонкій;
Лазурный тихій небосклонъ,
И воздухъ чистый, воздухъ тонкій
Благоуханьемъ напоенъ.
Всѣ веселятся, всѣ ликуютъ,
Веснѣ цвѣтущей каждый радъ;
Полякъ, еврей и уніатъ
Безпечно, буйственно пируютъ.
Всѣ радостью оживлены;
Одни украинцы тоскуютъ,
И имъ не въ праздникъ пиръ
весны.
Что за веселье безъ свободы,
Что за весна—весна рабовъ!
Имъ чужды всѣ красы природы,
Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ
гробовъ.
Печали облако не сходитъ
Съ ихъ истомленнаго лица;
На души ихъ, на ихъ сердца
Все новую тоску наводитъ.
Лазурь небесъ, цвѣты полей
Имъ не отрадны, имъ не дивны;
Глядятъ уныло на дѣтей,
Всѣ радости для нихъ противны,
И пѣсни дѣвъ ихъ заунывны,
Какъ заунывенъ звукъ цѣпей [1]).
Но Наливайко всѣхъ сильнѣй
Томится думою и страждетъ;
Его душа чего-то жаждетъ,
Онъ что-то на сердцѣ таитъ;
Друзей, родныхъ, семьи бѣжитъ,
Одинъ въ степи пустынной бродитъ
Нерѣдко онъ по цѣлымъ днямъ;
Ему отрадно, сладко тамъ,
Тамъ грусть душевную отводитъ
Въ бесѣдѣ онъ съ самимъ собой
И изъ глуши въ Чигиринъ свой
Назадъ спокойнѣе приходитъ [2])

III. РАЗГОВОРЪ СЪ ЛОБОДОЙ.

Ты другъ давно мнѣ, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь къ родному краю
Я уважалъ, я чтилъ всегда;
Ты ненавидишь какъ злодѣевъ
И дерзкихъ ляховъ, и евреевъ;
Но ты отецъ, но ты супругъ,
А ужъ давно пора, мой другъ,

---

[1]) Въ одномъ черновикѣ здѣсь слѣдуетъ продолженіе:

„О какъ несносно, какъ ужасно
Подъ иго чуждое подпасть
И послѣ вольности прекрасной
Враговъ насильственную власть“...

[2]) Къ этому мѣсту есть варьянтъ, гдѣ дается объясненіе отрадному состоянію Наливайко въ степи:

Въ степи душѣ его просторъ,
Въ степи свободнѣе онъ дышетъ,
Тамъ ляховъ не встрѣчаетъ взоръ
И воплей земляковъ не слышенъ...

Кромѣ того имѣемъ еще слѣдующее четверостишье, при описаніи скитаній Наливайко:

Вражда къ тиранамъ непримѣтна;
Спокойны гордые умы;
Но такъ порой спокойна Этна
Подъ хладнымъ черепомъ зимы.

Вѣстн. Евр. 88, № 12.

Быть не мужьями, а мужами.
Всѣхъ оковалъ какой-то страхъ;
Всѣ пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный ляхъ
Ругается надъ казаками...
—Ты правъ, мой другъ: люблю родныхъ;
Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ.
Нѣтъ, не одна къ женѣ любовь
Мой умъ быть осторожнѣй учитъ,
Нерѣдко дума сердце мучитъ:
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вотъ я чего, мой другъ, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навѣкъ страною будетъ плача [1]).

* * *

«Забывъ вражду великодушно [2]),
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!.. [3])

IV. СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКАГО СТАРОСТЫ.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамакѣ ворономъ
По степи мчится Наливайко.
Какъ вихорь бурный конь летитъ,
По вѣтру хвостъ и грива вьется,
Густая пыль изъ-подъ копытъ
Какъ облако во слѣдъ несется...
Летитъ... привсталъ на стременахъ,
Въ туманъ далекій взоры топитъ,
Узрѣлъ—и съ яростью въ очахъ
Коня и нудитъ, и торопитъ...
Какъ точка передъ нимъ вдали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ;
Вотъ отдѣлилась отъ земли,
Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ,
И наконецъ, на вышинѣ,
Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной
Вдругъ показался на конѣ
Красивый всадникъ съ пикой длинной...

---

[1]) Приводя это мѣсто. Якушкинъ пишетъ: „Наливайко не тотчасъ рѣшился на возстаніе противъ ляховъ; его мучило сомнѣніе, не ухудшитъ ли неудачное возстаніе положеніе его земляковъ". Это не совсѣмъ такъ; у Наливайко не было сомнѣнія ни на минуту, высказываетъ другъ Лобода, на что получаетъ въ отвѣтъ отъ Наливайко, что его жребій ненавидѣть равно тирановъ и рабовъ, т.-е. людей, могущихъ хладнокровно или разсчетливо переносить горе родной страны. (Г. Б.)

[2]) Сравненіе ненависти къ тирану съ ненавистью къ рабамъ выражено еще въ слѣдующихъ стихахъ:

Нѣтъ примиренья, нѣтъ условій
Между тираномъ и рабомъ;
Тутъ надо не чернилъ, а крови,
Намъ должно дѣйствовать мечемъ.

[3]) О рабахъ еще встрѣчаемъ:

Нѣтъ, нѣтъ, невольникъ не въ силахъ
Пылать огнемъ высокихъ думъ;
Не кровь—вода течетъ въ ихъ жилахъ,
Ихъ чувства спятъ, ихъ дремлетъ умъ.

Вѣстникъ Европы 1888 г., № 12, (Г. Б.)

Казакъ коня быстрѣй погналъ;
Въ его очахъ веселье злое...
И вотъ—почти ужъ доскакалъ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпясь ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младого ляха подъ собою.
Летитъ какъ ястребъ витязь вслѣдъ;
Коня измученнаго колетъ
Или въ ребро, или въ хребетъ
И въ дальный бѣгъ его неволитъ.
Напрасно ногу бѣдный ляхъ
Освободить изъ стремя рвется—
Летитъ, глотая черный прахъ,
И слѣдъ кровавый остается...

V. НАЛИВАЙКО ВЪ ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ.

Протяжный звонъ колоколовъ
Въ Печерской лаврѣ раздавался;
Съ разсвѣтомъ изъ своихъ домовъ
Народъ къ заутренѣ стекался.
Одинъ, поодаль отъ другихъ,
Шелъ Наливайко...
Къ жилищу мертвецовъ святыхъ,
И непритворное смиренье
Въ очахъ яснѣло голубыхъ.
Какъ чтитель ревностный закона,
Къ вратамъ ограды подойдя,
Крестомъ онъ осѣнилъ себя
И сдѣлалъ три земныхъ поклона.
Вотъ въ церкви онъ. Идетъ служенье,
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ,
Сребромъ и златомъ блещетъ храмъ,
И кротко-сладостное пѣнье
Возноситъ души къ небесамъ.
Въ углу, отъ всѣхъ уединенно,
Колѣни преклоня смиренно,
Онъ сталъ. Въ богатыхъ жемчугахъ
Предъ нимъ Маріи ликъ сіяетъ.
Объ угнетенныхъ землякахъ
Онъ къ ней молитвы возсылаетъ;
Лицо горитъ, и какъ алмазъ,
Какъ драгоцѣнный перлъ, изъ глазъ
Слеза порою упадаетъ.
Такъ цѣлый постъ его встрѣчали [1])
На каждой службѣ въ церкви сей...

VI. ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКИ. *)

Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу—
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.

---

[1]) Въ другой рукописи здѣсь такъ:
Такъ для него прошло семь дней;
. . . . . молитвъ не пропуская,
. . . . . . вотъ страстная...
Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

*) Буйство и утѣсненія поляковъ на Украйнѣ переполнили мѣру терпѣнія казацкаго. Мститель ихъ Наливайко, убивъ чигиринскаго старосту, рѣшается освободить отечество отъ ляховъ, поправшихъ святость договоровъ презрѣніемъ къ правамъ казаковъ, и чистоту вѣры мучительнымъ введеніемъ уніи. Передъ исполненіемъ сего важнаго предпріятія, онъ, какъ благоговѣйный сынъ церкви, очищаетъ душу постомъ и отдаетъ исповѣдь печерскому схимнику.—К. Р.

«Итакъ ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть—рай!...

«Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все изчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ—
Какъ стаи кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ
Ему никто, никто не внемлетъ:
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
«Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
«Пора губить враговъ Украйны!»

«Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—[1])
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!»

VII. ПОХОДЪ КАЗАКОВЪ.

Вѣетъ, вѣетъ, повѣваетъ
Тихій вѣтръ съ днѣпровскихъ водъ...
Войско храбрыхъ выступаетъ
Съ шумной радостью въ походъ.
Полкъ за полкомъ безбрежной степью—
Иль тянутся лѣсистой цѣпью,
Или несутся на рысяхъ.
По сторонамъ на скакунахъ
Гарцуютъ удальцы лихіе;
То быстро, какъ орлы степные,
Изъ глазъ умчатся, то порой,
Дразня другъ друга, ѣдутъ тихо,
То вскачь опять, опять стрѣлой
И вдаль полковъ несутся лихо.
Вслѣдъ за войскомъ идутъ вьюки...
Свирѣлей, трубъ, чремокъ звуки,
И гаркъ летящихъ удальцовъ,
И шумъ, и пѣнье казаковъ,—
Все Наливайку веселило,
Все добрымъ предвѣщаньемъ было.

[1]) Безтужевъ утверждаетъ, что Рылѣевъ предчувствовалъ о той участи, которая его ожидала. Намъ конечно трудно отдѣлаться отъ нѣкотораго страннаго чувства при чтеніи этого мѣста и другихъ подобныхъ при сравненіи съ дѣйствительностью, которая постигла Рылѣева и его друзе . Смерть на плахѣ за родину, ссылка въ Сибирь—одно изъ любимыхъ положеній въ въ произведеніяхъ поэта; Варіаціи на эту тему мы встрѣчаемъ не одинъ разъ, но въ этомъ мѣстѣ это предсказаніе выражено наиболѣе сильно. (Г. Б.)

«Смотри,—онъ Лободѣ сказалъ,—
Какъ измѣнилось все. Давно-ли
Казакъ съ печали увядалъ,
Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
Возьмутъ свое права природы;
Безсмертна къ родинѣ любовь;
Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни
вновь».

VIII. ЛАГЕРИ ПОЛЯКОВЪ и КАЗАКОВЪ.

Глухая ночь. Молчитъ рѣка.
Луна сокрылась въ облака,
И Чигиринъ и оба стана
Обвиты саваномъ тумана.
Вокругъ костровъ шумятъ и пьютъ
Толпами буйные поляки;
Ихъ души яростныя ждутъ,
Какъ праздника, кровавой драки.
Одни враговъ своихъ клянутъ,
Другіе спорятъ, тѣ поютъ,
Тотъ, богохульствуя хохочетъ,
Тотъ хвалится лихимъ конемъ,
Тотъ саблю дѣдовскую точитъ
И дерзостно надъ казакомъ
Побѣду землякамъ пророчитъ.
Въ кунтушѣ пышномъ, на коврѣ,
Жолкевскій спитъ въ своемъ
шатрѣ.
Надъ нимъ летаетъ страшный
сонъ: [1])
Въ Варшавѣ площадь видитъ онъ;
На площади костеръ высокій,
Въ срединѣ—столбъ. Палачъ
жестокій
Кого-то въ саванѣ влечетъ;
Вослѣдъ ему народъ толпами
Изъ улицъ медленно идетъ
И головы свои несетъ
Окрававленными руками,
Поднявъ ихъ страшно надъ
плечами...
Вотъ неизвѣстный съ палачемъ
Къ костру подходитъ безъ боязни.
Взошли... Безмолвіе кругомъ...
Вотъ хладный исполнитель казни
Его къ столпу ужъ привязалъ,
Зажегъ костеръ, костеръ вспылалъ,
И надъ высокими домами
Понесся черный дымъ клубами.
Вдругъ въ небесахъ раздался гласъ:
«Свершилось все! На васъ, на
васъ
Страдальца кровь и шумъ
проклятій!
Погибъ,—но онъ погибъ за
братій!»
Народъ ужасно застоналъ,
Кругомъ костра толпиться сталъ
И, головы бросая въ пламень
Назадъ по площади бѣжалъ
И упадалъ на хладный камень...
Все тихо... Только кровь шумитъ...
Во снѣ Жолкевскій страшно
стонетъ,
Трепещетъ, молится... Вдругъ
зритъ,
Что онъ въ волнахъ кровавыхъ
тонетъ...
Душа невольно обмерла;
Сонъ отлетѣлъ; въ шатрѣ лишь
мгла,
Но онъ, но онъ еще не знаетъ,
Что въ крупныхъ капляхъ
упадаетъ—
Иль кровь, иль потъ съ его чела...
Межъ тѣмъ, потопленный въ
туманахъ,
Казацкій таборъ на курганахъ
Спокойно дремлетъ вдоль рѣки;
Какъ звѣзды въ небесахъ
пустынныхъ,
Кой-гдѣ чуть свѣтятъ огоньки;
Вкругъ нихъ у коневязей
длинныхъ

[1]) Описаніе сна сохранилось въ нѣсколькихъ редакціяхъ, мало отличающихся другъ отъ друга; приводимая здѣсь на нашъ взглядъ наиболѣе отдѣланная.

Лежатъ рядами казаки.
Сны благодатные надъ ними
Летаютъ рѣзвою толпой:
Тотъ зритъ себя между родными
Подъ кровомъ хижины родной;
Сей, по Днѣпру раскинувъ сѣти,
Обратно къ берегу плыветъ;
Вотъ сотни рыбъ на ставъ влечетъ...
Напрасно Тясминъ быстры воды,
Шумя, въ очеретахъ струитъ,
Напрасно, вѣстникъ непогоды,
Вѣтръ буйный по степи шумитъ:
Спятъ сладко ратники свободы,
Ихъ сна ничто не возмутитъ...

IX. МОЛИТВА НАЛИВАЙКИ.

Ты зришь, о Боже всемогущій!
Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
Какъ дубъ, на темѣ горъ растущій,
Тирановъ дерзость возрасла.
Я не виновенъ, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
Войну воздвигъ я не для славы,—
Я поднялъ мечь за край родной.
Ты лицемѣровъ ненавидишь,
Ты грозно обличаешь ихъ;
Ты съ высоты небесъ святыхъ
На днѣ морскомъ песчинку видишь;
Ты проницаешь, мой Творецъ,
Въ изгибы тайные сердецъ...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: «ХМѢЛЬНИЦКІЙ» [1])

ГАЙДАМАКЪ.

Осенней ночью близь кургана,
Въ степи глухой, у огонька,
Сидятъ одни во мглѣ тумана
Два запорожскихъ казака.
Напрасно зоркія ихъ очи
Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ;
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо:
Кругомъ все сумрачно и глухо;
Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ
Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ...
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ,
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ...
«Гдѣ запоздалъ онъ?... Ужъ пора
Ему примчаться. Отъ Днѣпра
Тутъ недалеко... Конь надежный
Съ нимъ и въ такую ночь никакъ

---

[1]) Напечатанъ въ Соревн. Просв. 1825 г. ч. XXX, № 4. Въ Рус. Стар. 1871 г. № 1 приведены обширныя разночтенія по семи рукописямъ, принадлежащимъ Булгарину. Мы не приводимъ разночтеній, такъ какъ ихъ очень много и весь этотъ отрывокъ представляетъ не больше не меньше какъ черновой набросокъ, не получившій окончательной редакціи. (Г. Б.).

Съ дороги сбиться невозможно;
Удалъ отважный Гайдамакъ!
Пусть ночь, удвоя черный мракъ
На степь унылую наляжетъ,—
Казакъ всегда казакъ: ему
На Запорожіе сквозь тьму
Пустынный вѣтеръ путь укажетъ...
«Не подстерегъ ли удальца
Въ глуши татаринъ кровожадный?
Ну, чтожъ? Пусть такъ, у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной.
И въ ясный день, и въ часъ ночной
Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
Стрежетъ враговъ въ травѣ густой,
Иль рыщетъ по степи шакаломъ...
«Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ быть гайдамакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
И къ хищнымъ крымцамъ, и къ полякамъ.
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ—все родъ высокій
Изображало въ пришлецѣ;
Прекрасенъ гость былъ черноокой,
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ...
«Всѣ, полюбя его, ласкали,
Шутили съ нимъ средь шумныхъ игръ;
Но разогнать его печали
Не могъ никто... Какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ, нахмуря брови,
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любви
Леталъ въ пустынѣ на конѣ
И, увядая въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови...
«Сбылось желанье. Саранчей
Мы понеслися подъ Очаковъ,
И удальствомъ пришлецъ младой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.
«Суровъ и дикъ, и одинокъ,
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый,
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ съ тайной думой.
Печаль, какъ черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожитъ
Его повсюду и всегда;
Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
Ея разсѣять онъ не можетъ.
«Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя;
Его душѣ нужна война;
Опасность, кровь и шумъ военный
Одни его животворятъ,
И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
Душѣ встревоженной дарятъ.
Толпой и крымцы, и поляки
Не разъ гонимы были имъ;
Какъ Божій гнѣвъ ужасны съ нимъ
Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки...
«Въ немъ не волнуетъ уже кровь —
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтной;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила...
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы, хотя на мигъ единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ замкѣ богача,

Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ
пустыни,
Какъ гнѣвъ небесный—саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ
хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не
внимая
Вонзилъ онъ съ хохотомъ
булатъ...»
Такъ говорили межъ собою
Про гайдамака-молодца
Два запорожскихъ удальца...
Межъ тѣмъ уже началъ за рѣкою
Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ
А запорожца нѣтъ какъ нѣтъ.
Несется ночь... и вотъ зарею
Занялся сумрачный востокъ,
Сильнѣй зашевелилъ травою
Передразсвѣтный вѣтерокъ;
Ужъ погасаетъ огонекъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ...
Вдругъ конскій топотъ раздается,
Какъ шумъ глухой, издалека;
Вотъ громче, ближе... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною
Своихъ товарищей узналъ,
Помчался къ нимъ, летитъ
стрѣлою,
И подбѣжавши вдругъ заржалъ,
Запрялъ ушами—и упалъ
Почти недвижный, бездыханный..
По шеѣ кровь бѣжитъ изъ
раны.
Расколотъ рыцарскій сайдакъ.
И безобразными клоками,
Обрызганъ кровью, межъ ногами
Виситъ разорванный чепракъ...
И гдѣ же грозный гайдамакъ,
Краса и слава вольной Сѣчи?
Погибъ... но гдѣ, когда и какъ,
И при какой враждебной
встрѣчѣ?..
Быть можетъ, дерзкою толпой
Въ глуши захваченный въ неволю,
Въ темницѣ душной и сырой
Клянетъ въ цѣпяхъ свою онъ
долю;
Иль крымскимъ хищникомъ убитъ;
Въ степи пустынной онъ лежитъ
И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи...

ПАЛѢЙ.

I.

Не тучи солнце обступали,
Не вѣтры въ полѣ бушевали:
Палѣя съ горстью казаковъ, [1])
Толпы несмѣтныя враговъ
Въ пустыномъ полѣ окружали... [2])
Куда укрыться молодцу?
Какъ избѣжать неравной драки?
И тамъ, и здѣсь—вездѣ поляки...

---

[1]) *Горсть запорожскихъ казаковъ.*

[2]) *Съ ихъ атаманомъ окружали.*

По смуглому его лицу
Давно ужъ градомъ потъ катится;
Отъ мѣткаго свинца валится
Съ коня казакъ за казакомъ...
Уже обхваченъ онъ кругомъ...
Ужъ плѣнъ ему грозитъ позорный...
Но вдругъ, одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется онъ, какъ вѣтръ нагорный
Вотъ вправо, влѣво—и къ рѣкѣ.
Коню проворною рукою
Набросилъ на глаза башлыкъ,
Самъ головой къ лукѣ приникъ,
Ударилъ плетью—и стрѣлою
Слетѣлъ съ бреговъ, отваги полнъ;
И вотъ средь брызговъ и средь волнъ
Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...
Бушуетъ вѣтръ, рѣка реветъ...
Ужъ онъ спокойно на срединѣ
Днѣпра шумящаго плыветъ.
Враги напрасно мечутъ стрѣлы,
Свинецъ напрасно тратятъ свой;
Разитъ лишь воздухъ онъ пустой—
И невредимо витязь смѣлый
Выходитъ на берегъ крутой.
Конь опѣненный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржалъ..
Палѣй съ насмѣшкой оглянулся,
Врагамъ проклятіе послалъ
И въ степь глухую ускакалъ...

Сѣверная Пчела 1825, № 2.

II.

Что ты задумалъ, хитрый Мазепа,
Что ты замыслилъ, гетманъ сѣдой...
. . . .
(пѣсня сторонниковъ мазепы) [1]).
Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечемъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь!

Вѣстникъ Европы 1888, № 12.

ПАРТИЗАНЫ.

(отрывокъ).

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
Отрядъ наѣздниковъ сидитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ;
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
Надулась черная рѣка,
И молніи вдали сверкаютъ.
Плащи навѣшаны шатромъ

[1]) Этотъ сильный отрывокъ изображаетъ рѣшимость сторонниковъ Мазепы, которые дѣйствительно изъ любви къ родинѣ и изъ желанія добыть ей свободу послѣдовали за измѣной гетмана. Очевидно это отрывокъ изъ Думы о Мазепѣ, *которую собирался* написать Рылѣевъ. (Г. Б.).

На пикахъ, вглубь земли
вонзенныхъ;
Биваки въ сумракѣ ночномъ
Вокругъ костровъ
воспламененныхъ...
Средь нихъ толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы.
Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ.
Заботы трудны боевыя,
Но веселъ шумный ихъ ночлегъ.
Живой бесѣдой сокращаютъ
Они другъ другу часъ ночной;
Дѣла вождей страны родной
Воспоминаньемъ оживляютъ
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

ПѢСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ
Но мы не спимъ, мы надзираемъ
И вдругъ на станъ со всѣхъ
сторонъ
Какъ снѣгъ внезапный налетаемъ.
Въ одно мгновенье врагъ
разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.
Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ
густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.
Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами
встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча...
Такъ сонмы ратниковъ простыхъ
Досугъ безпечный провождали...

Сѣверные Цвѣты 1828 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ВРЕМЕНЩИКУ.

(Подражаніе Персіевой сатирѣ: „Къ Рубеллію").

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобою униженьямъ!
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.

Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны;
Сеянъ! и самые цари безъ нихъ—презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...

О мужъ, достойный мужъ! почто не можешь снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, или врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи:
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь;
Твои дѣла тебя изобличатъ народу:
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство! [1])

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

ОДА.

Кто этотъ [1]) дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?

Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой

[1]) За 10 лѣтъ до появленія еще сатиры Рылѣева извѣстный писатель М. Милоновъ напечаталъ также Сатиру «Къ Рубеллію» и приписалъ ее Персію. Она едва-ли мѣтила на Аракчеева; скорѣе была простой сатирой на придворнаго льстеца. Весьма вѣроятно, что именно эта сатира натолкнула Рылѣева выступить съ вызовомъ къ временщику—Аракчееву. Что это легко могло случиться, указываютъ намъ слѣдующіе стихи, очень близкіе къ одѣ Рылѣева:

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблесть ли души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ свой взглядъ!..
Ты думаешь сокрыть дѣла твои отъ міра
Въ мракъ гроба? Но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,—
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!..

Самъ размѣръ обѣихъ сатиръ указываетъ на извѣстное родство между ними. «Къ временщику» Рылѣева было первоначально напечатано въ Невскомъ Зрителѣ 1820 г. т. 4 кн. 10, съ подписью «Рылѣевъ». Это былое первое, по времени напечатанія, его стихотвореніе. Современники скоро узнали, въ кого мѣтилъ поэтъ и ждали жестокихъ каръ, но онъ не посмѣлъ узнать свой правдивый портретъ и гроза миновала. Послѣ стихотвореніе было много разъ перепечатано полностью и въ выдержкахъ. (Г. Б.).

[2]) *Кто*, кто сей дивный великанъ.

И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?
Не ты ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ,
О доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ [2]).
Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ [3]) презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.
Ты, ты [4]), которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукій:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И былъ столпомъ [5]) Екатерины.
Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ—достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.
Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи,
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—
Ничто предъ доблестью гражданской.
Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы, Аттилъ, Наполеоновъ [6])
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицероновъ?..
Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ [7]), и двухъ Катоновъ,
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней [8]),
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?
О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;

---

[2]) Надежного опорой троновъ!
[3]) Вражду.
[4]) О той, которая.
[5]) И перломъ быть.
[6]) Атилъ и Цезарей и Бронновъ (несомнѣнно опечатка).
[7]) Духъ, и духъ (очевидно неразобрано).
[8]) Екатерининскихъ временъ. Для блага сѣверныхъ племенъ.

Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ
странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ:
Онъ наступилъ ему на выю.
Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.
Такъ въ грозной [9]) красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ
мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ
гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ
свистомъ;
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой
горделивый [10]).

1823.

ВИДѢНІЕ.

ОДА НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА [11]).

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петрогра-
домъ
Екатерины тѣнь паритъ!
Кого-то ищетъ жаднымъ взгля-
домъ;

Чело величіемъ горитъ...
Но вотъ отъ устъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріем-
летъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То трепеща въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.
Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ,
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа,
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась

---

[9]) Дикой.

[10]) Первоначально напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» 56 г. кн. II. Въ Р. С. за 71 г. № 1 ода напечатана по неточному списку; потомъ была перепечатана Р. С. 71 г. № 11 съ рукописи Е. И. Якушкина. Кромѣ того въ 72 году была частью (всего 20 строкъ) напечатана въ XIX вѣкѣ Бартеньева съ черновика на письмѣ Булгарина, кромѣ того печаталась не разъ. Приводимъ разночтенія по лейпцигскому изданію, гдѣ перепечатано изъ «Полярной Звѣзды» 56 года кн. II.

[11]) *30 августа* 1823 года.

На легкомъ облакѣ какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестнымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный ликъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись
дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой [1]).

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ ца-
рей [2]).
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

«Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ стра-
нахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ
странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ [3]),
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари» [4]).

Къ изданію 23 года были приложены примѣчанія издателя, Булгарина.

[1]) Подъ именемъ святой правды здѣсь подразумѣвается Священный Союзъ, установленный для блага народовъ.

[2]) Сіе относится къ Западной Европѣ, гдѣ дерзостные осмѣлились возстать противъ законной, Богомъ уставленной власти, и пали на вѣки — и Европа спасена отъ ужасовъ безначалія.

[3]) Исторія не любитъ именовать живыхъ.—Карамзинъ, Истор. Гос. Рос. т. 9. стр. 427, строка 24.

Изъ этихъ примѣчаній всякій можетъ понять, какъ хорошо понялъ тонъ стихотворенія его издатель и какъ хорошо онъ зналъ поэта, котораго считалъ своимъ другомъ. О, если бы Рылѣевъ могъ знать въ гробу, кого онъ считалъ другомъ! Булгарина—шута и шпіона!..

[4]) Пер. нап. Литературные Листки 1823, № 3.

НА СМЕРТЬ БАЙРОНА [1]).

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальны?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмокла
Эллада средь [1]) святой борьбы;
Какою жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣ Ѳемистокла?
Чему на шаткомъ тронѣ радъ

Тиранъ [2]) роскошнаго Востока,
За что благодарить пророка
Спѣшатъ въ Стамбулѣ старъ и младъ!
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Весь [3]) катафалкъ огнемъ блеститъ
Въ прозрачномъ дымѣ ѳиміама.

Рыдая, вкругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа,
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ,
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Готовы вновь тягчить ее [4]),
Какъ будто идутъ на нее
Султанъ и грозная Россія...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.
Изъ океана своего

Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть, не будетъ ничего.
Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка;
Ихъ безпощадная рука
Преобразитъ поля въ пустыни.
Исчезнутъ порты въ тьмѣ временъ,

Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя армады,
Возникнетъ новый Карѳагенъ...
Но сердца подвигъ благородный
Пребудетъ для души младой [5])
Къ могилѣ Байрона святой
Всегда звѣздою путеводной.

---

[1]) Якушкинъ приводитъ слѣдующія интересныя справки по исторіи этого стихотворенія, которое долго считалось поддѣлкой; но теперь установлено съ несомнѣнностью, что оно принадлежитъ Рылѣеву.

Въ 1828 году нѣкто Ивановскій, служившій при Бенкендорфѣ, издалъ альманахъ, гдѣ между прочимъ было помѣщено стихотвореніе «На смерть Байрона», подписанное *** и помѣченное 25 годомъ. Но для того, чтобы не печатать стихи Рылѣева, даже безъ его имени, надо было нѣсколько ихъ измѣнить и смягчить; издателю пришлось быть очень осторожнымъ, чтобы какъ-нибудь не обратили вниманія на какое-нибудь выраженіе и не стали доискиваться автора. Поэтому Ивановскій измѣнилъ во многихъ мѣстахъ подлинникъ. Впрочемъ, сначала онъ думалъ отдѣлаться нѣкоторыми поясненіями къ тексту; такъ при стихѣ— «властей не признавалъ» —сдѣлана выноска:—въ поэзіи; при словахъ— «тираны и рабы» пояснено:—турки. Но очевидно онъ не былъ увѣренъ, что цензура тиранами сочтетъ только турокъ или что она повѣритъ, что кто-нибудь не признаетъ властей въ поэзіи, и и принялся измѣнять самый текстъ. Вотъ произведенныя поправки:

[1]) Попр.—въ дни.

[2]) — султана.

[3]) Попр. И.

[4]) Альб. Влачить опять она должна,
И вновь ярмомъ отягчена
Возникнувшей Эллады воля...

[5]) Альб. Не истребится никогда!
Къ могилѣ Байрона всегда
Звѣздой онъ будетъ путеводной

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ укажетъ
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей [6]) другихъ не признавалъ.

Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила [7]).

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ, отъ родины далекой,—
Убитый грустію жестокой,
О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
Друзья свободы и Эллады [8])
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы [9])
Его внезапной смерти рады.

X. ВѢРѢ НИКОЛАЕВНѢ СТОЛЫПИНОЙ.

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долгъ передъ тобою—
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой;
Пусть въ сонмѣ гордыхъ исполиновъ
На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
И смѣло скажемъ: «знайте—имъ
Отецъ—Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ»! [10])
1825.

---

[6]) Альб. «И дара музъ не унижали» а поправлено еще было такъ:
«Священный огнь въ груди питалъ».

[7]) Карандашемъ сдѣлано примѣчаніе:—его оскорбителей; чернилами подчеркнуто слово презрительныхъ, и приписано: Людей не вовсе разлюбила... Такъ и напечатано въ Альб.

[8]) Альб. Друзья терзаемой Эллады.

[9]) Карандашомъ замѣчено: «Турки», а внизу приписано:
Султана гордые рабы
Одни его кончинѣ рады.
Въ Альбомѣ Сѣв. музъ предпослѣдній стихъ:
Лишь Магометовы рабы.

Пер. нап. Альбомъ Сѣверныхъ Музъ 1828.—Вѣстникъ Европы 1888 № 12.

Это стихотвореніе для насъ интересно отношеніемъ Рылѣева къ Байрону. Рылѣевъ выдвигаетъ на первый планъ участіе Байрона въ борьбѣ за грековъ и вообще гордое свободолюбіе его генія. Вліяніе Байрона на русскую поэзію было очень сильно, но у нашихъ поэтовъ обыкновенно замѣчается именно недостатокъ пониманія общественнаго значенія Байрона, недостатокъ сочувствія къ этой сторонѣ его поэзіи. Въ этомъ отношеніи за Рылѣевымъ несомнѣнное преимущество, несомнѣнная заслуга. (Г. Б.)

[10]) Пер. напеч. Сѣверная Пчела № 57. Подписано Р. (Г. Б.).

* * *

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствуетъ народъ...
Оно молчитъ, святое мщенье,
И на царя не возстаетъ.
Подъ адскимъ игомъ самовластья,
Покорный вѣчному ярму,
Сердца не чувствуютъ несчастья
И умъ не вѣруетъ ему.
Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря:
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за царя. [1])
1824.

К. КАХОВСКОМУ [1]).

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ! нѣтъ! тому во вѣкъ
Со мною не случится...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ младой души —
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.
И такъ простите вы,
Краса благой природы —
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И миръ души моей,
И кровь уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды;
Гдѣ бъ дни его текли
Подъ сѣнью безмятежной,
Въ объятьяхъ дружбы нѣжной
И радостно любви. . . . .
1821 . . . .

---

[1]) Пер. напеч. «Полярная Звѣзда» 1859 г. кн. V; стихотвореніе приписывается Языкову. (Г. Б.).

[2]) Въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ онъ совѣтовалъ мнѣ навсегда остаться въ Украинѣ.—К. Р. Ефремовъ не печатаетъ въ своемъ изданіи слѣдующее окончаніе, находя его слабымъ:

Все это оставляя,
Пылающій поэтъ
Направилъ свой полетъ,
Совѣтамъ не внимая,
За чародѣйкой вслѣдъ.
Въ тревожномъ шумѣ свѣта,
Средь горя и заботъ,
Въ мои младыя лѣта,
Быть можетъ для поэта
Она вѣнокъ совьетъ.
Онъ мнѣ въ уединеньѣ,
Когда я буду сѣдъ,
Послужитъ въ утѣшенье
Средь дружескихъ бесѣдъ.
Рус. стар. 72 г. № 1.

Краса природы! совершенство!
Она моя! она моя!
Кто разорветъ мое блаженство?
Кто вырветъ дѣву у меня?
Пускай идутъ цари земные
Съ толпами воиновъ своихъ...
Что мнѣ снаряды боевые? [1])
Я смѣлой грудью встрѣчу ихъ.
Они со всей земною силой
Ее не вырвутъ у меня:
Ее возметъ она могила—
Она моя! она моя!
Она моя!—пускай возстанетъ
И адъ и небо на меня;
Пусть смерть грозою въ очи взглянетъ— [2])
Противъ всего отважусь я!
Пускай возстанутъ милліоны
Крылатыхъ демоновъ въ огнѣ
И серафимовъ легіоны—
Они совсѣмъ не страшны мнѣ!
Въ ней жизнь моя, моя отрада!
Что мнѣ аргангелъ, что мнѣ бѣсъ?
Я не страшусь ни казни ада,
Ни гнѣва страшнаго небесъ.
Пусть Богъ съ лазурнаго чертога
Придетъ меня съ ней разлучить—
Востану я и противъ Бога,
Чтобы ее не уступить.
И что мнѣ Богъ!—его не знаю...
Въ ней все святое для меня:
Ее одну я обожаю
Во всемъ пространствѣ бытія.
Я не убійца, не предатель;
Не дышетъ злобой грудь моя;
Но за нее и самъ Создатель
Затрепеталъ бы у меня.
Во мнѣ нѣтъ вѣры, нѣтъ законовъ!.
И чтобъ ее не уступить,
Готовъ царей низвергнуть съ троновъ
И Бога въ небѣ сокрушить.
Она одна моя святыня,
Всѣхъ радостей моихъ чертогъ...
Мнѣ безъ нея весь міръ— пустыня:
Она мой Богъ! она мой Богъ! [3])

---

[1]) Несутъ доспѣхи боевые.

[2]) Пускай смерть грозно въ очи взглянетъ...

[3]) Первон. напечат. въ лейпцигскомъ изданіи 1861 г. «Когда это стихотвореніе написано, говоритъ издатель,—положительно неизвѣстно; но, судя по стиху, оно должно относиться къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности поэта. Кромѣ приведенныхъ разночтеній, въ нѣкоторыхъ спискахъ вовсе нѣтъ стиховъ 21—28. Не трудно догадаться, что стихотвореніе никакъ не могло быть напечатано при жизни поэта. Припомнимъ, курьеза ради, тѣ размышленія цензора Красовскаго, которыми сопровождались литературныя произведенія въ царствованіе Александра I-го. Вотъ что писалъ Красовскій противъ стиха «И поняла, чего душа моя искала»:—«Надобно объяснить, чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о душѣ». Противъ стиховъ: «Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ дороже для меня вниманья всей вселенной...» онъ замѣчалъ «Сильно сказано; къ тому же во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно». На стихи: «Тебѣ лишь посвящать, разлуки не страшась, дыханье каждое и каждое мгновенье» онъ писалъ: «Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: Кто любитъ отца своего и мать паче Меня, тотъ нѣсть Меня достоинъ». Этого довольно для характеристики «свободы печати» временъ Александра. Ефремовъ не признаетъ эти стихотвореніе принадлежащими Рылѣеву, но его мнѣніемъ трудно руководиться. Единственное сомнѣніе можетъ вызвать это антирелигіозное настроеніе автора—Рылѣевъ былъ очень религіозенъ—но въ пылу поэтическаго вдохновенія, или сильнаго чувства онъ могъ высказать и мысли, лежащія въ стихотвореніи. (Г. Б.).

СТАНСЫ.

(А. А. Бестужеву).

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

1825.

Къ N. N.

Когда душа изнемогала
Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой,
Ты посѣтить, мой другъ, желала
Уединенный уголъ мой.

Твой голосъ нѣжный, взоръ волшебный
Хотѣлъ страдальца оживить,
Хотѣла ты покой цѣлебный
Въ взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвратили счастье
И исцѣлили мой недугъ.

Съ одра болѣзни роковова
Я всталъ и бодръ, и веселъ вновь—
И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.

Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится поневолѣ
Къ костру, въ безуміи слѣпомъ.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стоитъ.

Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній,
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.

Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я не знакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.

Лишь временно кажусь я слабъ,
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ—
Прощать обидъ я не умѣю.

Мнѣ не любовь (теперь) нужна,
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.

Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ [1])

Якушкинъ приводитъ слѣдующее окончаніе этого стихотворенія; это окончаніе даетъ совершенно другой тонъ и другое настроеніе поэта. Оно повторяется въ отрывкахъ поэмы «Наливайко».

ЭЛЕГІИ. [2])

I.

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты!
Себя напрасно я тревожилъ,
За страсть вполнѣ я награжденъ:
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ,
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.
Такъ, окропленъ росой отрадной
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ, ночью хладной
Полузавялый, василекъ.

II.

Покинь меня, мой юный другъ!
Твой взоръ, твой голосъ мнѣ опасенъ:
Я испыталъ любви недугъ
И знаю я, какъ онъ ужасенъ...
Но что безумный я сказалъ?
Къ чему укоры и упреки?
Ужъ я—твой узникъ, другъ жестокій,
Твой взоръ меня очаровалъ!
Я увлеченъ своей судьбою,
Я самъ къ погибели бѣгу;
Боюся встрѣтиться съ тобою,
А не встрѣчаться не могу.

Подписано: К. Р—въ.

---

[1]) Вѣстн. Евр. 88 г. № 12. У Ефремова напечатаны лишь первыя 5 строфъ (Г. Б).

[2]] Эти двѣ элегіи несомнѣнно относятся къ какому-нибудь увлеченію Рылѣева, хотя онъ былъ большой семьянинъ, и бракъ его былъ счастливый. Лишь однажды, какъ будто промелькнуло увлеченіе другой женщиной. Объ этомъ намъ разсказывалъ Н. Бестужевъ. Разсказъ Бестужева, замѣчаетъ Котляревскій, нельзя принять всецѣло на вѣру; онъ сочиненъ значительно позже, и въ немъ вымысла гораздо больше, чѣмъ правды. Но какой-то приливъ новой любви Рылѣеву, дѣйствительно, пришлось испытать въ 1824 году, какъ это видно изъ приведенныхъ, очень искреннихъ и красивыхъ элегій, написанныхъ таинственной обольстительницѣ (Рус. Б. 1904, № 8).

КЪ А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ;
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ [1]).

КЪ БЕСТУЖЕВУ.

Ты разлѣнился ужъ не кстати,
Бѣглецъ Парнасса молодой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Въ своемъ болотистомъ Кронштадтѣ—
Ты позабылъ совсѣмъ о братѣ
И о поэтѣ—что порой,
Сидя какъ труженникъ въ Палатѣ,
Чтобъ свой исполнить долгъ святой,
Забылъ и нѣгу и покой...
Но тщетны всѣ его порывы:
Укоренившееся зло,
Свое презрѣнное чело,
Какъ кедръ ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Такъ... сдѣлавшись жрецомъ Өемиды
Я о Парнассѣ позабылъ...
Къ тому-жъ боюсь, чтобъ Аониды
За то, что имъ я измѣнилъ,

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ объ отзывѣ Пушкина на Думы Конд. Өедор. Пушкинъ очень не ровно относился къ стихамъ Рылѣева; онъ то одобрялъ ихъ, то строго осуждалъ и въ письмахъ къ самому Рылѣеву. Въ одномъ изъ нихъ напримѣръ онъ пишетъ «Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго, прибавлю одно; вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно и пр... Что сказать о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые, но вообще всѣ они слабы изобрѣтеніемъ и измѣреніемъ. Всѣ они на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ: описаніе мѣста, рѣчь героя и правоученіе». Но тогда же Пушкинъ писалъ Вяземскому о думахъ:—послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ вдругъ онъ выросъ!

Пушкину не нравилось проникновеніе повсюду въ стихахъ Рылѣева гражданскихъ мотивовъ. Кто пишетъ стихи, говоритъ онъ, тотъ прежде всего долженъ быть поэтомъ, а кто хочетъ «гражданствовать», пусть пишетъ прозой. Это былъ спорный и жгучій вопросъ и самъ Пушкинъ нарушалъ свои слова. (Б. Г.).

Пѣвцу не сдѣлали обиды.
Хоть я и некрасивъ собой,
Но музы изстари ревнивы;
А я—любовникъ боязливый...
И вотъ что, другъ мой молодой,
Въ столицѣ вкуса прихотливой
Молчанью моему виной,
Твое-жъ молчанье непонятно!..
Драгунъ ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и пріятно,
И приголубивъ нѣжныхъ музъ,
Ихъ такъ плѣнить умѣлъ собою
Что въ дѣтствѣ соверша союзъ,
Онѣ вертлявою толпою,
Вездѣ порхаютъ за тобою
И не измѣнятъ никогда,
Пока ты всѣмъ имъ не измѣнишь;
Но кажется, что иногда,
Ты ласковость ихъ худо цѣнишь:
Такъ напримѣръ: прошелъ здѣсь слухъ,
Не знаю я, по чьей огласкѣ,
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердый духъ,
И вѣрность къ дѣвамъ пѣснопѣній
Поработилъ свободный геній,
Поколебалъ любви недугъ...
А между тѣмъ, какъ очарованъ
Ты юной прелестію глазъ,
Паѳосскихъ шалостью проказъ
Къ Кронштадту скучному прикованъ,
Забвенью предаешь Парнассъ,
Одинъ пигмей литературный,
Изъ грязи выникнувъ главой,
Дерзнулъ взглянуть на сводъ лазурный
И вызвать тебя на бой.

26 апрѣля, 1822.
Русская Старина 1870, № 7.

Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію.
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши. [1])

[1]) Это стихотвореніе писано Рылѣевымъ лѣтомъ 1826 года въ крѣпости. Здѣсь онъ уже совсѣмъ приготовился разстаться съ этимъ міромъ, но душа его еще скорбитъ.

Стихотвореніе было наколото на кленовыхъ листьяхъ и переслано Оболенскому.

Оболенскій отвѣтилъ запискою дня черезъ два и получилъ вновь кленовыя листья съ словами: «Любезный другъ, какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О! какая это была молитва, какія это были слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній—за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за Государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ за весь міръ. Давно ли ты, люб. другъ, такъ мыслишь, скажи мнѣ: чужое ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности, духа и вещества»

Прими, прими, святой Евгеній,
Дань благодарную пѣвца,
И слово пламенныхъ хваленій,
И слезы, каплющи съ лица.
Отнынѣ день твой до могилы
Пребудетъ святъ въ душѣ моей:
Въ сей день твой соименникъ милый
Освобожденъ былъ отъ цѣпей. [1])

Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.[2])

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ — спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ.
По треволненію мірскому.[3])
Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:

---

[1]) Стихотвореніе Оболенскій получилъ въ день своихъ имянинъ 21 января 1826 года. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Рылѣевымъ. Всѣ эти стихотворенія, обращенные къ Оболенскому, первоначально были напечатаны въ Библ. Запискахъ 1861, № 15 и 19, по спискамъ Басаргина и Ефремова, потомъ были перепечатаны въ «Воспоминаніяхъ» Оболенскаго — Девятнадцатый вѣкъ. Въ своемъ изданіи Ефремовъ ихъ помѣстилъ не въ текстѣ, а при письмахъ Рылѣева.

[2]) Окончаніе стихотворенія, со стиха «И страшны ль тѣ» и пр. набросано на оборотѣ письма жены отъ 4 іюня. Судя по черниламъ, стихи написаны одновременно или вскорѣ послѣ письма К. Ѳ. отъ 21 іюня. Къ этому же времени надо отнесть записку о подчиненіи плоти духу, а также цѣлый листъ, въ которомъ половина занята разсужденіями о физическомъ и духовномъ мірѣ, вѣчной жизни, любви и пр.

Влеченіе къ мистическому, наслѣдованное Рылѣевымъ отъ массовскихъ ложъ, перешло въ заключеніи въ религіозные порывы и размышленія. Ими полны его письма къ женѣ и стихотворенія, написанныя въ крѣпости. Все это весьма цѣнно для біографіи и характеристики пѣвца свободы.

[3]) Въ лейпцигскомъ изданіи 2 и 3-ей съ 5 по 12 строчку нѣтъ; нѣтъ и перваго стиха такъ какъ, по словамъ издателя, Оболенскій его забылъ. (Г. Б).

«И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
«Васъ будутъ гнать и предавать,
«Осмѣивать и дерзостно безславить,
«Торжественно васъ будутъ убивать;
«Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить;
«И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
«Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
«Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
«Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
«Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
«Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ».
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною подвижникъ постоянный.
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

Наброски, писанные въ крѣпости.

1.

Благой отецъ! Сей часъ приходитъ мой!
Прославь меня, и сынъ Тебя прославитъ;
Ему дана святая власть Тобой,
Да въ плоти онъ жизнь вѣчную возстановитъ!

2.

Какъ человѣкъ предъ Богомъ былъ прекрасенъ.
Во дни невинности своей!
Какъ былъ умомъ и простъ, и и ясенъ,
Душою чистъ, свободенъ отъ страстей.

ГРАЖДАНИНЪ.[1]

Я ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?

[1] Въ изданіи Ефремова сдѣлано много выпусковъ очевидно по цензурнымъ соображеніямъ. Такъ выпущены слова: — «Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!» затѣмъ «страдающей отчизны» и цѣлыхъ четыре послѣднихъ строчки со словъ «когда народъ возставъ».

Это стихотвореніе было послѣднимъ, написаннымъ поэтомъ на свободѣ. Въ немъ видна готовность Рылѣева и призывъ къ друзьямъ, не рѣшавшимся поднять возстаніе. Подлинная рукопись хранилась у Н. И. Пущина.

Оно же было напечатано въ прокламаціи Михайлова 1861 году въ Петербургѣ. Какъ видно моменты 25 г. и 61 г. по своему характеру подходили другъ къ другу.

Перв. напеч. въ Полярн. Звѣздѣ 1856 г. кн. II.

Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

ПѢСНИ [1]).

Ахъ, тошно мнѣ
И въ родной сторонѣ; [2])
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,
Видно, вѣкъ вѣковать? [3])
Долго ль Русской народъ
Будетъ рухлядью господъ.
И людьми,
Какъ скотами,
Долго ль будутъ торговать? [4]).
Кто же насъ кабалилъ,
Кто имъ барство присудилъ.
И надъ нами,
Бѣдняками,
Будто съ плетью посадилъ?

По двѣ шкуры съ насъ дерутъ;
Мы посѣемъ, они жнутъ;
И свобода
У народа
Силой баръ задушена.
А что силой отнято,
Силой выручимъ мы то.
И въ привольѣ,
На раздольѣ,
Стариною заживемъ.
А теперь господа,
Грабятъ насъ безъ стыда,
И обманомъ,
Ихъ карманомъ
Стала наша мошна.

---

[1]) Трагическая смерть Рылѣева породила много приписываемыхъ ему стихотвореній самаго зажигательнаго характера. Онъ самъ на слѣдствіи показалъ, что изъ «призывныхъ» пѣсенъ-прокламацій принадлежитъ ему только помѣщаемая здѣсь — Ахъ, тошно мнѣ и т. д. На слѣдствіи спрашивали Рылѣева, правда-ли, что онъ желалъ воздѣйствовать на умы народа посредствомъ пѣсенъ и пародій и требовали, чтобы онъ представилъ текстъ пѣсенъ: «Вдоль Фонтанки рѣки, квартируютъ полки славы» и «Подгуляла я: нужды нѣтъ, друзья! Это съ радости» и проч. Рылѣевъ не призналъ ихъ за свои.

[2]) Въ лейпц. изд. эти стихи такъ:

Ай и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ!

[3]) Видно вѣкъ такъ вѣковать.

[4]) Дальше въ лейпц. изданіи нѣтъ до стиха.

«Баре съ земскимъ судомъ.

Баре съ земскимъ судомъ
И съ приходскимъ попомъ;
Насъ морочатъ,
И волочатъ,
По дорогамъ, да судамъ. [1])
А ужъ правды нигдѣ,
Не ищи мужикъ въ судѣ.
Безъ синюхи,
Судьи глухи,
Безъ вины ты виноватъ.
Чтобъ въ палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Тамъ же каждая душа,
Покривится изъ гроша.
Засѣдатель,
Предсѣдатель,
За одно съ секретаремъ.
Насъ поборами Царь,
Изсушилъ, какъ сухарь;
То дороги,
То налоги,
Раззорили насъ въ конецъ.
А подъ царскимъ орломъ,
Ядомъ подчуютъ [2]) съ виномъ,
И народу,
Лишь за воду,
Велятъ въ четверо платить.
Ужъ такъ худо на Руси,
Что и Боже упаси!
Всѣхъ затѣевъ,
Аракчеевъ,
И всему тому виной.
Онъ Царя подстрекнетъ,
Царь указъ подмахнетъ.
Ему шутка,
А намъ жутко,
Томно такъ, что ой, ой, ой,
А до Бога высоко,
До царя далеко
Да мы сами
Вѣдь съ усами
Такъ мотай себѣ на у съ [3]).

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle [4])
И летятъ подъ постель
Святцы...

---

[1]) Тамъ же нѣтъ дальше до стиха «Насъ поборами Царя», при чемъ этотъ стихъ тамъ такъ: «А наборами царь».

[2]) «Поятъ». Тамъ же стихи 11 и 12 переставлены. Послѣдней строфы также нѣтъ.

[3]) Эти пѣсни составлялись на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ, легко заучивались и были всѣмъ извѣстны. Н. Безстужевъ даже утверждаетъ, что въ Кронштадтѣ не было «Канонира, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева». Что пѣсни весьма были распространены и распѣвались въ средѣ самихъ декабристовъ,—это ясно изъ нѣскольких показаній. Гречъ разсказываетъ, что однажды на ужинѣ у Булгарина они послѣ шампанскаго стали пѣть Рылѣевскія пѣсни. «Не всѣ были либералы, а всѣ слушали съ удовольствіемъ и искрено смѣялись. Помню анти-либерала В. Н. Берха, какъ онъ заливался смѣхомъ. Только Булгаринъ выбѣгалъ иногда въ другую комнату. Онъ струсилъ этой оргіи и выбѣгалъ, чтобъ посмотрѣть, не взобрался ли на балконъ квартальный, чтобы послушать, что читаютъ и поютъ. У него всегда чесалось за ухомъ при такихъ случаяхъ: онъ не столько либеральничалъ, какъ принималъ сторону поляковъ (?)» Въ своемъ курсѣ Мицкевичъ, который читалъ въ Парижѣ исторію славянскихъ литературъ говоритъ, что на собраніяхъ заговорщиковъ пѣлись «жестокія» пѣсни, «финскаго и монгольскаго характера», пѣсни, которыя приводили въ ужасъ польскихъ заговорщиковъ находившихся тогда среди русскихъ. (Н. Котляревскій. Р. Б. 904 г. № 8).

Госуд. Арх. В. I, № 282. Пер. разъ въ Россіи напечатано: Бороздинъ Спб. 1906 г.

[4]) Поэма Вольтера.

Гдѣ Бестужевъ-драгунъ [3])
Не даетъ карачунъ
Смыслу;
Гдѣ нашъ князь-чудодѣй
Не бросаетъ людей
Въ Вислу;
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ...
Въ фанты;
Гдѣ Булгаринъ Ѳадей
Не боится когтей
Танты... [4])
Гдѣ Магницкій [5]) молчитъ,
А Мордвиновъ [6]) кричитъ
Вольно;
Гдѣ не думаетъ Гречъ, [7])
Что его будетъ сѣчь
Больно...

Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдаетъ, какъ клоповъ,
Варомъ...
Гдѣ Измайловъ-чудакъ [8])
Ходитъ въ каждый кабакъ
Даромъ...
Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи...
Правятъ...
1823—1824.

Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи...
Грабятъ,
Какъ капралы Петра
Провожали со двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо;
Какъ . . . .
Воцарился по ней
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ...
Какъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули,—Богъ ихъ прости!—
Отъ пятидесяти
На сто;
И выигрывали
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ!

. . . . нашъ нѣмецъ прусскій
Носитъ мундиръ узкій.
—
Властвуетъ [9]) онъ гдѣ же?
Цѣлый день въ манежѣ.
—
Прижимаетъ локти,
Забираетъ въ когти.
—
Судьи всѣ—жандармы,
Школы всѣ—казармы.
—
Князь Волконскій баба—
Начальникомъ штаба.

---

[3]) А. А. Бестужевъ.
[4]) «Тантой» звали современники сварливую тещу Ѳ. В. Булгарина.
[5]) Магницкій—попечитель Казанскаго университета, ревностный поборникъ обскурантизма.
[6]) Членъ государственнаго совѣта
[7]) Николай Ивановичъ Гречъ слылъ въ это время либераломъ, но вмѣстѣ съ отличался трусостью.
[8]) Александръ Ефимовичъ Измайловъ — баснописецъ, благодушный оригиналъ.
[9]) Царствуетъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ПАРНАСЪ.

(отрывокъ). [1])

. . . .
Тамъ многихъ авторовъ творенья,
Въ пыли валяяся, гніютъ.
Тамъ Лета есть, рѣка забвенья:
Въ ней также многіе живутъ.
Я видѣлъ, какъ въ ней Львовъ [2]) купался
И обмывалъ своихъ дѣтей;
Я зрѣлъ—Шихматовъ [3]) въ ней остался,
А съ нимъ и тысяча статей.
Я самъ свидѣтель былъ въ то время,
Какъ нѣсколько прочтя листовъ,
За нанесенное тѣмъ бремя,
Былъ столкнутъ съ берега Хвостовъ.
Я былъ при томъ, когда Гераковъ,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомокъ вздорливый Иракловъ,
Былъ Леты поглощенъ волной.[4])
Я зрѣлъ, какъ нашъ піитъ слезливый [5])
«Красу лужковъ, лазурь небесъ,
«И сельску жизнь, и злачны нивы»
Пѣлъ, пѣлъ—и, наконецъ, исчезъ.
Такая жъ участь, можетъ статься,
И намъ, о други, суждена!
Такъ лучше въ даль намъ не пускаться,
Чтобъ не измѣрить Леты дна...
. . . .

Дрезденъ, 15 октября, 1814.
Изд. 1872.

РОМАНСЪ.

Какъ счастливъ я, когда сижу съ тобою,
Когда любуюся я, глядя на тебя
Твоею милою, любезною красою...
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ, когда ты, другъ мой милый,
Свой голосъ съ звуками гитары съединя,
Поешь иль пѣсенку, или романсъ унылый,
Какъ счастливъ я!

---

[1]) Переводъ польскаго стихотворенія Ѳ. В. Булгарина. Вѣстникъ Европы 1868, № 11.

Одно изъ первыхъ стихотвореній Рылѣева, гдѣ онъ уже задумывается о всепоглощающемъ времени.

[2]) П. Ю. Львовъ — написалъ множество повѣстей и др. произведеній; былъ бездаренъ, какъ и всѣ упомянутые въ стихотвореніи, такъ что ихъ удѣлъ—не удѣлъ всѣхъ писателей.

[3]) Князь Серг. Ал. Ширинскинъ-Шихматовъ—авторъ поэмы «Петръ Великій», духовныхъ стихотвореній и пр. Служилъ во флотѣ, былъ любимцемъ адмирала Шишкова и кончилъ жизнь на Аѳонѣ монахомъ.

[4]) Гераковъ, учитель въ кадетскомъ корпусѣ.

[5]) Несомнѣнно князь П. И. Шаликовъ, извѣстный писака сантиментальной школы. (Г. Б.).

Какъ счастливъ я, когда умильнымъ взоромъ,
Прелестный, милый другъ, ты подаришь меня,
Иль обратишься вдругъ ко мнѣ ты съ разговоромъ,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда ты понимаешь
Изъ взора моего сколь я люблю тебя,
Когда мнѣ ласками на ласки отвѣчаешь,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою, и глядя на меня,
Твердишь въ полголоса, что счастлива ты мною,
Какъ счастливъ я!

Какъ счастливъ я, когда вдругъ осторожно,
Украдкой ото всѣхъ цѣлуешь ты меня...
Ахъ! Смертному едва-ль такъ счастливымъ быть можно,
Какъ счастливъ я! [1])

ПОСЛАНІЕ КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Питомецъ важныхъ музъ, служитель Аполлона,
Пѣвецъ, который намъ паденье Иліона
И битвы грозныя ахеянъ и троянъ,
Съ Пелидомъ бѣдственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора въ враждебный грековъ станъ,
И бой и смерть сего пергамскаго героя
Воспѣлъ плѣнительно на лирѣ золотой,
На древній ладъ ее съ отважностью настроя,
И путь открылъ себѣ безсмертья въ храмъ святой!
Не думай, чтобъ и ты, плѣня всѣхъ лирой звучной,
Отъ всѣхъ хвалу обрѣлъ во мзду своихъ трудовъ:
Бореніе съ толпой совмѣстниковъ, враговъ,
И съ предразсудками, и съ завистью докучной—
Всегдашній былъ удѣлъ отличнѣйшихъ пѣвцовъ.
Ахъ, иногда они въ друзьяхъ враговъ встрѣчали,
И имъ съ безпечностью ввѣряяся душой,
У сердца нѣжнаго змѣю отогрѣвали
И цѣлый вѣкъ кляли несчастный жребій свой...
Судьи-завистники, убійцы дарованій,
Вездѣ преслѣдуютъ несчастнаго пѣвца;
И похвалы друзей, и шумъ рукоплесканій,

---

[1]) Печ. Благонамѣренный № 6. Под. К. Р—въ.

И лавры свѣжіе прекраснаго вѣнца—
Все души низкія завистниковъ тревожитъ,
Все дикую вражду къ ихъ бѣдной жертвѣ множитъ!
Одна, одна лишь смерть гоненье прекратитъ;
И успокоясь въ мирной сѣни,
Дань должной похвалы возьметъ съ потомства геній
И, торжествующій, зоиловъ постыдитъ,
Таланта каждаго сопутникъ неизмѣнный,—
Негодованіе толпы непросвѣщенной,
И зависть злобная,—его всегдашній врагъ,
Оспаривая здѣсь ко славѣ каждый шагъ
Творца Димитрія, Фингала, Поликсены.
Любимца перваго Россійской Мельпомены
Ядъ низкой зависти спокойствія лишилъ
И, сердце отравивъ, дни жизни сократилъ.
Но вѣсть печальная лишь всюду пролетѣла,
Почувствовали всѣ, что безъ него у насъ
Трагедія осиротѣла....
Тогда судей-невѣждъ умолкъ презрѣнный гласъ,
Вѣнки посыпались, и зависть онѣмѣла...
Судьбу подобную-жъ Фонъ-Визинъ претерпѣлъ.
И змѣйкина, себя узнавши въ Простаковой.
Сулила автору жизнь скучную въ удѣлъ
Въ странѣ далекой и суровой.
На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкругъ тебя
Шипитъ, какъ черная змѣя!
И здѣсь, какъ и вездѣ, насъ небо наставляетъ;
Мудрецъ во всемъ во всемъ читаетъ
Уроки для себя:
На лонѣ праздности дремавшій долго геній;
Стрѣлами зависти бывъ пробужденъ отъ лѣни,
Ширяясь, какъ орелъ, на небеса паритъ
И съ высоты на низъ съ презрѣніемъ глядитъ,
Гдѣ клеветой его порочитъ пустомеля...
Такъ деспотъ-кардиналъ съ ученою толпой
Уничтожить хотѣлъ безсмертнаго Корнеля
На Сида воружилъ зоиловъ дерзкій рой....

КЪ ДЕЛІИ.

Опять, о Делія, завистливой судьбою
Надолго, можетъ быть, я разлученъ съ тобою!
Опять, опять одинъ съ унылою душой
Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной
Брожу какъ сирота несчастный,
Питая мрачный духъ тоской!
Ничтожной славой ослѣпленный,
Жилище скромное и нѣги, и отрадъ,
Жилище радостей—твой домъ уединенный,
Безумецъ, промѣнять дерзнулъ на Петроградъ,
Гдѣ все тоску мою питаетъ,
Гдѣ сердце юное страдаетъ!
Почто моленіямъ твоимъ я не внималъ!
Почто, о Делія, съ тобою я разстался!
Ахъ, я бъ теперь съ тоской и грустью не скитался,
Но въ хижинѣ бъ твоей съ любовью обиталъ,
Въ сей хижинѣ, гдѣ я узналъ тебя впервые,
Гдѣ въ жизни первый разъ, съ потокомъ сладкихъ слезъ,
Въ часы для сердца дорогіе
Несмѣлымъ голосомъ «люблю» я произнесъ;
Гдѣ ты мнѣ на любовь любовью отвѣчала,
Гдѣ сладострастіе и нѣгу я вкушалъ;
Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливца трепетала,
Гдѣ я мгновенія восторгами считалъ!...
Ахъ, скоро ли опять изъ шумной и огромной
Столицы Сѣвера, о мой безцѣнный другъ,
Нечаянно въ твой домикъ скромный
Предстанетъ нѣжный твой супругъ,
И ты въ объятія къ нему полунагая
Съ постели бросишься, вся въ радости, въ слезахъ,
И я забуду все, на трепетныхъ грудяхъ
Въ восторгахъ пылкихъ утопая.... [1])

КЪ ДЕЛІИ.

Почто, о Делія, съ колѣнопреклоненьемъ
Къ безсмертнымъ прибѣгалъ съ напраснымъ я моленьемъ?
Почто на алтаряхъ имъ ѳиміамъ курилъ,
Коль рокъ тебя ко мнѣ еще не возвратилъ?
Дерзалъ ли у боговъ въ своихъ моленьяхъ скромныхъ
Тибуллъ испрашивать себѣ палатъ огромныхъ
Иль крезовыхъ богатствъ, иль славы и честей,

Невскій Зритель 1820, IV. № 11 [1]).

[1]) Подписано: К. Р—въ. Ефремовъ этого стихотворенія не помѣстилъ въ своемъ изданіи, но привелъ восемь послѣднихъ строкъ, недостававшихъ въ Невскомъ Зрителѣ.

Иль тучныхъ пажитьми Церериныхъ полей,
Иль стадъ безчисленныхъ съ обширными лугами?
Объ скромной бѣдности лишь имъ скучалъ мольбами,
Которую бъ дѣлилъ всегда съ тобою я,
Молилъ, чтобъ при тебѣ застала смерть меня...
На что сокровища, на что стада мнѣ тучны?
Иль будемъ болѣ мы съ тобой благополучны
Въ чертогахъ мраморныхъ, для коихъ привезли
Огромны глыбы горъ изъ разныхъ странъ земли?
Ахъ, нѣтъ! Ни золото, ни ткани драгоцѣнны,
Ни храмины, рукой искусства изсѣченны,
Ни въ златѣ блещуща толпа наемныхъ слугъ
Намъ счастье даровать не въ силахъ, милый другъ!
Съ тобой мнѣ, Делія, и домикъ твой убогій
Олимпомъ кажется, гдѣ обитаютъ боги;
Скудельностью своей и скромной простотой
Онъ гонитъ отъ себя сустъ крылатыхъ рой;
И я за мигъ одинъ, съ тобой въ немъ проведенный,
Не соглашуся взять сокровищъ всей вселенной.
    О, боги! Пусть Тибуллъ, всѣхъ благъ земныхъ лишась
Но только съ Деліей своей соединясь,
Въ дому родительскомъ съ ней вмѣстѣ обитаетъ
И вмѣстѣ съ нею же въ немъ дни свои скончаетъ.
    О, дщерь Сатурнова! И ты, любови мать!
Дерзаю къ вамъ мольбы усердны возсылать;
Вы съ благосклонностью, вамъ сродной, имъ внемлите
И Делію навѣкъ Тибуллу возвратите,
Но если Парки мнѣ сего не пророкли,
Коль Деліи не зрѣть мнѣ болѣ на земли,
То пусть сейчасъ сойду въ подземныя пещеры,
Гдѣ сестры лютыя безжалостной Мегеры,
Въ жилищѣ мрачномъ ихъ тѣнь новую узря,
Улыбкой адскою привѣтствуютъ себя[1])

НА СМЕРТЬ СЫНА.

Земли минутный поселенецъ,
Земли минутная краса,
Зачѣмъ такъ рано, мой младенецъ,
Ты улетѣлъ на небеса?

Зачѣмъ въ юдоли сей мятежной,
О ангелъ чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинулъ ты?[2])

---

[1]) Благонамѣренный 1820, № 13.—Подражаніе Тибуллу (Tibulli elegiae, III, 3). Это одна изъ тѣхъ элегій, которыя приписываются не самому Тибуллу, а кому-либо изъ его знакомыхъ.

[2]) Русская старина 1871, № 11. У Рылѣева было всего двое дѣтей; сынъ Александръ, который умеръ въ 1824 году и на смерть котораго написано это стихотвореніе; и дочь Анастасія, о которой онъ часто вспоминалъ въ письмахъ изъ крѣпости. (Г. Б.).

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.[1]

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
Царя трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ

—

Нѣтъ, не отечества сыны
Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью, и Черновымъ!

—

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ-ли вновь любимцевъ счастья
Взоръ бросить полный сладострастья,—
Падетъ, перуномъ пораженъ.

—

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье,
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!

Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,—
Они отъ насъ отчуждены.

—

Клянемся, дщерямъ и сестрамъ—
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

—

А ты—братъ нашихъ ты сердецъ,
Герой, столь рано охладѣлый,
Взносись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ.

—

Ликуй: ты избранъ русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ;
Тебѣ данъ праведный вѣнецъ;
Ты будешь чести намъ залогомъ.[2]

1825 г.

---

[1] Это стихотвореніе написано на смерть Чернова, убитаго на дуэли съ флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ. Причиной этой дуэли было не совсѣмъ корректное отношеніе Новосильцева къ сестрѣ Чернова, которая была его невѣстой. Дуэль кончилась очень печально, смертью обоихъ противниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и, кажется подстрекалъ его.

[2] Черновы на бѣду въ Петербургѣ были знакомы съ Рылѣевымъ, пишетъ одинъ. современникъ. Рылѣевъ, заклятый врагъ аристократовъ, началъ раздувать пламя и кончилось тѣмъ, что Черновъ вызвалъ Новосильцева». Воспоминанія Н. И. Шениса «Русскій Архивъ» 1880, III, 320—1. Похороны Чернова, убитаго флигель-адъютантомъ, послужили предлогомъ цѣлой манифестаціи. Гробъ его провожала огромная толпа, и на его памятникъ было собрано 10,000 руб. Однимъ изъ ревностныхъ организаторовъ этой манифестаціи былъ Рылѣевъ. Какой смыслъ въ глазахъ молодежи имѣла она—объ этомъ мы можемъ судить по стихотворенію, которое Рылѣевъ посвятилъ памяти Чернова.

Если и признать, что Новосильцевъ подходилъ подъ категорію лицъ, предпочитавшихъ «говорить не русскимъ словомъ», то только нелюбовь Рылѣева къ аристократамъ и вообще его гражданское боевое настроеніе, могло быть причиной того, что по поводу свѣтской дуэли онъ притянулъ къ суду и «временщиковъ» и «трепещущихъ рабовъ царя», и «тирановъ» и «ненавидящихъ святую Русь»—людей, которые всѣ ни въ какомъ родствѣ съ покойнымъ Новосильцевымъ не состояли, говоритъ Котляревскій. Похороны Чернова были одной изъ первыхъ уличныхъ демонстрацій. (О дуэли Чернова и Новосильцева Рылѣевымъ была составлена также отдѣльная записка), которую смотри во 2-мъ выпускѣ.

ЖЕСТОКОЙ.

Смотри, о Делія, какъ вянетъ сей цвѣточекъ,
Съ какой свирѣпостью со стебелька
Вслѣдъ за листочкомъ рветъ листочекъ
Суровой осени рука!
Ахъ, скоро, скоро онъ красы своей лишится,
Не станетъ болѣе благоухать;
Послѣдній скоро листъ свалится,
Зефиръ не будетъ съ нимъ играть.
Угрюмый Аквилонъ пагонитъ тучи мрачны,
Въ уныніе природу приведетъ,
Одѣнетъ снѣгомъ долы злачны,—
Твой взоръ и стебля не найдетъ...
Такъ точно, Делія, дни жизни скоротечной
Умчитъ Сатурнъ, завистливый и злой,
И блага юности безпечной
Ссѣчетъ губительной косой...
Все измѣняется подъ дланью Крона хладной;
Остынетъ младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Подъ старость, къ злу, родитъ любовь.
Тогда, жестокая, познаешь, какъ ужасно
Любовью тщетною въ душѣ пылать
И на очахъ не пламень страстный,
Но хладъ презрѣнія встрѣчать.

Невскій Зритель 1821 г. Подписано—К. Рылѣевъ.

Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты!
Твой тусклый взоръ и томность вида
Отцвѣтшей рано красоты
Мнѣ слишкомъ много объяснили:
Тебя, прелестная, плѣнили
Любви неясныя мечты...
Онѣ, вездѣ тебя тревожа,
Въ уединеніе манятъ
И среди дѣвственнаго ложа,
Лишь жажду наслажденій множа,
Отраду слабую дарятъ...
При свѣтѣ дня, иль въ мракѣ ночи,
Въ тотъ мигъ, какъ жертвуешь мечтамъ,
Почти закрывшіяся очи
Склоняешь съ робостью къ дверямъ,
И если юная подруга
Иль кто другой къ тебѣ войдетъ,
Въ одно мгновенье отъ испуга
Румянецъ нѣжный пропадетъ...
Потупишь взоръ... Несвязность рѣчи,
И твой смущенный, робкій видъ,
И неожиданность сей встрѣчи
Тебя кой-въ-чемъ изобличитъ...
Но ты краснѣешь, другъ безцѣнный!
Меня давно ты поняла...
Оставь же сей порокъ презрѣнный,
Доколь совсѣмъ не отцвѣла...
Бѣги, бѣги сего порока;
Въ мечтахъ себя не погуби,
Не будь сама къ себѣ жестока
И хоть меня ты полюби.

1821.

Библіографическія Записки 1861, № 19.—Вольное подражаніе нѣкоторымъ стихамъ стихотворенія Парни «Coup d'oeuil sur Cythère».

А. П. ЕРМОЛОВУ.

Наперсникъ Марса и Паллады,
Надежда согражданъ, Россіи вѣрный сынъ,
Ермоловъ, поспѣши спасать сыновъ Эллады [1])
Ты, геній сѣверныхъ дружинъ!
Узрѣвъ тебя, любимецъ славы,
По манію твоей руки,
Съ врагами лютыми, какъ вихрь на бой кровавый
Помчатся грозные полки.
И цѣпи сбросивши невольничьяго страха,
Какъ фениксъ молодой,
Воскреснетъ Греція изъ праха
И съ древней доблестью ударитъ за тобой!
Уже въ отечествѣ потомковъ Θемистокла
Повсюду подняты свободы знамена;
Геройской кровью ужъ земля намокла
И трупами враговъ удобрена!
Проснулися вздремавшіе перуны,
Отвсюду храбрые текутъ...
Теки жъ, теки и ты, о витязь юный:
Тебя герои тамъ, тебя побѣды ждутъ!

Русская Старина 1877, XVIII.

ИЗЪ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».

Они подъ звукомъ трубъ повиты
Концомъ копья воскормлены;
Луки натянуты, колчаны ихъ открыты,
Путь свѣдомъ ко врагамъ, мечи наточены.
Какъ волки сѣрые они по пólю рыщутъ
И—чести для себя, для князя славы—ищутъ;
Ничто имъ ужасы войны!

—

Въ душѣ пылая жаждой славы,
Князь Игорь изъ далекихъ странъ
Къ коварнымъ половцамъ спѣшитъ на пиръ кровавый
Съ дружиной малою отважныхъ сѣверянъ,
Но презирая смерть и пламенѣя боемъ,
Послѣдній ратникъ въ ней является героемъ...

. . . .

1820—1824. Русская Старина, 1871.

ЭПИГРАММА

На болѣзнь Крылова.

Нѣтъ одобренія талантамъ никакого:
Въ Россіи глушь и дичь.
О дарованіи Крылова
Едва напомнилъ параличъ.

Русскій Архивъ 1871, № 7—8.

---

[1]) Носился слухъ, что Ермоловъ, управлявшій Грузіею, будетъ главнокомандующимъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи.

ПУТЬ КЪ СЧАСТІЮ [1].

САТИРА.

Разговоры поэта съ богачомъ—стариннымъ его знакомымъ.

ПОЭТЪ.

Придумать не могу, какой достигъ дорогой
Въ храмъ изобилія пріятель мой убогой?
Давно ли ты бродилъ пѣшкомъ по мостовой,
Едва не въ рубищѣ, съ поникшей головой!
Тогда ты не имѣлъ нерѣдко даже пищи,
Былъ худъ, какъ труженикъ или послѣдній нищій.
Теперь защеголялъ въ одеждахъ дорогихъ;
Въ каретѣ щегольской, на четвернѣ гнѣдыхъ
Летишь какъ вихрь и, пыль взвивая за собою,
Знакомымъ съ важностью киваешь головою!
Сіяя роскошью владѣтельныхъ князей,
Твой домъ есть сборище отличнѣйшихъ людей.
Съ тобою въ дружествѣ министры, генералы,
Ты часто имъ даешь и завтраки, и балы;
Что прихоть съ поваромъ лишь изобрѣсть могла,
Все въ дань со всѣхъ сторонъ для твоего стола...
Межъ тѣмъ товарищъ твой, служитель вѣрный Феба,
И въ прозѣ и въ стихахъ безплодно проситъ хлѣба.
Всю жизнь въ ученіи съ дней юныхъ проведя,
Жить съ счастіемъ въ ладу не научился я...
Какъ ты достигъ сего, скажи мнѣ ради Бога?

БОГАЧЪ.

Умѣть на свѣтѣ жить—одна къ тому дорога!
И тотъ, любезный другъ, бывалъ уже на ней,
Кто пользу извлекалъ изъ глупости людей;
Чьи главны свойства—лесть, уклончивость, терпѣнье
И къ добродѣтели холодное презрѣнье...
Самъ скажешь ты со мной, узнавъ короче свѣтъ:
Для смертныхъ къ счастію пути другого нѣтъ!

ПОЭТЪ.

Хотя, съ младенчества внимая гласу чести,
Душъ мелкихъ ремесло я видѣлъ въ низкой лести,
Но угнетаемый жестокою судьбой,
И я къ ней прибѣгалъ съ растерзанной душой;
И я въ стихахъ назвалъ того Катономъ,
Кто пресмыкается какъ низкій рабъ предъ трономъ!
И я Невѣждину за то, что онъ богатъ,
Сказалъ, не покраснѣвъ: ты—русскій Меценатъ!
И если трепетать душа твоя привыкла

---

[1] Мазаевъ говорилъ, что стихотвореніе писано вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ, а Н. Котляревскій приписываетъ его подражателямъ Рылѣева.

Въ восторгѣ пламенномъ при имени Перикла,
То подивись! Я такъ забылся, наконецъ,
Что просвѣщенья врагъ, невѣжда и глупецъ
И, словомъ, жалкій Клитъ, равно повсюду славный,
Воспѣтъ былъ какъ Периклъ на лирѣ своенравной!
И всякъ, кто только былъ богатъ иль знаменитъ,
У бѣднаго пѣвца былъ Цесарь, Брутъ иль Титъ!
И что жъ? Достигъ ли я чрезъ то желанной цѣли?
Увы, я и теперь, какъ видишь, безъ шинели;
И столь хвалимое тобою ремесло
Одно презрѣніе и стыдъ мнѣ принесло!
Что жъ до терпѣнія... его, скажу нелживо,
Такъ много у меня, что подѣлиться можно.
Ко благу нашему, любезный другъ, оно
Въ удѣлъ писателямъ отъ неба суждено.
Ахъ, кто бы могъ безъ сей Всевышняго помоги
Снести цензуры судъ приказчичный и строгій,
Холодность публики и колкость эпиграмъ,
Злость критикъ, что даютъ превратный толкъ словамъ,
И дерзкихъ крикуновъ нелѣпное сужденье.
И сплетни женскихъ душъ, и зависти шипѣнье,
И площадную брань повсечастныхъ враловъ,
И грозный приговоръ въ кругу невѣждъ-судей,
И наконецъ, гнѣвъ тѣхъ, которые готовы
На разумъ наложить протекшихъ лѣтъ оковы!
И, словомъ, всюду я, куда ни посмотрю,
Лишь непріятности и безпокойства зрю;
Съ терпѣніемъ все сношу, узрѣть плоды въ надеждѣ,
Но останусь безъ нихъ какъ и теперь, и прежде.

БОГАЧЪ.

По правиламъ твоимъ, давая ходъ дѣламъ,
Нельзя успѣха ждать и зрѣть плоды трудамъ.
Искусно должно льстить, чтобъ быть льстецамъ пріятнымъ:
Къ чему приписывалъ ты добродѣтель знатнымъ,
Коль ни ея въ нихъ нѣтъ, ни побужденья къ ней!
Какъ въ зеркалѣ себя мы зримъ въ душѣ своей,
И низкихъ свойствъ хвала вельможъ не восхищаетъ,
Но чаще ихъ краснѣть къ досадѣ заставляетъ.
Не въ дружбѣ жить съ тобой ты самъ принудишь ихъ,
Но бѣгать отъ тебя и отъ похвалъ твоихъ.
Когда же думаешь опять за лиру взяться,
То помни, что всегда долгъ первый твой—стараться
Не добродѣтели въ вельможахъ выхвалять,
Но слабостямъ умѣть искусно потакать;
Грабителю твердя, что наживаться въ нуждѣ,
Скажи, что все живетъ добычею въ природѣ;
Красы увядшей видъ умножитъ зной,
Кокетку старую—царицею любви:

Кто жъ сластолюбія почти погибъ въ пучинѣ,
Тому изобрази въ прелестнѣйшей картинѣ
Всѣ ласки нѣжныя прелестницъ записныхъ,
И ихъ объятія, и поцѣлуи ихъ,
И чувства пылкія, и нѣгу сладострастья,
Прибавь, что только въ немъ искать намъ должно счастья;
Невѣждамъ повторяй, что просвѣщенье вредъ,
Что завсегда оно причиной было бѣдъ,
Что наши праотцы хоть книгъ и не любили,
Но чуть не во сто кратъ счастливѣй внуковъ жили;
Творца галиматьи зови красой пѣвцовъ,
Дивисѣ высокому въ безсмыслицѣ стиховъ...
Но чтобъ безъ бѣдъ пройти по скользкой сей дорогѣ,
Подчасъ будь глухъ и нѣмъ и забывай о Богѣ;
У знатныхъ баръ шути и забавляй собой,
Въ день другомъ будь для нихъ, а въ сумерки—слугой;
Скрывъ самолюбіе подъ маской униженья,
Съ терпѣніемъ внимай гласъ гнѣва и презрѣнья;
И если вытерпишь и болѣ что-нибудь,
Смолчи, припомнивши, что это къ счастью путь.
Располагаясь такъ, ты будешь всѣмъ пріятенъ
И такъ богатъ, какъ я, и точно такъ же знатенъ...

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Не уступлю за благо жизни сей
Ни добродѣтели, ни совѣсти моей!
Не заслужу того, чтобы писатель юный,
Бросающій въ порокъ со струнъ своихъ перуны,
Живыми красками, въ разительныхъ чертахъ,
Меня изобразилъ и выставилъ въ стихахъ!
Судьбой враждующей невольно увлеченный,
Могъ уклониться я отъ истины священной;
Но шествуя льстецовъ презрѣнною стезей,
Я мученикомъ былъ, гнушаясь самъ собой;
Съ душою пылкою, младой питомецъ Музы
Влачить позорныя недолго можетъ узы...
И я, попрежнему ставъ истины жрецомъ,
Далъ клятву никогда не быть впередъ льстецомъ.
Когда путь къ счастію столь низокъ въ жизни сей,
Такъ пусть останусь я при бѣдности моей,
Пусть буду цѣлый вѣкъ скитаться безъ шинели
Въ осенніе дожди и въ зимнія метели;
Мнѣ лютость непогодъ поможетъ перенесть
Мое сокровище единственное—честь!

БОГАЧЪ.

Такъ думая, мой другъ, ты въ нищетѣ, конечно,
При прозѣ и стихахъ останешься навѣчно!
Но било семь... Прощай! Сенаторъ графъ Глупонъ
Просилъ меня къ себѣ пріѣхать на бостонъ!

ПЕРЕВОДЧИКУ АНДРОМАХИ.

(на случай пятаго изданія сей прекрасной Расиновой трагедіи).

Пусть современники красотъ не постигаютъ,
Которыми вездѣ твои стихи блестятъ;
Пускай отъ зависти ихъ даже не читаютъ
И имъ забвеніемъ грозятъ!
Хвостовъ! Будь твердъ и не страшись забвенья:
Твой славный переводъ Расина, Буало,
Въ награду за труры и дивное терпѣнье,
Врагамъ, завистникамъ на зло,
Вѣнцомъ безсмертія вѣнчалъ твое чело.
Такъ, такъ; твои стихотворенья
Въ потомствѣ будутъ всѣ читать
И слезы сожалѣнья
За претерпѣнныя гоненья
На мавзолей твой проливать.

Сынъ Отечества 1821.—Русская Старина 1893, LXXV.

ВЪ АЛЬБОМЪ Т. С. К.

Своей любезностью опасной,
Волшебной сладостью рѣчей,
Вы край далекій, край прекрасный
Душѣ напомнили моей.
Я вспомнилъ мрачныя дубравы,
Я вспомнилъ добрыхъ земляковъ,
Гостепріимные ихъ нравы
И радость шумную пировъ.
Я вспомнилъ пламенную младость,
Я вспомнилъ первую любовь,
Опять воскресла въ сердцѣ радость,
Пѣвецъ для счастья ожилъ вновь;
Иной подругѣ обреченный,
Обѣтамъ вѣрный навсегда.
Моей Матильды несравненной
Я не забуду никогда.
Она, какъ вы, была прекрасна,
Она, какъ вы, была мила,
И такъ же для сердецъ опасна
И точно такъ же весела.

1820—1824. Сѣверный Меркурій 1830, № 8.

ПУСТЫНЯ [1]).

(къ м. г. ведрагъ).

Бѣжавшій отъ суетъ
И отъ слѣпой богини,
Твой другъ—младой поэтъ—
Вдругъ сталъ анахоретъ
И жизнь ведетъ въ пустынѣ.
Въ душѣ моей младой
Нѣтъ болѣ жажды славы,
И шумныя забавы
Смѣнилъ я на покой...
Безумной молодежи
Покажется смѣшно,
Что я не пью вино,
Что мнѣ вода дороже,
И что я сплю давно
На одинокомъ ложѣ;
Но не смотря на то,
На тихій звукъ свирѣли
Въ уютный домикъ мой
Вертлявою толпой
Утѣхи налетѣли
И весело обсѣли
Въ немъ всѣ углы, другъ мой!
Съ печалію жъ докучной
Сопутникъ неразлучный,
Томительный недугъ
И, дочь мірского шума

---

[1]) Ефремовъ помѣстилъ въ своемъ изданіи лишь отрывки, находя стихотвореніе растянутымъ и слабымъ.

Со свитою своей,
Души угрюмой дума
Отъ хижины моей
Стремятся торопливо...
Лишь только боязливо
Задумчивость порой
Заглянетъ въ уголъ мой,
Покойный и счастливый.
Оставивъ шумный свѣтъ
И нѣгу сладострастья,
Какъ могъ во цвѣтѣ лѣтъ
Найти дорогу счастья
Твой вѣтреный поэтъ —
Ты спросишь въ изумленьи,
Мой другъ, въ уединеньи,
Какъ пышные цвѣты,
Кипятъ въ воображеньи
Прелестныя мечты!
Онѣ волшебной силой
Въ тѣни моей нѣмой,
Съ своей подругой милой —
Фантазіей младой
Меня увеселяютъ
Чудесною игрой
И сердцу возвращаютъ
Утраченный покой,
Который мнѣ въ пустынѣ
Милѣе всѣхъ даровъ
Обманчивой богини:
И злата, и чиновъ,
И шумныхъ пированій,
И ласковыхъ рѣчей,
И вѣтреныхъ лобзаній
Предательницъ - цирцей...
Но ты, мой другъ безцѣнный,
Быть можетъ, хочешь знать,
Какъ дни мои летятъ
Въ Украйнѣ отдаленной?
Изволь: твой другъ младой,
Простясь съ коварнымъ міромъ,
Съ свободою златой,
Душъ пламенныхъ кумиромъ,
Живетъ въ степи глухой,
Судьбу благословляя;
Онъ съ ложа здѣсь встаетъ,
Зарю предупреждая,
И въ садикъ свой идетъ
Немного потрудиться,
Взявъ заступъ, на грядахъ.
Когда-жъ устанетъ рыться,
Онъ съ книгою въ рукахъ
Подъ тѣнь деревъ садится
И въ пламенныхъ стихахъ,
Иль въ прозѣ чистой, плавной,
Чуждъ горя и заботъ,
Восторги сладки пьетъ.
То Пушкинъ своенравный,
Парнасскій нашъ шалунъ,
Съ Русланомъ и Людмилой,
То Батюшковъ рѣзвунъ,
Мечтатель легкокрылый;
То Баратынскій милый,
Иль съ громомъ звучныхъ струнъ,
И честь и слава россовъ,
Какъ диво-исполинъ,
Парящій Ломоносовъ;
Иль Озеровъ, Княжнинъ,
Иль Тацитъ-Карамзинъ
Съ своимъ «девятымъ томомъ»,
Иль баловень-Крыловъ
Съ гремушкою и Момомъ.
Иль Гнѣдичъ и Костровъ
Со старикомъ-Гомеромъ,
Или Жанъ-Жакъ Руссо
Съ проказникомъ Вольтеромъ;
Воейковъ-Буало,
Жуковскій несравненный,
Иль Дмитріевъ почтенный,
Иль фаворитъ его,
Милоновъ—бичъ пороковъ,
Иль ветхій Сумароковъ,
Иль Душеньки творецъ,
Любимецъ музъ и грацій;
Поэтовъ образецъ,
Иль важный нашъ Горацій
Иль сладостный пѣвецъ —
Нелединскій унылый,
Или Панаевъ милый
Съ идилліей своей —
Въ тиши уединенной
Дарятъ попеременно
Мечты душѣ моей...
Но полдень. Въ домъ укромный
Иду; давно ужъ тамъ
Меня обѣдъ ждетъ скромный;
Пріятный ѳиміамъ
Отъ сочныхъ яствъ курится;

Мгновенно возбудится
Завидный аппетитъ,
И труженикъ-піитъ
За шаткій столъ садится...
Потомъ на одръ простой
Онъ на часокъ приляжетъ;
Богъ сна, Морфей младой,
Ему гирлянду свяжетъ
Изъ маковыхъ цвѣтовъ
И въ легкомъ снѣ покажетъ
Пріятелей пѣвцовъ.
Они всѣ въ Петрополѣ;
Въ моей счастливой долѣ
Лишь ихъ недостаетъ!
Подъ вечеръ за работу
Иль въ садъ, иль въ кабинетъ,
Иль грозно на охоту
Съ котомкой за спиной
Иду съ ружьемъ—на бой
Иль съ зайцами, иль съ дичью;
И, возвратясь домой
Обремененъ добычью,
Пью ароматный чай...
Вдругъ входитъ невзначай
Ко мнѣ герой Кавказа,
Котораго въ горахъ
Ни страшная зараза,
Ни абадзехъ, ни бахъ,
Ни грозный кабардинецъ,
Ни яростный лезгинъ,
Ни хищный абазинецъ
Среди своихъ долинъ
Въ шесть лѣтъ не въ силахъ были
Духъ твердый сокрушить.
Непобѣдимымъ быть,
Казалося, сулили
Герою небеса;
Но вдругъ его плѣнили
Прелестные глаза...
Вздыхая и вздыхая,
Не умеръ чуть боецъ;
Но сжалясь наконецъ,
Красавица младая
И сердце и себя,
Героя полюбя,
Съ рукой ему вручила
Во храмѣ подъ вѣнцомъ;
Но скоро измѣнила
И молодымъ пѣвцомъ
Бойца перемѣнила...
Сей отставной майоръ,
Гроза кавказкихъ горъ,
Привезъ съ собой газеты.
Принявши грозный видъ,
«Почто,—входя, кричитъ,—
Мои младыя лѣты
Съ такой быстротой,
О, труженикъ младой,
Сокрылись въ безднахъ Леты?
Война, война кипитъ!
Въ Морѣ пышетъ пламя!
Поднявъ свободы знамя,
Грекъ оттоману мститъ!
А я, а я не въ силахъ
Летѣть туда стрѣлой,
Куда стремлюсь душой!...
Кровь тихо льется въ жилахъ
И съ каждымъ, съ каждымъ днемъ
Все болѣе хладѣетъ;
Рука владѣть мечомъ,
Какъ прежде, не умѣетъ,
И бичъ кавказскихъ странъ
Часъ-отъ-часу дряхлѣетъ.
И грозный оттоманъ
Предъ нимъ не поблѣднѣетъ!»
Со вздохомъ кончивъ рѣчь,
Майоръ съ себя снимаетъ
Полузаржавый мечъ
И слезы отираетъ.
О прошлой старинѣ,
О сѣчи своевольной,
О мирѣ, о войнѣ
Поговоривъ довольно,
Мы къ ужину идемъ;
Тамъ снова въ разговоры,
А изрѣдка и въ споры,
Разгорячась виномъ,
Майоръ со мной вступаетъ:
И Порту, и Кавказъ
Въ покоѣ оставляетъ,
Поэзію ругаетъ
И приступомъ Парнассъ
Взять грозно обѣщаетъ!
Но вотъ ужъ первый часъ.
Морфей зоветъ къ покою
И старому герою
На вѣжды вѣетъ сонъ;
Вакхъ также наступаетъ,

А старость помогаетъ,
И въ спальню быстро онъ,
Качаясь, отступаетъ
Въ атакѣ съ трехъ сторонъ...
Майора въ ретирадѣ
До ложа проводя,
Я освѣжить себя
Иду въ прохладномъ садѣ.
Чуть слышный вѣтерокъ,
Цвѣтовъ благоуханье,
Лепечущій потокъ,
Листочковъ трепетанье,
И мракъ, и тѣнь древесъ,
И тишина ночная,
Пучина голубая
Безоблачныхъ небесъ,
И въ ней, въ дали безбрежной,
Уныла и блѣдна,
Средь яркихъ звѣздъ одна,
Какъ лебедь бѣлоснѣжный,
Плывущая луна,
И древъ и неба своды,
И хижинка моя,
Смотрящіеся въ воды
Шумящаго ручья,
И лодки колыханье,
И Филомелы гласъ,—
Все, все очарованье
Въ священный ночи часъ!
Природы красотами
Спокойно насладясь,
Я тихими шагами
Въ пріютъ свой возвращусь,
Пенатамъ покланюсь,
Къ нимъ вѣрой пламенѣя,
И на одрѣ простомъ
Въ объятіяхъ Морфея
Забудусь сладкимъ сномъ...
Такъ юнаго поэта,
Вдали отъ шума свѣта,
Проходятъ дни въ глуши.
Ничто его души,
Мой другъ, не безпокоитъ,
И онъ въ нѣмой тиши
Воздушны замки строитъ.
Заботы никогда
Его не посѣщаютъ;
Напротивъ, завсегда
Съ нимъ вмѣстѣ обитаютъ
Свобода и покой
Съ веселостью безпечной...
Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно,
И часъ разлуки злой
Съ пустынею нѣмой
Мчитъ время быстротечно.
Покину скоро я
Украинскія степи
И снова на себя
Столичной жизни цѣпи,
Суровый рокъ кляня,
Увы, надѣну я!
Опять подъ часъ въ прихожей
Надутаго вельможи
(Тогда какъ онъ покой
На пурпуровомъ ложѣ
Съ прелестницей младой
Вкушаетъ безмятежно,
Ее лобзая нѣжно),
Съ разстерзанной душой,
Съ главою преклоненной,
Межъ челядью златой,
И чинно и смиренно
Я долженъ буду ждать
Судьбы своей рѣшенья
Отъ глупаго сужденья,
Которое мнѣ дать
Изъ милости разсудитъ
Лѣнивый полу-царь,
Когда его разбудитъ
Въ полудни секретарь...
. . . .
Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло
И въ шумномъ вихрѣ свѣта
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ-дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ,
Или убійцъ судей,
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу,—
О срамъ! о времена!—
Поссорились за оду.

Соревнователь Просвѣщенія. 1821 г., № 21.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.
(Пр. Тих. Чир—ной).

Подъ тѣнью миртовъ и акацій
Въ могилѣ скромной сей
Лежитъ прелестная подруга юныхъ грацій;
Ни плачущій Эротъ, ни скорбный Гименей,
Ни прелесть майской розы,
Ни друга юнаго, ни двухъ младенцевъ слезы
Спасти Полину не могли!
Судьбы во цвѣтѣ лѣтъ на вѣки обрекли
Ее изъ пламенныхъ объятій
Супруга нѣжнаго, дѣтей, сестеръ и братій
Въ объятья хладныя земли...

Соревнователь Просвѣщ. 1821 г., № 12.

М. Г. БЕДРАГѢ.

На смерть Полинѣ молодой,
Твое желанье исполняя,
Въ смущеньи, трепетной рукой
Я написалъ стихи, вздыхая,
Коль не понравятся они—
Чего и ожидать не трудно—
Тогда не лѣность ты вини,
А даръ отъ Аполлона скудный,
Который данъ мнѣ съ юныхъ лѣтъ;
Желалъ бы я, пачкунъ бумаги,
Писать какъ истинный поэтъ,
А особливо для Бедраги;
Но что же дѣлать... силы нѣтъ![1])

1821. Изд. 1872.

НА РОЖДЕНЬЕ Я. Н. БЕДРАГИ [2]).

Да будешь, малютка, какъ папа безстрашенъ,
Пусть пламень гусара пылаетъ въ крови;
Какъ маменька—доброй душою украшенъ
И общей достоинъ любви.
Но что я желаю? Любезность, отвага
И пылкость души молодой
Уже въ колыбели, молютка, съ тобой:
Безъ нихъ—не родится Бедрага.

13 іюня 1821. Русская Старина 1871, № 7.

ТРІОЛЕТЪ НАТАШѢ.

Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу не любить!
Чтобъ, зря ее, быть равнодушнымъ,
Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ.
Я сердцу вѣчно былъ послушнымъ,
Такъ какъ же мнѣ не говорить:
Ахъ, должно, должно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу не любить!

Невскій Зритель 1820, IV.

---

[1]) Легко видѣть, что это лишь игривая скромность поэта; стихотвореніе имѣетъ съ предшествующимъ нѣкоторую общность.

[2]) Это стихотвореніе было записано М. Я. Веневитиновымъ со словъ Я. Н. Бедраги. См. о Бедрягѣ письмо Рылѣева отъ 20 ноября 1820 года.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Завѣса наконецъ съ очей моихъ упала,
И я коварную Дориду разгадалъ!
Ахъ если бъ прежде я измѣнницу узналъ,
Тогда бы менѣе душа моя страдала,
Тогда бъ я слезъ не проливалъ!
Но могъ ли я имѣть сомнѣнье?..
Ея плѣнительный и непорочный видъ,
Стыдливости съ любовію боренье,
И взгляды нѣжные, и жаръ ея ланитъ,
И страстный поцѣлуй, и персей трепетанье,
И робкое въ часы отрадъ признанье—
Все, все казалось въ ней свидѣтельствомъ любви
И нѣжной страсти пылкимъ чувствомъ!
Но было все коварствъ плодомъ
И записныхъ гетеръ искусствомъ,
Корысти низкія трудомъ!..
А я, безумецъ, въ ослѣпленьи,
Дориду хитрую въ душѣ боготворилъ,
И страсти пламенной въ отрадномъ упоеньи,
Боговъ лишь равными себѣ въ блаженствѣ мнилъ!..
1820.
Невскій Зритель 1821, V.

НЕЧАЯННОЕ СЧАСТІЕ.

(Подражаніе древнимъ).

О радость, о восторгъ! Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрѣлъ полунагую!
Какое зрѣлище отрадное очамъ!
Власы волнистые небрежно распущенны
По алебастровымъ плечамъ,
И перси дѣвственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкій станъ подъ дымкою одной,
И полныя огня плѣнительныя очи,
И все, и все—въ часы глубокой ночи,
При ясномъ свѣтѣ лампъ, въ обители нѣмой...
Дыханья перевесть не смѣя въ изумленьи,
На прелести ея въ безмолвьи я взиралъ,
И сердце юное пылало въ восхищеньи;
Въ восторгахъ таялъ я, и млѣлъ, и трепеталъ,
И взоры жадные сквозь дымку устремлялъ...
Но что я чувствовалъ, когда младая Лила,
Увидѣвъ въ храминѣ меня между столповъ,
Вдругъ въ страхѣ вскрикнула и руки опустила—
И съ тайныхъ прелестей послѣдній спалъ покровъ!
1821. Изд. 1872.

СЧАСТЛИВАЯ ПЕРЕМѢНА.

Свершилось наконецъ! Я Лидой обладаю
И за протекшія страданія мои,
  Въ награду пламенной любви
  Теперь въ восторгахъ утопаю!
Вчера, еще вчера, суровый бросивъ взглядъ,
Надежды Лидинька навѣкъ меня лишила
  И въ сердцѣ юномъ породила
  Любви пренебреженной адъ.
Въ отчаяньи, въ тоскѣ, печальный и угрюмый,
Въ уединеніе свое я прибѣжалъ;
  Въ умѣ рождались мрачно думы;
  Я то нѣмѣлъ, то трепеталъ...
Вдругъ слышу голосъ я... и вижу предъ собою
Младую Лидиньку вечернею порою,
Въ слезахъ раскаянья, съ любовію въ очахъ,
Съ улыбкой горестной на розовыхъ устахъ!
  «Прости, что я не довѣряла,
  «Мой милый другъ, любви твоей;
  «Но нынѣ я тебя узнала—
  «И предаюсь взаимно ей!»
  И съ тѣми нѣжными словами
Вдругъ бросилась въ мои объятія она,
  И страсти пламенной полна,
Къ моимъ устамъ касалася устами.
Огонь любви въ очахъ ея пылалъ...
Въ восторгахъ страстныхъ я и млѣлъ, и трепеталъ,
  И Лиду прижималъ
Къ трепещущей груди дрожащими руками!

1820. Русская Старина V. 1872,

КЪ N. N.

У васъ въ гостяхъ бывать
  накладно;
Я то замѣтилъ ужъ не разъ:
Проголодавшися изрядно,
Сижу въ гостиной цѣлый часъ
Я безъ обѣда и безъ васъ.
Порой надъ сердцемъ и разсудкомъ
Съ такой жестокостью шутя,
Зачѣмъ, не понимаю я,
Еще шутить вамъ надъ желуд-
  комъ?

1820—1824.

Сѣверный Меркурій 1830, № 11.

НАДГРОБНАЯ РЫЖКУ.

Когда ты одаренъ чувствительной
  душою
Вздохни, прохожій глубоко:
Подъ сею насыпью простою,
Увы, лежитъ Рыжко!
Его завидовали долѣ
Всѣ лошади окрестныхъ деревень!
И не дождаться имъ во вѣкъ по-
  добной холи!
Бывало, кучеру нѣтъ воли
Рыжка кнутомъ стегнуть за лѣнь;
Ему особенное стойло,
И сѣна вдоволь и овса
И въ Оредижи было пойло...
Работы жъ въ мѣсяцъ—три часа.

Апрѣль, 1872 г.

ЗАВѢТЪ БОГОВЪ.

Кого не побѣдитъ Аглаи томный взоръ,
Младенческая словъ небрежность,
Ея пріятный разговоръ
И чувствъ нелицемѣрна нѣжность,—
Тому любви во вѣкъ не знать;
Тотъ будетъ въ мірѣ сиротою,
Какъ отчужденный тосковать
Съ своей холодною душою.
Невскій Зритель 1820, IV.

Оставь меня! Я здѣсь молю,
Да всеблагое провидѣнье
Отпуститъ дѣвѣ преступленье,
Что я тебя еще люблю.
Молю, да ненависть заступитъ
Преступной страсти пламень злой—
И честь, и стыдъ, и мой покой
Цѣной достойною искупитъ!
1820—1824.
Русская Старина, 1871.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ

одного стараго воина, умершаго отъ кровопусканія.

Вотъ вѣрное изображенье
Того, котораго щадили сорокъ лѣтъ
Трехгранные штыки и пули на сраженьѣ;—
Не пощадилъ его лишь докторскій ланцетъ!
Благонамѣренный 1820, № 5.

ЭПИГРАММЫ.

Извѣстно всѣмъ давно, что стиходѣй Аристъ
Грамматикѣ еще не обученъ какъ должно;
Теперь же изъ его піесы видѣть можно,
Что онъ и на руку не чистъ!

Не диво, что Гралевъ такъ много пишетъ вздору,
Когда онъ хочетъ быть Плутархомъ въ нашу пору.
Невскій Зритель, 1820, IV.

«Ты знаешь Ѳирса чудака?
Зачѣмъ онъ головой киваетъ?»
— Отъ пустоты она ужъ такъ легка,
Что и зефиръ ее качаетъ.
Благонамѣренный 1820, № 5.

Бездѣлокъ нѣсколько нашъ Бавій накропавъ,
Твердитъ, что можетъ онъ съ Державинымъ равняться...
Въ жару мечтать такъ Бавій правъ;
Но вправѣ же зато и мы надъ нимъ смѣяться!
Благонамѣренный 1820, № 13.

На Франца, Императора австрійскаго.

Весь міръ великостію духа
Сей Императоръ удивилъ:
Онъ непріятель мухамъ былъ,
А непріятелямъ былъ муха.

(ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОКЪ).

Жена грѣхъ тяжкій сотворила:
Молодка мужа умертвила
И погребла его въ лѣску,
При ручеечкѣ, на лужку.
Курганъ цвѣтами засѣвала
И, засѣвая, припѣвала:
«Растите такъ вы высоко,
Какъ мужъ зарытъ мой глубоко;
Цвѣтите розы и растите,
Растите долго и цвѣтите...»
Окровавленная потомъ
Преступница—бѣгомъ, бѣгомъ—
Чрезъ пни, суки и черезъ кочки!...
Чрезъ горы, долы, ручеечки!...
Порывный въ позѣ вѣтръ свиститъ,
Темно и хладно средь долины
Кой-гдѣ ворона прокричитъ
Или раздается крикъ совиный.
Окровавленная бѣжитъ
Со страхомъ вдоль лѣсной опушки;
Спустиласьвъдолъ,гдѣстарыйбукъ;
Вотъ въ лѣсъ, къ пустынника избушкѣ —
И въ двери ветхія стукъ-стукъ!
«Скажи святыми мнѣ устами,
Что дѣлать бѣдная должна,
И чѣмъ спасусь предъ небесами?
На муки всѣ готова я,
На тяжкій постъ, на бичеванья,
Лишь только-бъ тайна злодѣянья
Упала навсегда съ меня!...»
— «Жена! ей отвѣчаетъ старый:
Тебя убійство не страшитъ,
Но мучитъ страхъ достойной кары
И сердце ужасъ бременитъ.
Иди-жъ себѣ, и будь въ покоѣ;
Откинь напрасную боязнь;
Пребудетъ тайной дѣло злое
И не близка преступной казнь.
Такъ суждено Творцомъ издавна;
Что жены дѣлаютъ не явно —
Однимъ мужьямъ то знать дано,
А мужъ твой спитъ въ землѣ давно.»
Такимъ довольная отвѣтомъ,
Бѣжитъ преступница домой;
Бѣжитъ чрезъ лѣсъ—и предъ разсвѣтомъ
Узрѣлъ пышный теремъ свой.
Ея дѣтей кружокъ унылый
Передъ воротами стоитъ:
«А гдѣ нашъ тятя, тятя милый?»
На-встрѣчу матери кричитъ.
«Кто? Тятя вашъ?...» Но замеръ голосъ,
На головѣ сталъ дыбомъ волосъ,
Не знаетъ, что сказать дѣтямъ...
«Онъ ѣдетъ. дѣти! ѣдетъ къ намъ...»
«Бѣги скорѣе, я въ тревогѣ,
Бѣги, Демидъ, я слышу стукъ...
Тамъ конскій топотъ, крикъ и гулъ,
Тамъ пыль клубится по дорогѣ...
Бѣги за рощу въ лѣсъ густой:
Не гости-ль ѣдутъ въ теремъ мой?»
Вотъ пыли облака густыя;
Все ближе, ближе... Чрезъ лѣсокъ
Вотъ ѣдутъ. скачутъ вороные,
Вотъ вправо, влѣво—на мостокъ...
Сребромъ и златомъ блещутъ платья,
Мечи булатные блестятъ
И въ золотыхъ ножнахъ гремятъ —
То въ гости къ брату скачутъ братья...
«Невѣстка здравствуй!... Гдѣ-же братъ?»
—«Гдѣ братъ? гдѣ братъ? Гдѣ мужъ мой милый?...
Давно уже (онъ) взятъ могилой...»
«Когда и гдѣ?»—«Въ чужой странѣ
Погибъ несчастный на войнѣ...»
Жена отъ страха поблѣднѣла,
Затрепетала и замлѣла —
И вотъ безъ чувствъ упала вдругъ.
Тревожно, робко взоры водитъ:
«Гдѣ онъ? Гдѣ трупъ? Гдѣ мой супругъ?...»
Но вотъ опять въ себя приходитъ
Въ восторгѣ, будто внѣ себя:
«Скажите мнѣ, скажите, братья!
Когда дождуся мужа я?
Когда, когда въ свои объятья
Я заключу, мой другъ, тебя?...»
. . . .
. . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАМѢЧАНІЕ:

Примѣчаніе № 1, помѣщенное на 82 стр. должно быть помѣщено на 83 стр. и относиться къ „думѣ"—Димитрій Донской.

Строки на 163 стр., начиная со словъ „Якушкинъ приводитъ" и кончая „поэмы „Наливайко"—надо отнести на 162 стр., въ ея конецъ.

Отрывки неизвѣстныхъ годовъ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ выпускѣ, посвященномъ Рылѣеву.

891.71
R991
v.1

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

„Библіотека Декабристовъ

подъ редакціей Г. Балицкаго.

Въ библіотеку декабристовъ войдутъ **произведенія, мему** **записки и процессъ декабристовъ**, а также болѣе цѣнныя запис декабристахъ **другихъ авторовъ.**

Въ каждомъ выпускѣ будутъ помѣщены **портреты** декабрис **ихъ біографіи** и **редакціонныя статьи.**

Въ первую очередь будетъ помѣщено:

Полное собраніе сочин. **К. Ѳ. Рылѣева. Собраніе Констит** сост. декабристами, и **уставъ** тайнаго общества.

Сочиненіе **Николая Тургенева — „Россія и Русскіе"** (ни раз изданное въ Россіи. Въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить около **5** р

Полное собр. сочин. **В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевскаго;** во минанія **М. А. Фонвизина, Кн. Оболенскаго** и **И. Д. Якушкина.**

Жены декабристовъ, Процессъ Декабристовъ, Роль Николая событія 14-го декабря.

„Русская правда"—**П. И Пестеля**, и друг.

Библіотека декабристовъ выходитъ ежемѣсячно выпуск отъ 10 до 12 листовъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 12 выпусковъ **6** руб. Съ доставкою Россіи—**7** руб. На полгода—**4** руб.; На 2 мѣс.—**1** р. **50** к. Годовымъ подп камъ допускается разсрочка: при подпискѣ—**1** руб. **50** коп., съ дост.—**2** ру выходѣ 1-й кн.—**1** руб.; 2-й—**1** руб.; 3-й—**1** руб. и 4-й—**1** руб. **50** к., съ —**2** руб.

Цѣна III выпуска 80 коп.

Книжнымъ магазинамъ уступка 30%.

Подписка принимается въ редакціи отъ 12-ти до 2-хъ часовъ д въ книжныхъ магазинахъ. Во избѣжаніе задержекъ въ высылкѣ выпус редакція проситъ при разсрочкѣ **своевременно** высылать послѣдующіе взн

Складъ издательства для Москвы находится при книжномъ магазин ОБРАЗОВАНІЕ. Кузнецкій мостъ. Телеф. 99-05.

Складъ для Петербурга при кн. маг. **„Право"**—Владимірскій, 7.
Складъ для Сибири—Харбинъ кн. маг. **Ровенскаго.**

Адресъ редакціи: **Москва, Долгоруковская ул., д. № 85, кв. 29. Телеф. 6**

Редакторъ-издатель **Г. Балицкій.**

Тип.-Лит. Русск. Тов. Печатн. и Изд. дѣла, Москва.
Тел. 18-35 и 53-95.